ИИЧО — И.Э. Краткие сообщ., вып. 41.

ЛОИЭ

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

I

1946

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

ИЭ
Ж-1046/2

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ

Библиотека Ин-та ЭТНОГРАФИИ АН СССР

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

I

1946
ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
М. Г. ЛЕВИН

С. П. ТОЛСТОВ

ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ ИНДОЕВРОПЕЙЦЕВ И СОВРЕМЕННАЯ ЭТНОГРАФИЯ И ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА[1]

I

1. Во второй половине XIX и в начале XX в. делались многократные попытки решить вопрос о происхождении индоевропейцев путем сближения языков индоевропейской системы с языками других систем — с семито-хамитской, с урало-алтайской, особенно с угро-финской группой, с кавказскими языками. Однако, несмотря на большое количество мобилизованных авторами аргументов, ни одна из этих теорий не получила сколько-нибудь широкого признания. Тем не менее приходится констатировать, что собранный сторонниками этих теорий материал позволил считать, что упомянутые три системы в целом находятся в очень тесной связи с индоевропейской, и, пожалуй, главным затруднением был недостаток аргументов, позволяющих решить вопрос в пользу одной из них,— а именно так обычно ставился вопрос.

2. Учение Н. Я. Марра о значении языкового скрещения в мировом глоттогоническом процессе и о роли яфетических языков в процессе индоевропейского глоттогенеза, встреченное враждебно или замалчиваемое представителями классической индоевропеистики, оказало сильное влияние на развитие взглядов представителей этнографической лингвистики, тех групп языковедов, которые работают над изучением языков бесписьменных народов Австралии и Океании, Америки, южных и северных окраин Азии, а также некоторых исследователей доиндоевропейских языков древнего Востока. Среди них за последние десятилетия получило широкое распространение представление о скрещенном происхождении древнеиндоевропейских языков. Так, Уленбек видит в древнеиндоевропейском языке продукт скрещения двух компонентов, языков A и B, первый из которых он связывает с финноугорскими, второй — с кавказскими (яфетическими) языками. К сходной точке зрения приходит Е. Форрер. Австрийский лингвист и этнолог В. Шмидт видит в индоевропейском смешение языков северного «круга первичных языков» (Primärsprachenkreis) с аборигенными яфетическими языками. Ученик Шмидта, этнолог В. Копперс, также подходя к проблеме с точки зрения «школы культурных кругов», пытается видеть в

[1] Автореферат доклада на сессии Комиссии этногенеза и сектора Европы Института этнографии АН СССР 26 июня — 4 июля 1944 г.

Библиотека Академии Наук СССР

«праиндогерманской» культуре (соответственно — в языке) скрещение центральноазиатской «пастушеской культуры» и южной «земледельчески-материнскоправовой», связываемой им с кавказскими (яфетическими) народами. Этот тезис лингвистически и культурно-исторически обосновывает А. Неринг. Взгляды Уленбека и Неринга принимает и развивает американский антрополог К. С. Кун. Ряд археологов и этнологов «культурно-исторического» направления (Менгин, Флор, Даусон и др.) считают, что основу индоевропейцев составил восточноевропейский земледельческий народ, носитель культуры крашеной керамики, смешавшийся с пришедшим из Азии пастушеским народом.

Заимствовав от Н. Я. Марра учение о роли в глоттогоническом процессе языкового скрещения и применяя его к проблеме этно- и глоттогенеза индоевропейцев, эти авторы пытаются приспособить это учение к своим сплошь да рядом весьма реакционным взглядам на общий характер исторического процесса, к «теории культурных кругов», а иногда и к «расовой теории».

Так, Форрер видит в одном из компонентов скрещения пассивную, дающую материал языка, а в другом активную, формообразующую стихию. Менгин идет дальше, рисуя процесс скрещения как взаимодействие народов завоевателя и покоренного. Шмидт, Копперс и другие представители их школы видят здесь столкновение патриархальной (северной, центральноазиатской пастушеской) и матриархальной (земледельческой) культур и т. д.

II

3. Для понимания глоттогенеза индоевропейцев важно установить систематическое место древних индоевропейских языков среди языков мира. Вышеизложенное позволяет считать установленными древние и разнообразные материальные связи индоевропейских языков прежде всего с языками соседних систем — яфетической, урало-алтайской, семито-хамитской, а через них и с более отдаленными группами (через урало-алтайцев — с палеоазиатскими и американскими языками, через яфетидов и семито-хамитов — с негроафриканскими и койсанскими языками). Уже давно обращено внимание на лингвистические корреспонденции (преимущественно лексические) между как индоевропейскими, так и семито-хамитскими языками — и языками Южной Азии и Океании (австро-азиатскими и малайско-полинезийскими), а южно-азиатских (мунда и дравидийский) — с урало-алтайскими (Колдуэлл, Винклер, Эксбонд, Хевеши, Бэрроу). Риве наметил ряд связей между малайско-полинезийскими и австралийскими языками и некоторыми американскими, а Н. Я. Марр, полемизируя с Риве, тех и других — с яфетическими. Эти параллели, благодаря своему конкретно материальному характеру, свидетельствуют о несомненных исторических связях между весьма отдаленными народами мира, отнюдь не сводимых к синстадиальности, не объясняющей лексические совпадения. Эти связи не дают права на далеко идущие выводы многих из исследовавших их авторов (теория хамитского происхождения готтентотов, фантастические теории об «арийском» происхождении полинезийцев, равно как и об их семитском или хамитском происхождении, теория финноугорского происхождения языка мунда у Хевеши, теория океанийского происхождения американских индейцев у Риве и т. д.) как потому, что эти связи все же весьма количественно незначительны, так и потому, что каждый из упомяну-

тых авторов выделяет лишь *одно* направление этих связей, игнорируя другие, часто не менее важные.

Однако они являются несомненным свидетельством древнего единства человечества, отдельные группировки которого, вопреки измышлениям расистов, с древнейших времен находились в многообразном общении и прошли путь многократных скрещений, связавших между собой народы противоположных концов мира.

Примитивность средств сообщения и экономическая замкнутость отдельных племен и этнических групп компенсировалась длительностью периода первобытной истории (несколько десятков тысячелетий существования современного вида человека, если не говорить о сотнях тысяч лет истории палеоантропов), дававшей возможность ощутительно проявиться результатам даже самых слабых связей между племенами.

4. Однако для решения таких конкретно-исторических проблем, как поставленная в заглавии настоящего доклада,— установления древних лексических связей явно недостаточно. На помощь должен притти анализ структурных параллелей. Однако сопоставление основных категорий морфологической классификации языков (аморфность, агглютинация, флективность и т. д.), равно как и таких синтаксических категорий, как пассивный и активный строй предложения,— здесь неприменимо, ибо эти категории отражают ступени общего хода развития речи и совпадения здесь чаще всего оказываются стадиальными. Большое значение приобретает в этой связи анализ различий *деталей* структуры стадиально однотипных языков.

5. Лингвистической наукой давно было обращено внимание на наличие двух типов синтаксически-морфологического строя, выявляющихся как на агглютинирующей, так и на флективной стадии: строй префиксирующий и строй суффиксирующий.

Американский лингвист Сэпир (1921) так определяет деление языков на эти два типа: «Мне представляется, что есть психологически довольно существенное отличие между языком, наперед устанавливающим формальную характеристику корневого элемента еще до того, как он назван (а это и есть то, что свойственно языкам тлинкитскому, чинукскому и банту), и таким языком, который начинает с конкретного ядра слова, а характеристику этого ядра определяет рядом последующих ограничений, каждое из коих урезывает в некоторой степени то общее, что предшествует. Сущность первого таит в себе нечто как бы диаграммное или архитектурное, второй же есть метод досказывания задним числом. В наиболее разработанных префиксирующих языках слово производит на нас впечатление как бы кристаллизации неустойчивых элементов, слова же типичных суффиксирующих языков (турецкого, эскимосского, нутка) суть «детерминативные» образования, в которых каждый прибавляемый элемент по-своему детерминирует форму слова» (русский перевод 1934 г., стр. 99).

За последние десятилетия разработкой вопроса об этих двух типах занимались с психологической стороны Вундт, с этнографо-лингвистической Шмидт и отчасти Грэбнер. Шмидт сделал попытку уточнить понятие суффиксирующего (объективного по Вундту) и префиксирующего (субъективного) строя, положив в основу не столько морфологический, сколько синтаксический критерий: суффиксирующие языки — это языки с постановкой *безаффиксного* генетива *перед* определяемым им существительным, префиксирующие — языки с постановкой такой

же формы генетива *после* существительного. Соответственно этому принципу Шмидт считает, что в чисто суффиксирующих языках поссесивные аффиксы (← генетив) должны префиксироваться, а в префиксирующих — суффиксироваться.

При бесспорности первого критерия второй представляется весьма сомнительным, так как местоименный аффикс не тождественен местоимению и подвержен общей закономерности формального развития языка, т. е. должен уподобляться другим аффиксам. Следовательно, вопреки Шмидту, суффиксация поссесива при препозиции генетива (как в тюркских) отнюдь не может доказывать факта скрещения языков суффиксирующего и префиксирующего строя (ср. в тюркских — притяжательное местоимение — если оно употребляется (факультативно) — всегда перед именем, местоименный аффикс,— как и все другие аффиксы,— после; например, men + in ˈkitab + im — моя книга). Это позволяет внести весьма серьезные коррективы в карту распространения языков обоих типов, составленную Шмидтом.

Попытка Шмидта связать один из типов с патриархатом, другой с матриархатом совершенно голословна и недоказуема и является характерным примером априорной тенденциозной схемы.

III

6. Анализ синтаксического строя языков мира позволяет уловить картографически выявляемые два обширных ареала, характеризуемых различными тенденциями в развитии предложения:

ЮЗ ареал (Афревразиатский или атлантоиндоокеанский)	*СВ ареал* (Амеразиатский или тихоокеанский)
1. Сказуемое перед дополнением, соответственно — определение *после* определяемого.	1. Сказуемое *в конце*, отсюда соответственно—определение *перед* определяемым.
2. Преобладание префиксации.	2. Преобладание суффиксации.
3. Тенденция к моносиллабизму, двух- и трехбуквенный корень.	3. Неограниченная агглютинация, значительные размеры основы, широкое развитие инкорпорации, полисинтетические формы.
4. Согласный корень, легкая изменяемость гласных, используемая в морфологических целях.	4. Сингармонизм.
5. Классовый префикс—артикль, широкое развитие предлогов, тенденция к аналитическому строю.	5. Поссесивная суффиксация, тенденция к синтетическому строю.
Характерные примеры	*Характерные примеры*
Языки банту, полинезийские, андаманский, мон-хмер; менее последовательные: семито-хамитские, суданские, из американских — чинук, тлинкитский и некоторые другие.	Урало-алтайские языки, дравидийские, мунда, японский; менее последовательные: палеоазиатские (кроме кетского), подавляющее большинство американских.
Пример: суахели — ˈwaˈtu ˈweˈma ˈwaˈnakisoma ˈaeˈtabu hiki ˈkiˈuri «люди хорошие читают книгу эту красивую».	*Пример*: узб.— jaxši kišiˈlär bu güzäl kitabˈni oqurjˈdiˈlar «хорошие люди эту красивую книгу читают».

7. Генетически обе эти формы представляют два направления эволюции первоначального *односложного слова-предложения*. Первое направление сохраняет древнюю тенденцию *односложности* — развитие

пошло за счет сочетания ряда самостоятельных слов, первоначально тоже слов-предложений, выступающих в качестве детерминативов друг к другу. Второе направление сохраняет древнюю тенденцию *слова-предложения* — развитие пошло за счет инкорпорации, а затем суффиксации детерминирующих слов. Обе тенденции *не абсолютны*, но одна из них обычно доминирует.

При первом типе оказывается естественно важным наиболее значимые элементы предложения и детерминирующие частицы поставить *наперед*, ибо при сохранении самостоятельной роли каждого слова необходимо *заранее* определить их взаимную связь. Отсюда *сказуемое* встает *перед дополнением* (отсюда функционально — место предлога), *определяемое перед определением, классовый детерминатив* (→ артикль) *перед словом*.

При втором типе, напротив, важно подчеркнуть *конец* речения, носящего характер *единого слова*, как и конец отдельного, сложно-синтетического слова в тех случаях, когда предложение состоит из нескольких слов. Отсюда *сказуемое после дополнения, определяемое после определения, классовые детерминативы* (*в том числе поссесивные суффиксы*) *после основы*.

При первом типе слово, сохраняющее свою древнюю краткость, сохраняет и свойственную первобытной стадии развития языка особенность — основную семантическую нагрузку оно несет на своих согласных элементах, что дает возможность сохранить и другую древнюю особенность — использование фонетических оттенков слова для образования дериватов («семантический ряд» и «пучек» Н. Я. Марра), откуда впоследствии явления внутренней флексии, согласный корень.

Во втором типе разросшееся слово-предложение требует фонетического подчеркивания своего единства, откуда явления сингармонизма.

Абстрагируясь пока от отдельных исключений, мы можем констатировать, как видно из прилагаемой карты 1, что оба эти типа имеют огромные, в основном сплошные ареалы распространения. Один охватывает юго-западную часть эйкумены, другой северо-восточную. На стыке обоих ареалов лежит обширная область трех языковых систем, дающих разнообразные сочетания обоих принципов: на востоке — китайский, на западе — яфетические и индоевропейские.

8. В китайском языке видим: 1) сохранение односложности и связанных с ней фонетических закономерностей; 2) сказуемое перед дополнением (черты юго-западной группы); 3) определяемое после определения; 4) аффиксы, когда они появляются, после основы (черты северо-восточной группы).

Наиболее вероятно видеть в этом результат скрещения языков ЮЗ и СВ групп. Тромбетти, как известно, считает китайский язык результатом скрещения двух компонентов: алтайского (СВ группы нашей классификации) и другого, близкого к мон-хмерским (ЮЗ группа).

9. Яфетические языки дают огромное разнообразие типов строения. Ср. адыгейское: ʎem ɬəɾuzəɾ yeubəɬə — «собака волка ловит», даргинское адамьий хъали б-я́къи-б — «человек дом построил» (при широком развитии классовой префиксации), при новогрузинском ka ́ϑ -ma · aašen-a saaql-[1] — «человек выстроил дом», и перебой в урартийском: karu-ni Etïuni-ni — «покорил (он) Этиуни», šidiutu-bu E-GAL — «соорудил- (я) дворец» (при широком развитии суффиксации) — и ini pili agu-ni — «этот канал провел» и т. д.

Отдельные яфетические языки оказываются структурно (а часто и лексически) чрезвычайно близкими к языкам других языковых систем, принадлежащих к различным группам нашей классификации: грузинский — к семито-хамитским (ЮЗ группа), баскский — к урало-алтайским и палеоазиатским (СВ группа).

10. Древние индоевропейские языки обнаруживают также черты обеих групп: сказуемое перед дополнением, определение чаще п о с л е определяемого, иногда — перед ним, внутренняя флексия, широкое развитие словообразующих префиксов и предлогов — при столь же широком развитии суффиксальной морфологии. В новых индоевропейских языках обнаруживается крайнее разнообразие структуры: французский и английский являются почти классическими образцами ЮЗ группы. В сторону аналитического строя, свойственного ЮЗ группе, уклоняются (менее резко) болгарский из славянских и новоперсидский. Славянские и балтийские сохраняют древнеиндоевропейское строение. Древнегерманские обнаруживают резкое отклонение от основного индоевропейского типа; в них выступают с особенной резкостью чуждые древнеиндоевропейским черты СВ типа: сказуемое в конце предложения, после дополнения, полисинтетизм, пережитки гармонии гласных (Поливанов) — при столь же резко выраженных и также чуждых древнеиндоевропейским чертах ЮЗ типа: пережитки согласного корня (Мейе), что сочетается со значительным преобладанием неиндоевропейской лексики.

11. Все это позволяет считать, что как в китайском, так и в яфетических и индоевропейских языках надо видеть продукт различных путей скрещения языков ЮЗ и СВ групп.

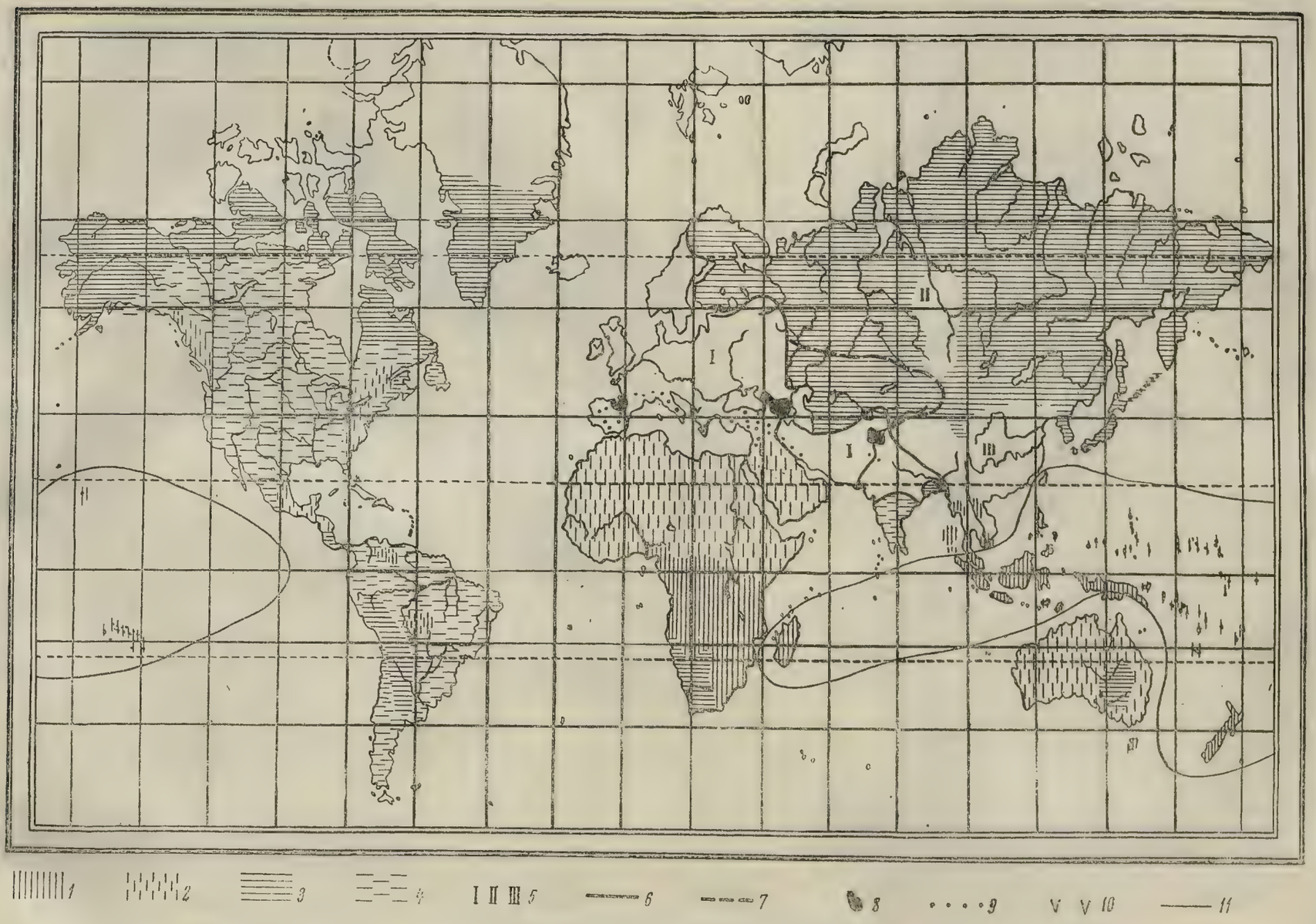
При этом яфетические языки, как доказал Н. Я. Марр, материально теснейшим образом связанные с индоевропейскими, располагаются в *пределах* ареала распространения индоевропейских языков.

Общность ареала, большая фонетическая и грамматическая архаичность яфетических языков, более пестрый характер сочетания признаков обеих групп нашей классификации в этих языках, чем в индоевропейских, позволяют притти к выводу, что в проблеме происхождения индоевропейских языков мы должны следовать за Н. Я. Марром, а не за Уленбеком, Форрером и Нерингом, так как в самих яфетических языках даны уже обе исходные формы скрещения — СВ и ЮЗ группы.

Языки суффиксирующего строя типа шумерского и хурритского и языки префиксирующего строя типа хаттийского, вхождение которых в яфетическую систему сейчас прочно установлено, как и другие яфетические языки, в процессе своего скрещения легшие в основу индоевропейского глоттогенеза, определили скрещенный характер индоевропейского синтаксиса и морфологии. Вместе с тем давно подмеченные связи индоевропейских языков с семито-хамитскими, с одной стороны, и с урало-алтайскими — с другой, находят свое объяснение в аналогичных линиях связей яфетических предков индоевропейцев.

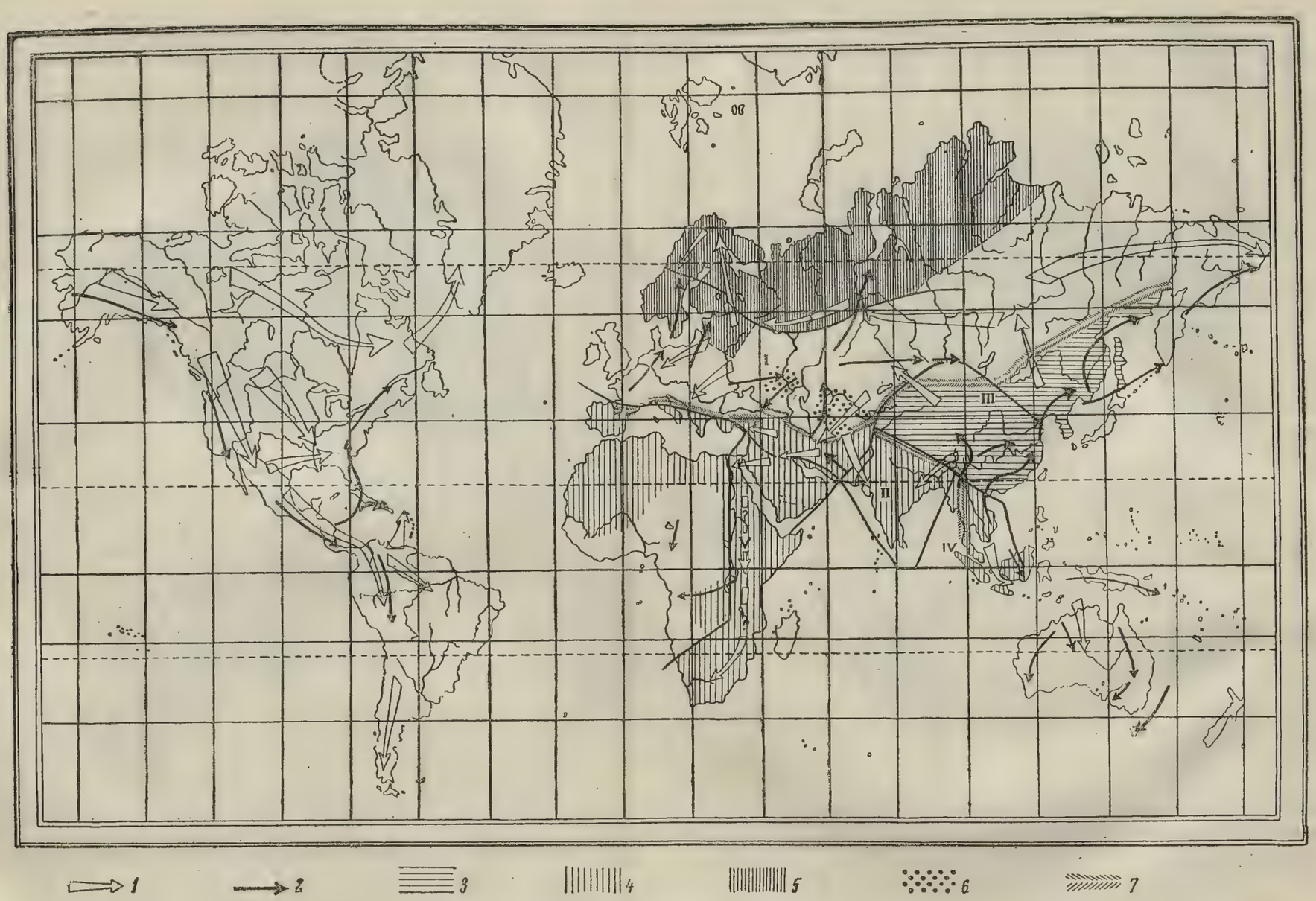
IV

12. Оба пути развития синтаксическо-морфологической структуры социально-функционально равноценны. Поэтому гипотетически можно было бы ожидать крайней пестроты в географическом распространении обеих групп (гипотеза Шмидта о связи одной из них с матриархатом, другой — с патриархатом, как выше указано, научного значения не



Карта 1. Схема распространения типов структуры языков

Языки: *1* — последовательно префиксирующие; *2* — непоследовательно префиксирующие; *3* — последовательно суффиксирующие; *4* — непоследовательно суффиксирующие; *5* — смешанные; *6* — восточная граница индоевропейских языков (в раннем средневековье); *7* — северо-восточная граница индоевропейских языков в начале нашей эры; *8* — яфетические языки; *9* — зарегистрированные памятниками древние яфетические языки; *10* — переходные яфетидо-индоевропейские языки; *11* — граница малайско-полинезийских (австронезийских) языков



Карта 2. Схема послеледникового расселения человечества

Послеледниковое расселение

1 — племена СВ ветви; *2* — племена ЮЗ ветви; *3* — область дифференциации СВ группы; *4* — область дифференциации ЮЗ группы; *5* — область оледенения; *6* — древние водоемы и необитаемые болотистые низины; *7* — горные барьеры. Незаштрихованы: в Старом Свете — малозаселенные субглациальные области; в Америке и Австралии — незаселенные области.

Зоны древних скрещений:

I — яфетидо-индоевропейская; *II* — мунда-дравидийская; *III* — тибето-китайская; *IV* — индокитайская; V — бушмено-хамитская; — *границы зон древних скрещений*

имеет). Поэтому установленная выше закономерность их географического распространения требует своего конкретно-исторического истолкования. Вероятнее всего связывать формирование обеих групп с древнейшими явлениями процесса освоения эйкумены. Наиболее вероятной гипотезой является предположение, что на раннем этапе истории расселения Homo Sapiens имела место длительная географическая изоляция двух больших совокупностей первобытных племен, в результате чего в одной из них возобладала одна тенденция развития древнего слова-предложения, в другой — другая. Ледниковые явления эпохи верхнего палеолита дают вероятное объяснение этой изоляции.

Новейшие исследования советских антропологов (Рогинский, Дебец, Трофимова, Чебоксаров) устанавливают важные для нашей проблемы закономерности этого процесса. По Рогинскому дифференциация двух основных антропологических стволов человечества — негроидно-европеоидного, с одной стороны, и монголоидного — с другой, связаны с явлениями ледниковой изоляции. Ареал формирования монголоидных типов охватывал первоначально ограниченную область Восточной Азии, в период максимального оледенения надолго почти полностью изолированную от остальной эйкумены. Дебец, Трофимова и Чебоксаров устанавливают, что процесс заселения северной Евразии шел двумя путями: с юга, из Понтомедитерранной области, и с востока — из Восточной Азии через Сибирь. Продуктом древнего скрещения этих типов являются, согласно этим авторам, так называемые лапоноидные группы. Н. Н. Чебоксарову удалось установить широкое распространение протомонголоидных элементов среди древнего и современного населения Германии, вплоть до области Альп. Видимо восточные элементы в эту же эпоху проникают через слабо заселенную в ледниковое время территорию аллювиальных равнин Средней Азии — в Переднюю Азию и северо-западную Индию, идя навстречу обратному потоку переднеазиатских и южноазиатских протоевропеоидно-веддоидных групп, заселявших Среднюю Азию и Южную Сибирь, где они сталкивались с третьей идущей с запада волной широколицых западных европеоидов (деривaты Кроманьона). В. В. Бунак объясняет происхождение арменоидного типа Передней Азии и динарского и альпийского типов Средней и Западной Европы скрещением, с одной стороны, типов, близких к мединеранным формам европеоидов, с другой стороны, типов, сопоставляемых им с малайским, т. е. протомонголоидных. Маршалл обнаружил в Мохенджодаро представителей двух европеоидных (широко- и длинноголового), австралоидного и монголоидного типов.

Монголоидный элемент в типе сумерийцев отмечает еще Христиан. В свою очередь среди современных монголоидных групп антропологические группы населения Казахстана, Западной, Средней и Южной Сибири несут отпечаток значительной европеоидной примеси, что вполне понятно при учете того, что в бронзовом веке, вплоть до начала I тысячелетия до н. э. степная полоса Казахстана и Сибири была заселена представителями европеоидного типа (носители афанасьевской и андроновской культур).

При бесспорном отсутствии закономерной связи между антропологическими и языковыми явлениями, факт случайного совпадения параллельно развивающихся в условиях ледниковой изоляции процессов дает нам право использовать антропологические следы древнейших группировок и передвижений человечества для решения нашей проблемы.

Анализ ареалов распространения наших ЮЗ и СВ структурных типов языков позволяет предположить первоначальную связь первого из них с областью ледниковой эйкумены европеоидно-негроидных типов, второго — с областью протомонголоидов. *Ареал формирования яфетических, а затем — их трансформации — индоевропейских языков почти в точности совпадает с отмечаемой антропологами зоной древних скрещений восточных и западных типов* (см. карту).

Начало формирования яфетической системы, видимо, может быть отнесено к эпохе этих древних скрещений, т. е. к рубежу палеолита и неолита. Начало индоевропейской системы датируется поздней бронзой.

13. Вероятно, теми же процессами объясняются исключения из нашей закономерности, устанавливаемые для менее исследованных областей. Для объяснения появления элементов СВ группы на юге ср. монголоидные черты бушменского типа, антропологический состав населения Мохенджодаро, традиции древнекитайского искусства у папуасов. В свою очередь, установленная антропологами древняя волна колонизаций, шедшая с юга вдоль Тихоокеанского побережья Азии, может объяснить появление префиксирующего строя в некоторых языках Тихоокеанского побережья Америки.

V

14. Все существующие классификации индоевропейских языков исходят из формально лингвистического критерия и рассматривают отношения различных ветвей и групп индоевропейской системы вне учета их историко-хронологических отношений. В схемах этого рода такие группы, как романские, германские и балто-славянские языки, стоят рядом с такими, как кельтские, иллирийские, фракийские и т. д. На деле эти группы представляют совершенно различные ступени индоевропейского глоттогенеза и должны занимать в классификации место, соответствующее этим ступеням. «Исчезновение» одних и «появление» других групп на страницах исторических источников отнюдь не являются результатом только передвижений и взаимных столкновений метафизически всегда себе тождественных, замкнутых и развивающихся только внутри себя единиц лингвистической классификации; напротив, гораздо чаще это результат закономерной трансформации одних в другие, причем первые могут быть поэтому определены как предковые формы последних, а не как параллельные звенья статической классификационной схемы. При этом, так как глоттогонический процесс идет в основном путем интеграции ранее разнородных компонентов, младшие группы могут иметь и, как правило, имеют по несколько предковых форм, причем возможно (и нередко) отдельные из этих предковых групп являются общими для двух и более младших групп, различия которых восходят к влиянию других компонентов.

Так, мы можем определить иллирийскую, фракийскую и скифо-сарматскую палеоиндоевропейские группы языков в их отношении к неоиндоевропейским как протославянские; скифо-сарматская наряду с этим вместе с палеоиранской может рассматриваться как протоиранская; италийская и кельтская палеоиндоевропейская группа могут быть названы протороманскими и т. д. В тех случаях, когда мы имеем реликтовые группы или изолированные языки, имеющие прямое соответствие в палеоиндоевропейских (армянский, греческий, албанский, кельт-

ские), прямая генеалогия нередко является только кажущейся, так как неоиндоевропейские варианты этих палеоиндоевропейских языков осложнены разнообразными позднейшими скрещениями. Я не говорю уже о палео- и неоиранских языках, представляющих качественно различные структуры, преемственность которых может быть установлена только лингвистическим анализом.

Палеоиндоевропейские группы языков в своих отношениях друг к другу дают нам существенно иную картину, чем неоиндоевропейские. Групп гораздо больше (вероятно, значительную часть их мы не знаем), и они значительно ближе друг к другу, образуя цепь незаметных переходов (кельтские ←→ италийские (←→ эллинские) ←→ иллирийские ←→ фракийские (←→ фригийские ←→ палеоармянские) ←→ скифо-сарматские ←→ палеоиранские ←→ палеоиндийские.

15. Палеоиндоевропейским группам языков в классификации должны предшествовать пока еще трудно уловимые *протоиндоевропейские*, т. е. те конкретные яфетические языки, которые непосредственно явились участниками в формированиях древнейших индоевропейских и именно поэтому обнаруживают слабые черты «индоевропеизма», как «индоевропейский» хеттский и, возможно, хурри-митанийский, «индийский» слой которого, по всей видимости, вовсе не является чужеродным напластованием (как, исходя не из фактов, а из априорного постулата вечности и принципиальной неизменяемости современных лингвистических систем, думает большинство писавших на эту тему авторов), и касситский. Сюда же, вероятно, могут быть отнесены языки этрусков, пелазгов, лигуров. Остаточной и сильно модифицированной формой этих древних протоиндоевропейских языков, вероятно, является «тохарский».

Оставляя для дальнейших исследований полное освещение этой проблемы, мы можем отметить, что, видимо, тирсено-этрусские и пелазгские языки, вместе с неизвестными северояфетическими компонентами, сыграли крупную роль в формировании протославянских палеоиндоевропейских групп — иллирийцев, фракийцев и скифо-сармат, этруски и лигуры — в кельтоиталийском этногенезе и т. д.

16. С этой точки зрения мы не можем принять тенденцию, получившую хождение среди части последователей Н. Я. Марра, рассматривать «яфетическую стадию» как некую общую стадию в развитии чуть ли не всех языков мира. «Яфетическая стадия» является стадией в истории развития только индоевропейских языков. Яфетидо-урало-алтайские, яфетидо-кетские, яфетидо-семито-хамитские, яфетидо-готтентотские связи, убедительно вскрытые Н. Я. Марром, получают объяснение в свете вышеизложенного, как прежде всего результат отложения в самих яфетических языках пластов юго-западной группы (на базе которой в основном развиваются семито-хамитские языки) и группы северо-восточной (на базе которой формируются урало-алтайские). Это, однако, отнюдь не исключает и несомненного обратного влияния яфетических, как таковых, на своих южных и северных соседей.

17. Вместе с тем необходимо предостеречь от отождествления палеояфетических и современных неояфетических языков, которые прошли после формирования индоевропейской системы огромный путь развития и стоят примерно в таких же отношениях к палеояфетическим, как новоперсидский к языку ахеменидской клинописи или итальянский — к латинскому. Только палеояфетические могут рассматривать-

ставлены и различные крестьянские работы, праздничные увеселения и т. д. К русскому же отделу относится уголок старообрядцев (черемшанские скиты). Незначительным количеством экспонатов представлена украинская группа населения. Финский отдел представляет быт мордвы и мещеры (ткачество, костюм и деревообрабатывающие промыслы). Довольно полно представлена чувашская группа (костюм, модели орудий производства, предметы языческого культа, бытующего у них до сих пор). Татарская народность представлена несколько слабее (вышивки, костюм, ювелирные украшения), зато полнее представлен быт немцев-колонистов. Имеется в музее еще отдел общей этнографии, куда входят отдельные вещи калмыков, китайцев, японцев и др. С самого начала своего существования Этнографический музей преследовал строго научную задачу, дать точное, в известной классификации предметов, отображение быта всех национальностей края. И в этом отношении коллекции музея служили уже материалом для многих работ исследовательского характера, особенно рукописный материал, хранящийся в архиве музея. И другая задача, которую несет музей,—это культурно-просветительная. Самый большой интерес к музею проявляют школы. Так, в 1921 г. музей посетили 93 экскурсии в 2597 человек из которых 1497 чел.—школьников. В 1922 г. общее количество посещаемости увеличивается до 4800 человек и в 1924 г.—5500 человек. В настоящее время музей только что закончил капитальный ремонт своего здания и после года закрытия вновь открыт для публики.

Т. М. Акимова.

МУЗЕЙ ВОЛГАРЯ.

В результате работ 1920—1925 гг. по собиранию материалов по быту населения реки Волги в Саратове организован историко-этнографический „Музей волгаря", в котором в настоящее время насчитывается до 700 экспонатов. Все они подвергнуты разработке и составили из себя следующие отделы: 1) истории развития волжского судоходства, 2) истории звукового и светового сигнала, 3) народно-волжского искусства, связанного с судоходством, 4) истории бурлачества, 5) быта волжских рабочих (грузчиков, бакенщиков, сплавщиков, рыбаков и т. д.), 6) такелажных работ, 7) рыбацкий и пр. В связи с указанной музейной работой собирался и рукописный этнографический материал, содержание которого, как и „Музей волгаря", тесно связано с Волгой и может быть разбито на следующие темы: 1) волжское бурлачество (исторические сведения, обычное право, история кабального договорного найма, заработная плата, быт и творчество), резьба и раскраски на старинных и современных волжских судах (история резьбы и раскраски на судах, связь судовой резьбы с украшениями на крестьянских домах и т. д.), 3) сплав на реке Волге и ее притоках, техника сплава, терминология сплава, быт и творчество сплавщиков и т. д.; волжские грузчики (крючники) (история зарождения артели грузчиков, труд, заработная плата грузчиков, обиходный и трудовой словарь, быт и творчество и т. д.). Кроме этого, имеется немало сведений по волжскому судоходству, быту и жизни волжских рабочих (бакенщиков, матросов, рыбаков и т. д.), рыболовству. Музей Волгаря содержится на средства Рупвода, но работает в тесной связи с этнографическим музеем, в здании которого он и развернут. *Ф. Родин.*

ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ.

В начале июля 1925 г. профессором Саратовского ун-та В. В. Бушем была организована экспедиция в Липовскую вол., Вольского у., Саратовской губ., для обследования современного состояния великорус-

ского энеолита). Этот-то атланто-иберийский докельтский (пиктский?) субстрат, видимо, и сказался в специфическом направлении обоих упомянутых языков.

В германских языках давно установлено наличие как в словаре, так и в грамматике особенно значительного пласта неиндоевропейских элементов, один из которых связывается с семито-хамитскими (Мейе), другие — с урало-алтайскими (Бубрих, Поливанов).

Это объясняется поздней индоевропеизацией протогерманских племен.

В условиях болотно-лесного окружения в междуречье Эльбы и Рейна, в дельте последнего, в Ютландии и на примыкающих к ней островах и на юге Скандинавии дольше всего сохранились остатки древнего доиндоевропейского населения, рыболовно-охотничьих лапоноидных племен, носителей языков СВ типа, смешавшихся с пришедшими вдоль Атлантического побережья носителями североиберийской мегалитической культуры, с которыми связан расцвет западнобалтийского бронзового века. Процесс индоевропеизации этого населения связан с относительно поздним (не раньше второй половины I тысячелетия до н. э.) проникновением сюда ответвлений различных древнеиндоевропейских племен — кельтов с запада и юга, протославян (иллирофракийцев) с юга и востока. Ассимиляция этих групп с доиндоевропейским населением области и дала в результате те поверхностно индоевропеизированные языки, которые впоследствии выступают под именем германских.

20. Поздним скрещением с неиндоевропейскими языками объясняются и структурные особенности новоперсидского: проникновение семитической лексики в письменный среднеперсидский язык (арамейские «идеограммы») в VII—X вв. сменилось массовым распространением в иранских областях арабского языка как языка государства, религии, науки и, на первых порах, литературы, что влечет за собой широкое распространение семитских синтаксических комплексов — отсюда появление «персидского изафета» (ср. kitab-i-'alim и kitab-ul-'alim) аналитическое перерождение парадигмы. Одновременная массовая инфильтрация тюркских элементов в армию и государственный аппарат влечет за собой некоторые грамматические упрощения, слагающиеся под влиянием тюркской грамматики (отмирание грамматического рода).

А. Д. УДАЛЬЦОВ

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ИНДОЕВРОПЕЙЦЕВ[1]

Тема «Происхождение индоевропейцев» в переживаемый нами исторический момент особенно актуальна. В процессе борьбы с фашистской идеологией перед нами лежит задача разоблачить фашистскую фальсификацию в вопросе происхождения индоевропейцев, имеющую своей целью обосновать мнимое превосходство немецкого народа над всеми другими, в том числе и индоевропейскими, народами мира. Наша задача — противопоставить этой фашистской идеологии картину этногенеза индоевропейцев, как она рисуется в настоящее время на основе достижений советской науки в области археологии и отчасти лингвистики. Это предварительная постановка вопроса, для окончательного решения которого необходимы специальные исследования советских ученых в области археологии, антропологии и лингвистики.

1

Особенностью советской науки в области индоевропейского этногенеза является отрицание ею теорий индоевропейских миграций,— признавать ли «прародиной» индоевропейцев Среднюю Азию, как в последнее время вновь это делают, например, Э. Мейер, Файст и Грозный, или Скандинавию, как это пропагандирует предфашистская и фашистская фальсификация истории.

Неприемлема для советской науки и точка зрения Латама, Шрадера и Кречмера об обширной «прародине» индоевропейцев от Франции до Памира, так как она связана с теорией единого индоевропейского «пранарода» и единого «праязыка», от которых якобы произошло в дальнейшем все многообразие индоевропейских народов и языков.

Советская наука руководится в вопросе о происхождении индоевропейцев теми общими положениями, которые были развиты еще в 1923—1924 гг. академиком Н. Я. Марром в его работе «Индоевропейские языки Средиземноморья».

Согласно Н. Я. Марру, индоевропейские языки представляют собою дальнейшую стадию развития доиндоевропейских, или яфетических, языков автохтонного населения. «Вначале был не один, а множество племенных языков, единый праязык есть сослужившая свою службу научная фикция», говорит Н. Я. Марр. Процесс превращения яфетических языков в индоевропейские протекал на основе общественного развития, воз-

[1] Краткое изложение части доклада, прочитанного 26 июня 1944 г. на сессии Комиссии этногенеза и сектора Европы Института этнографии АН СССР.

никновения новых хозяйственно-общественных условий, в том числе открытия металлов и широкого их использования в хозяйстве. «Индоевропейской семьи языков, расово отличной, не существует» [1].

Дальнейшее развитие этих положений на основе марксизма-ленинизма и составляет задачу советской науки.

II

Обратимся к данным археологии.

Если мы поставим себе задачу отыскания археологически определяемой этнической общности, постепенно складывающейся в Европе и Передней Азии на основе прогрессирующего общественного развития, то должны будем, мне кажется, обратиться к далеким временам IV—III тысячелетий до н. э., когда в Европе шел процесс выделения из общей массы автохтонного населения, состоявшего из первобытных охотников и рыболовов, племен, знающих уже первобытное (мотыжное) земледелие и скотоводство. На основе этого процесса складывается длинная полоса культур, носящих в археологии название культур «ленточной» и «крашеной» керамики, с местными своеобразиями («Дунайская», «Трипольская», «Семиградская», «Каппадокийская» и др.), но носящих вместе с тем много общих признаков. Полоса эта охватывает обширную территорию от Франции через Подунавье с прилегающими к нему местностями, доходившими местами на севере — до Прибалтики, а на востоке — до Днепра, идущую далее через Македонию и Фессалию с Эгейским морем к Малой Азии (Каппадокия), Месопотамии, Сирии и Египту, а в Средней Азии — к Анау, Хорезму и еще далее на восток вплоть до Китая и юго-западной Манчжурии.

Не вся эта обширная полоса культур, постепенно расширявшаяся, явилась основой для дальнейшего образования индоевропейской общности. На этой территории складывались позднее кроме индоевропейцев и другие этнические группировки, например, семито-хамитические и отчасти тюркские и др. С другой стороны, эта полоса охватывала культуры различных ступеней развития: от классовых государств с высокой культурой в Передней Азии и Северной Африке — до первобытных племен с материнским родом и яфетической стадией языкового развития в Европе. Однако все эти племена, повидимому, связаны были цепью путей взаимных сношений, по которым передавались результаты достижений в области техники и культуры. Намечались, как можно предполагать, и некоторые этнические общности между ними в результате скрещений на этой, еще чисто яфетической стадии языкового их развития.

В течение II тысячелетия до н. э. в жизни этих племен происходит в Европе настоящий переворот, который Энгельс назвал «первым великим разделением труда», когда скотоводы выделились из общей массы остальных варваров, первобытных земледельцев, а в более отсталых областях — еще охотников и рыболовов. В это время происходит освоение бронзы и расширение взаимных связей, вызванных межплеменным разделением труда и необходимостью получения компонентов бронзы, олова и меди, добываемых большей частью в различных районах. Это период перехода от «ленточной» и «крашеной» керамики к так называемой «штампованной» или «веревочной» (шнуровой). В области обще-

[1] Н. Я. Марр. Избранные работы, т. I, стр. 185.

ственных отношений это переход от материнского рода к отцовскому, сопровождавшийся изменениями во всем быту — в области домостроительства, в области погребального ритуала. Словом, имеет место возникновение новой стадии в развитии материальной и духовной культуры, а в языковом развитии — переход, повидимому, от яфетической стадии к индоевропейской на основе новых многочисленных языковых скрещений.

В Европе образуются на этой стадии новые этнические общности, в своих дальнейших взаимных комбинациях дающие начало позднейшим индоевропейским народностям. Особенно характерна встреча в Средней Европе двух археологических культур — восточной, связанной с «веревочной» (шнуровой) керамикой, и западной культуры так называемых «колоколовидных кубков». Здесь намечаются, быть может, различия между позднейшими племенами западных индоевропейцев группы «кентум» и восточными индоевропейцами группы «сто» или «сатем».

В Восточной Европе и Западной Азии устанавливается в это время новая обширная общность культур: андроновской, хорезмийской (тазабагъябской), срубной и на западе,— может быть, унетицкой и ранней лужицкой. Завязываются связи между лесостепными первобытно-земледельческими культурами и степными скотоводческими (до появления стадии «военных демократий» связи пока еще мирные), а также связи с лесной полосой Восточной Европы (фатьяновская культура).

III

Процесс образования индоевропейских народностей и языков шел, как мы видели, не изолированно для каждой народности, но в массовом масштабе, на основе оживленных культурных межплеменных взаимосвязей и скрещений, чем и объясняется наличие индоевропейской общности. Намеченная нами полоса первичного протоиндоевропейского этногенеза была, следовательно, не «прародиной» единого индоевропейского «пранарода» с единым «праязыком», но территорией культурных сближений и скрещений ряда первоначально яфетических племен и народностей, переживавших аналогичные стадии общественного развития.

Дальнейший процесс постепенного расширения первоначальной территории протоиндоевропейского этногенеза к северу (в германскую Прибалтику и Скандинавию), к западу (в кельтские области), к югу (в Испанию и Италию) и отчасти к востоку (племена «дьяковской» культуры) шел на основе переживания различными яфетическими еще племенами, соседящими с этой территорией, соответствующих стадий общественного развития — перехода от неолита к бронзе и железу, от быта и культуры охотников и рыболовов к быту и культуре первобытных земледельцев и скотоводов, от материнского рода к отцовскому — процесса, сопровождавшегося соответствующими межплеменными культурными взаимодействиями и скрещениями, в том числе и в области языка. В процессе этих сложных взаимодействий и скрещений (а возможно, и местных переселений) и образовались конкретные индоевропейские народности.

Отметим, прежде всего, что процесс этот шел на территории Европы неравномерно; часть народностей Европы долго сохраняла свой протоиндоевропейский, переходный от яфетического состояния к индоевропейскому характер, например, кельты, что подчеркивал в свое время Н. Я. Марр.

Остановлюсь на нескольких примерах этногенеза отдельных индоевропейских народностей, на этногенезе славян, германцев и эллинов.

Основное ядро протославянского этногенеза складывалось первоначально на территории Среднего Днепра, где в III тысячелетии до н. э. процветала так называемая «Трипольская культура» первобытных земледельцев-яфетидов, знавших скотоводство и производство «крашеной» керамики и живших еще материнским родом. В процессе перехода к скотоводству, как ведущей отрасли хозяйства, к освоению бронзы и к отцовскому роду эти племена расширяли территорию своего обитания к северу и северо-востоку, скрещиваясь с племенами Верхнего Днепра, Верхней Двины и Верхних Волги и Оки и образуя военноплеменные союзы и новые племенные образования предков восточного славянства: сколотов, венедов (невров) и племен западной ветви культуры «дьяковых городищ». На западе эти племена скрещивались с племенами старинной «лужицкой культуры», давшими в I—II вв. н. э. лугиев (лигиев) — одних из предков западных славян, а на юге поддерживая культурные связи с родственными им племенами фракийцев и иллирийцев. В V—VII вв. н. э. идет бурный процесс движения славянских племен (словенов и антов) на юг, за Дунай, скрещения их с иллиро-фракийцами и образования южного славянства.

Происхождение германских племен не менее сложно. Они также представляют собою продукт ряда скрещений яфетических еще племен первобытных земледельцев древней полосы культур «ленточной» керамики, постепенно расширяющих свою территорию на север, в Скандинавию и к берегам Северного моря и нижнего Рейна, и переживающих переход к преобладанию скотоводства, к обработке бронзы и к отцовскому роду.

Многочисленные скрещения, культурные взаимовлияния и прямые переселения и завоевания характеризуют сложный процесс германского этногенеза, еще не закончившегося ко временам Плиния и Тацита (I в. н. э.), когда все еще различались отдельные группы племен — ирминоны, истевоны, ингевоны и пр., носящие в своей совокупности собирательное имя германцев, данное им первоначально кельтами.

Раньше других сложились в качестве племенной группы первобытных земледельцев, а затем скотоводов — ирминоны, жившие в бассейне средней Эльбы, среди них семноны, самые древние германцы, по словам Тацита [1], область которых считалась «колыбелью всего народа». В дальнейшем процесс германского этногенеза расширяет свою территорию на север, в Западную Прибалтику и Скандинавию, где происходят скрещения, физические и культурные, протогерманцев с северными яфетидами и протофиннами, давшие в результате ингевонов и северных германцев; на западе идет скрещение протогерманцев с прирейнскими яфетидами и протокельтами, давшее начало истевонам, а на востоке частичное скрещение с негерманскими лугиями (давшее, например, начало вандалам).

Так сложились древнегерманские племена и языки, до сих пор сохраняющие еще следы своего яфетического происхождения. В современном немецком языке, например, наблюдается до 30% лексического состава, не объясняемых индоевропейскими аналогиями и представляющих собою пережиток древнего яфетического состояния языка.

[1] Тацит. Германия, XXXIX.

Переходя, наконец, к вопросу об этногенезе эллинов, необходимо подчеркнуть то большое значение, какое в этом вопросе имеет изучение этногенеза и глоттогенеза племен Малой Азии, как, впрочем, и для всего вопроса об индоевропейском этногенезе. В Малой Азии, где в последнее время открыто и изучено до двух десятков различных древних языков — яфетических, полуяфетических-полуиндоевропейских и индоевропейских, мы воочию можем наблюдать самый процесс индоевропейского глоттогенеза во всех его стадиях. И в частности, этногенез племен Балканского полуострова теперь совершенно невозможно изучать, не прибегая к помощи данных, касающихся Малой Азии, ибо на Балканах в древнейшие времена жил, повидимому, ряд племен с языками, примыкавшими по своим особенностям к языкам малоазийским. В этом отношении Балканский полуостров представлял собою как бы настоящий мост, соединявший Переднюю Азию с Европой, как мы могли это видеть и в археологическом отношении, в IV—III тысячелетиях до н. э., в эпоху господства культур «крашеной» керамики.

Языки эллинских народностей — ионийской, ахейской, эолийской, дорийской и др.— сложились в результате скрещений яфетических языков в основном, повидимому, двух типов: префиксального, аналогичного протохеттскому (пример — племя лелегов) и суффиксального, подобного языку харри (или хурри) в Малой Азии (например, племя тирсенов), может быть, скрестившихся еще с протоиллирийскими языками пришельцев с северо-запада.

В заключение необходимо указать, что процесс сложения индоевропейской общности, прослеженный нами, не протекал изолированно; яфетические племена с древней общностью являлись основой процессов этногенеза не одних индоевропейцев, но и, например, хамито-семитов, а также урало-алтайцев. Между всеми ними существовали древнейшие связи и культурные взаимовлияния.

М. О. КОСВЕН

К ПРОБЛЕМЕ ГРУППОВОГО БРАКА [1]

Групповой брак — важнейшее звено в ряду исторических форм брака и семьи. Идея группового брака — важнейший тезис всего учения о развитии брака и семьи. Более того, поскольку групповой брак связан с ранней формой организации родового общества (дуальной организацией) и присущей этой форме дуальной экзогамией, поскольку групповой брак, переходя к новой форме — парному браку, оставляет ряд пережиточных форм, играющих существенную роль в истории брачных отношений,— групповой брак занимает крупное место во всей истории первобытного общества, а тезис об этой форме имеет в нашей науке важнейшее позиционное значение. Не удивительно, что реакционная наука главные свои атаки на фронте истории первобытного общества направляет именно на тезис о групповом браке.

Надо сказать, однако, что самое понятие группового брака у создателя истории брака и семьи, введшего в науку это понятие, Л. Г. Моргана, оставалось несколько неопределенным, и значительное развитие этого понятия дал только Энгельс. С другой стороны, наши данные о групповом браке, данные этнографические, остаются ограниченными. Форма эта относится к столь отдаленному прошлому — к заре родового строя, что рассчитывать застать ее в начальном, развернутом виде в каком-либо современном этнографическом обществе, конечно, не приходится. При таких условиях мы составляем наше представление о групповом браке преимущественно на основании его бытующих пережиточных форм, к которым относится прежде всего знаменитое «пуналуа», составляющее сокращенную форму группового брака, затем некоторые ритуальные формы свободных отношений полов и далее — ряд брачных форм: полиандрия, сорорат, левират и кузенный брак. Надо заметить, что частично эти последние формы могут быть истолкованы не из группового брака, а из дуальной экзогамии.

Таким образом, определяя и характеризуя групповой брак, как эпизодическое брачное соединение, реально возможное между всеми мужчинами одного рода (или одной фратрии) и всеми женщинами другого рода (или другой фратрии), не ведущее к совместному поселению этих эпизодических супругов, связанное при этом с дуальной экзогамией, т. е. обязательным взаимобрачием этих двух родов (или двух фратрий), или племенной эндогамией,— мы, надо сознаться, конструируем

[1] Автореферат доклада, прочитанного в заседании Ученого совета Института этнографии АН СССР в июне 1944 г.

это представление о групповом браке, с одной стороны, теоретически, с другой — исходя из его последующих форм, так сказать, à posteriori.

При таких условиях всякое расширение конкретных данных и наших представлений о групповом браке имеет существенное научное значение.

Обращаем внимание на то обстоятельство, что в этнографическом мире довольно широко распространен обычай брака между людьми разных поколений и тем самым разных возрастов. Мы говорим не о тех специфических случаях брака, например стариков с молодыми девушками, которые известны из быта даже австралийцев и составляют формы общественного распада, а о нормальных, иногда предпочитаемых, освященных традицией и явно архаических формах брака между людьми разных поколений и возрастов, притом между близкими родственниками. Таковыми являются браки между племянницами и дядями (дядя здесь, конечно,— брат отца, ибо брат матери принадлежит при матриархате к тому же роду, что и его племянница — дочь сестры, и, следовательно, брак между ними в силу экзогамии невозможен) и браки между племянниками и тетками (в свою очередь, конечно, тетками — сестрами отца).

Соответствующие факты многократно отмечались в описательной этнографической литературе, но никогда, насколько мы знаем, не обобщались, не интерпретировались и не получали своего исторического места.

По общему правилу брак в этнографическом мире (и в этом отношении отсталые племена и народности не отличаются от современного развитого общества) заключается обычно между людьми примерно одинакового возраста, одного и того же поколения. Это норма для парного и моногамного брака. Норма эта оказывается, однако, исторической нормой, которая для эпохи группового брака не должна предполагаться. Норма эта входит в жизнь в непосредственной связи и в зависимости от индивидуализации брака. Именно с укреплением парного брака, когда все возможные супружеские пары оказываются уже закрепленными брачными узами, в условиях обычной, примерно равной численности лиц мужского и женского пола, для молодого, вновь вступающего в брачный возраст лица возможным супругом оказывается только лицо, тоже лишь вступившее в брачный возраст; брак оказывается возможным только в пределах одного и того же поколения. Таким образом, та брачная норма, которая нами считается нормальной, естественной, даже биологически естественной, представляется на самом деле исторически возникшей, обусловленной определенным этапом в развитии брака.

Естественно, что браки людей разных возрастов, восходящие к эпохе группового брака и существующие при господстве парного брака и даже моногамии, противореча новой норме, освященной уже новой моралью, могут выступать только в качестве пережитка, иметь характер архаического реликта и, с другой стороны, являться скорей исключением в быту даже более отсталых этнографических обществ. Со всеми этими чертами и рисуются факты тех двух категорий неравного по возрасту брака, о которых мы говорим.

Эти формы брака исходят из общего для группового, дуального, экзогамного брака порядка, по которому все люди двух противополож-

ных родов (или противоположных фратрий) независимо от возраста и поколения могут быть эвентуально супругами. В силу того особого в истории дуально-экзогамного брака явления, по которому два взаимнобрачущихся круга все более сокращаются: от брака между двумя половинами племени до брака между определенными семьями (на чем основан, между прочим, кузенный брак),— должен архаически и пережиточно быть вполне возможным брак между племянницей и дядей, племянником и теткой. Браки первой категории не имеют тех специфических особенностей, которые дают материал для их истолкования. Мы сосредоточиваемся поэтому на анализе браков второй категории, браков племянников с тетками.

Собранный нами материал по этой форме не так велик. Часто говорится о женитьбе на тетке без указания — отцовской или материнской, но в таких случаях, как было объяснено, следует всегда понимать тетку отцовскую, что иногда и прямо указывается. Такие случаи оказываются распространенными у самых различных племен: у палеоазиатских народов, индейцев обеих Америк, монголов, негров, меланезийцев и др. Иногда речь идет о женитьбе на тетке после смерти ее мужа, которым был материнский дядя нового супруга (что опять-таки вполне соответствует общему началу дуальной экзогамии), и в таких случаях эта женитьба именуется «наследованием» после дяди его жены; иногда речь идет о сожительстве племянника со своей теткой при жизни дяди (вид полиандрии). Последний случай связывается с широко распространенным порядком поселения племянников у своего материнского дяди, отражающим переживающуюся при переходе от матриархата к патриархату принадлежность детей к роду матери, своему материнскому роду. Сюда же относятся осколочные формы различного рода связей и взаимоотношений между теткой и племянником, в частности обязательное участие первой в женитьбе последнего и, наоборот, обязательное участие племянника в свадьбе тетки.

Еще меньше имеется показаний (но зато они весьма экспрессивны) о случаях брака одновременно с дочерью и матерью, что еще более приближает нас к групповому браку и в своем эволюционировавшем виде представляет собой соединение кузенного брака (ортодоксального для парного брака) с рассматриваемой нами формой брака племянника с теткой. В отдельных случаях (это заставляет предположить нечеткость показаний) здесь может быть налицо брак с кузиной и одновременно с ее дочерью — племянницей жениха, т. е. соединение кузенного брака с браком: дядя — племянница. Материал подчеркивает, что все такие браки относятся преимущественно к прошлому данных племен, следовательно, и здесь являются уже исчезающими случаями, противоречащими новым отношениям и новой морали. Эта сторона дела также характерным образом рисуется описаниями. Такие полигенические браки заключались либо одновременно с двумя женами, либо последовательно, сначала с матерью, затем с дочерью, или наоборот. Естественно, что при общем господстве индивидуального брака женитьба на матери возможна лишь тогда, когда мать овдовела, либо — в разводе. Весьма специфичны проступающие в описаниях данной формы моменты требования или настояния со стороны матери и протеста со стороны дочери — отражение разных эпох, различной морали. Наряду с требованием или настоянием матери иногда протестует против такого брака молодой жених.

При отмеченной сжатой форме дуальной экзогамии, приводящей к взаимобрачным связям между двумя семьями, и при кузенном браке, для мужа мать его жены одновременно — тетка и теща (это совпадение отражается и терминологией). Это обстоятельство в свете охарактеризованной нами сейчас архаической формы брака приводит нас к возможности истолкования того в известной мере загадочного, двуликого, одновременно злого и доброго, а вместе с тем и юмористического персонажа тещи, который так ярко выступает во всевозможных поговорках, пословицах и фольклорных мотивах, а равно в широко распространенном в этнографическом мире обычае так называемого «избегания» между зятем и тещей.

Итак, к характеристике группового брака мы получаем основание присоединить еще одну черту — возможность брачных отношений между людьми разных поколений, разных возрастов, причем мы получаем историческое объяснение возникновения, в связи с переходом от группового брака к индивидуальному, той нормы, по которой брак заключается по общему правилу в пределах одного поколения, между людьми одинакового возраста. Одновременно к числу пережитков группового брака мы можем присоединить нормативный брак между дядей и племянницей, племянником и теткой, вместе с особой формой — одновременным браком с матерью и дочерью.

Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

КОЛЬЦЕВАЯ СВЯЗЬ РОДОВ ИЛИ ТРЕХРОДОВОЙ СОЮЗ

(GENS TRIPLEX)

(Из истории развития социального строя первобытной общины) [1]

1. В изучении развития социального строя первобытной общины недостаточное внимание было обращено на особый вид взаимоотношений родов внутри племени, открытый Л. Я. Штернбергом у гиляков Приамурья и Сахалина и названный им «гиляцкой фратрией». Между тем эти порядки имеют большое значение для уяснения истории социального строя первобытной общины.

2. Эти порядки существуют у многих племен юго-восточной Азии. Так, они засвидетельствованы в Ассаме и Бирме, у качин, чиру, куки, пурум, гаро, микир и у некоторых других племен. Английские и индийские ученые, изучавшие социальный строй этих племен, не уловили связи этих порядков с односторонним кузенным браком и не смогли объяснить их.

3. Эти же отношения связи родов вскрываются также и у многих племен Индонезии, в частности у батаков. Предположение, что деление всех родов на господствующие и подчиненные обязано своим происхождением завоеванию, неосновательно. Перед нами в действительности та же система взаимоотношений, которую Штернберг назвал «гиляцкой фратрией» и которую мы называем «кольцевой связью родов» или «трехродовым союзом».

4. Аналогичные порядки существуют, повидимому, и у некоторой части племен северной и северо-западной части Австралии, где наряду с делением племен на две части (дуальная организация) существует также кольцевая связь родов. Проблема соотношения дуальной организации и кольцевой связи родов не может быть еще полностью освещена ввиду неисследованности этой группы племен. Можно лишь с некоторой уверенностью предполагать, что дуальная организация является более архаичной формой.

5. Следы кольцевой связи родов встречаются также на африканском континенте, в частности у племен лала, бемба и других. Следы эти проявляются в сохранении особой близости некоторых родов между собой, в различных обрядах и связаны с кузенным браком. У этих племен, занимающихся примитивным земледелием, существует материнско-право-

[1] Тезисы докторской диссертации, защищенной в Ученом совете Института этнографии в марте 1945 г.

вой род и брак на дочери брата матери требуется обычаем. При заключении брака жених обязан работать в течение долгих лет у тестя. Это приводит к зависимости зятьев от тестей, что ярко отразилось в фольклоре этой группы племен.

6. Более ясные следы той же кольцевой связи родов сохранились у племен северной Родезии — группы машона и у ряда племен нынешней территории Танганьики, у которых обычаи утани (или угонго) в основе своей тоже являются взаимоотношениями кузенных родов.

7. Следы существования кузенных родов в западном Судане вскрываются в анализе названий родов Дендирабе у фульбе, Санге — у волоф и др. В основе их лежит, повидимому, та же система связи родов. Однако неясно, можно ли в отношении всех их утверждать, что перед нами: кольцевая связь родов или же следы более архаических порядков дуальной организации? Лишь в странах Хауса обычаи, связанные с празднованием Нового года, указывают на некогда существовавшую связь родов между собой.

8. В Центральном Конго у племен кунду бельгийскими исследователями была описана особая система обязательств одной семьи в отношении другой, обязательств, устанавливающихся в результате получения выкупа за жену. Эта так называемая система нкита не может быть объяснена исключительно отношениями выкупа. В основе ее лежат иные, более древние формы связи: обязательства рода Ето к роду Нкаса, т. е. рода отца и рода матери. Система нкита в конечном счете связана с кузенным браком и является остатком кольцевой связи родов.

9. Дальнейшим развитием этих отношений являются обычаи передачи скота «муньвало» у скотоводческого племени валоведу в Трансваале. Муньвало связывает между собой целый ряд патриархальных семей. Эти передачи стоят в тесной связи с весьма распространенными в Южной Африке обычаями лобола. Последние считались долгое время одной из форм заключения брака путем покупки, хотя в действительности генезис их гораздо сложнее.

10. Взаимоотношения кольцевой системы связи родов отразились и в системах родства племен банту. Это доказывает анализ системы родства племени вазезуру.

11. Один из видов системы родства, названный американскими этнографами типом кроу, был засвидетельствован до сих пор только в Америке; между тем он существует также и в Африке у ряда племен Конго и Нигерии. Анализ африканских материалов показывает, что этот вид системы родства обусловлен имущественными отношениями, характерными для материнско-правового рода, а не определяется, как полагали до сих пор, известными формами брака.

12. Кольцевая связь родов неразрывно связана с обычаем кузенного брака. Среди всех известных нам форм кузенного брака наиболее древними являются: 1) двухсторонняя его форма, типичная для дуальной организации, и 2) односторонняя его форма в виде брака на дочери брата матери при кольцевой связи родов. Обе эти формы брака возникли из необходимости упорядочить брачные отношения в первобытном обществе. Все остальные формы кузенного брака являются лишь сопутствующими. Браки с прямыми кузенами появляются значительно позднее, уже при образовании большой патриархальной семьи, и яв-

ляются результатом новых складывающихся отношений и стремления сохранить имущество в пределах большой патриархальной семьи.

13. Заключение браков при условии передачи скота у скотоводческих племен (каковы, например, лобола или близкий к нему среднеазиатский калым или калынг) связывает между собой не два рода, а две патриархальных семьи. Это видно из того, что скот находится во владении отдельных патриархальных семей, а не всего рода. Однако земля является собственностью всего рода и распоряжение земельными угодьями является делом вождей и старейшин рода. Эта противоположность во владении скотом и землей дает нам ключ к пониманию существа отношений лобола.

14. Довольно часто кольцевая система связи родов принимает характер связи между собой трех родов. У некоторых племен, как у ваджагга и особенно у баконго, это тройное деление племени пронизывает всю его структуру. Возможно, что следы подобной организации сохранились и в древнем Средиземноморье, в частности нечто сходное можно видеть в делении дорийцев на три филы, в существовании в Аттике деления на триттии и т. п.

Ю. П. АВЕРКИЕВА

К ВОПРОСУ О ПОТЛАЧЕ У ИНДЕЙЦЕВ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ АМЕРИКИ[1]

У индейцев северо-западного побережья Северной Америки практикуется оригинальный институт, получивший в литературе название «потлач», от слова «patshabe» — дарить, подарок — на языке нутка. Сущность потлача сводится к тому, что индеец устраивает по различным поводам празднество, которое сопровождается исполнением родовых песен и плясок, обильным угощением и заканчивается одариванием присутствующих гостей. Раздариваемые вещи составляют обыкновенно все состояние устроителя потлача. Но оно частично (иногда и полностью) восстанавливается позднее ответными подарками на потлачах других.

Мотивы, по которым устраивается потлач, самые разнообразные: смерть сородича и поминки по нем, постройка дома и установление тотемного столба, рождение и наименование ребенка, наступление половой зрелости дочери, брак и др. Устраиваются потлачи обычно зимой. Река Колумбия считается южной границей распространения потлача.

Гостями на потлачах у тлинкит и хайда являются члены противоположной фратрии, у квакиютль — все, кроме сородичей устроителя, у селишей — все, кроме жителей своего селения. Чем грандиознее потлач, чем большее количество гостей съезжается из отдаленных селений, тем щедрее подарки. Приглашение гостей и прием их обставляются сложным церемониалом. У тлинкит и хайда потлач носит черты фратриального института, у других племен — института родового, причем у селишей родовые черты наименее развиты.

Для устройства потлачей требовались значительные состояния, которые накапливались иногда в течение нескольких лет; индеец в этот период выступает как алчный стяжатель и скопидом. До прихода белых состояния накапливались в виде мехов котиков, выдр, куниц, оригинальной формы медных пластинок, раковин и рабов. Все излишки продуктов обменивались на межплеменном рынке на эти виды имущества. После колонизации края меха были заменены фабричными шерстяными одеялами, которые стали своеобразными денежными единицами. На потлачах стали раздаваться эти одеяла, медные пластины и рабы. Позже наряду с одеялами вошли в обиход куски бумазеи, коленкора, всевозможная фабричная посуда, патефоны, украшения и др. Все эти предметы переходили из рук в руки с устройством все новых и новых потла-

[1] Автореферат доклада, прочитанного на заседании сектора Австралии, Океании и Америки Института этнографии АН СССР в июне 1944 г.

чей и в хозяйстве не использовались. Они также стали единицами накопления имущества.

Вместе с этими своего рода денежными единицами гости одаривались продуктами: юколой, жиром, позже фруктами, печеньем, мукой и пр. На некоторых потлачах индейцев квакиютль много имущества разрушалось и сжигалось. Для увеличения имущества, необходимого для потлача, у хайда за год до потлача устраивался так называемый «день займа». В этот день женщина, являющаяся устроительницей потлача, раздавала членам своего рода и своей фратрии все накопленное ею имущество. Получившие должны были вернуть его в двойном размере в день потлача. Аналогичное явление имело место у квакиютль.

Главной целью устройства потлача было желание индейца возвысить свой общественный ранг или ранг лица, в честь которого устраивался потлач, и чем грандиознее был потлач, тем знатнее становился его устроитель.

О потлаче существует большая литература. Наиболее ранние сведения об этом институте дают русские путешественники, посещавшие северо-западное побережье: Шабельский, Лисянский, Литке, Загоскин, Вениаминов, называвшие его сибирским словом «игрушка».

Существуют самые разнообразные интерпретации этого института. Первое научное описание и объяснение его принадлежит Ф. Боасу. Он определяет потлач как институт вложения капитала в рост, модернизируя тем самым в основе своей еще первобытно-общинные отношения на северо-западном побережье. Боас совершенно справедливо указывает на роль потлача как института, подчеркивающего социальную дифференциацию среди племен побережья. Интерпретация потлача Боасом была в основном принята в американистике. Критическое отношение к ней намечается среди молодых этнографов Америки, как Барнет, Дрюкер, Мордок и др.

Не менее влиятельной в социологической литературе оказалась концепция потлача, выдвинутая Свантоном на материале тлинкит. Он отметил религиозный и межфратриальный характер этого института и связал его исключительно с почитанием умерших.

О потлаче много писалось во Франции, главным образом учениками Дюргейма — Мосом и Дэви, изучавшими потлач на материалах Боаса и Свантона и положившими в основу своей концепции взгляды этих ученых. Основываясь на взглядах Свантона, они видят корни потлача в существующих якобы взаимных обязательствах фратрий и в почитании умерших. Мос трактует этот институт как форму ритуального обмена, подчеркивая роль шамана. Он всецело соглашается с Дэви, объясняющим потлач как договорный институт. Справедливую критику юридической трактовки потлача дал Ленуар в своей рецензии на книгу Дэви.

Заслугой французских социологов было то, что они первыми поставили вопрос о происхождении и эволюции потлача на северо-западе Америки, сравнив его с аналогичными институтами у океанийцев. Схема развития потлача, намеченная ими, в основном может быть принята. Недостатком ее является отсутствие в ней селишского материала, на котором мы видим закат потлача. Но религиозно-юридическая трактовка этого института французскими социологами крайне односторонняя и потому совершенно неприемлема. Нельзя согласиться также с трактовкой потлача как института обмена.

К школе Дэви примыкает канадский ученый Барбо, определяющий

потлач как договорную систему примитивного типа, необходимость которой якобы вызвана склонностью индейцев к воровству — типично колонизаторский подход. В немецкой литературе о потлаче писали В. Шмидт, Турнвальд и Адам. Первый объясняет потлач якобы присущей первобытным людям любовью дарить. Турнвальд справедливо видит корни потлача в коллективизме первобытных охотничьих племен. Адам, занимавший выдающееся место среди исследователей северо-западной Америки, связывает потлач исключительно с почитанием мертвых и верой в колдунов и духов и тем самым примыкает к Мосу.

Несомненно, что корни потлача нужно искать в коллективизме производства и потребления, но вместе с развитием производительных сил в первобытно-общинном хозяйстве изменялся и потлач. Таким, каким он описывается в литературе, потлач практиковался у индейцев северо-западного побережья Америки в условиях патриархального наследственного рабства и распада родовой организации. Этот распад был неизбежен под влиянием рабства и оживленной торговли, способствовавших накоплению частной собственности в руках отдельных семей, что вело к имущественной дифференциации внутри рода. Имущественный момент начал уже замещать родовой принцип деления общества. Богатство здесь уже определяло общественное положение человека, но совершенно оригинальным образом. Богатство должно быть раздарено людям, которые принятием подарка признают новое общественное положение человека. Здесь знатен не тот, кто владеет богатствами, а тот, кто щедро раздает их приглашенным гостям. Из этого мы заключаем, что потлач в этих условиях играл роль нивелирующего средства. Потлач был своего рода средством *сопротивления* родовых начал и коллективного сознания *неизбежно* идущему имущественному неравенству. Он был средством перераспределения богатства, в сторону уравнения людей; поэтому и знатен был тот, кто был щедр, а не тот, кто накапливал имущество. Человек богатый и не устраивающий потлача обрекался на всеобщее презрение. Но в то же время благодаря потлачу *закреплялось* социальное неравенство людей, определявшееся в конечном-то счете все же неравенством имущества. В этом диалектическая сущность потлача.

Прослеживая характер этого института от племени к племени, мы убеждаемся, что у тлинкит, хайда, цимшиян и квакиютль он играет бóльшую роль, чем у племен селиш, что соответствует степени имущественной дифференциации у этих племен. У тлинкит, хайда, квакиютль эта дифференциация была еще на довольно раннем этапе, когда род еще силен и родовая психология оказывает более упорное сопротивление установлению имущественного неравенства.

Позже, когда имущественное неравенство становится общепризнанным, естественно ослабевает и постепенно отпадает значение потлача как средства сохранения коллективных и родовых начал. У племен селиш как раз имела место эта вторая, более слабая форма потлача. Процесс отмирания родовой организации у селиш был выражен в большей степени, чем у северных племен, сохранивших еще много пережитков материнского рода. У племен селиш следы материнского рода были настолько слабы, что это дало основание американским ученым утверждать, что у селишей вообще материнский род никогда не существовал. Отцовский род у них был уже вполне установившимся институтом. Потлач здесь находился на стадии отмирания. О более позднем этапе развития селишей говорит и тот факт, что на потлачах они рабов своих

не убивали и не раздавали; часть своего имущества они раздавали, а другую часть продавали собравшимся гостям. У северных племен — тлинкит, хайда, квакиютль такая практика была бы недопустима. Потлач у береговых селиш — явление не регулярное и очень редкое.

Из всего изложенного также ясно, что нельзя потлач отождествлять с торговлей. Мы видим, что у квакиютль, хайда и тлинкит на потлачах раздаются не предметы торговли, а скорее денежные выражения их товаров. Излишки продуктов поступают на рынок и обмениваются на звериные шкуры, вампум и рабов, которые и раздариваются на потлачах. Но связь косвенная между потлачем и торговлей, как видим, существует. Чем сильнее устои родовой организации, чем менее, следовательно, развита торговля, тем больше значение и роль потлача. Там же, где родовая организация уже в значительной степени распалась, где более развита торговля, большее значение имеет имущественная дифференциация, там потлач имеет меньшее значение, устраивается он реже и не регулярно. Еще южнее селишей, у племен юрок, карок и хупа потлач как раздача имущества совершенно не практикуется; здесь для достижения иного общественного положения достаточен показ этого имущества, сопровождаемый обрядовыми плясками.

М. О. КОСВЕН

ОБЫЧАЙ ВОЗВРАЩЕНИЯ ДОМОЙ

(Из истории брака) [1]

В Южной Осетии существовали в прошлом следующие брачные порядки. Женщина, выйдя замуж, через год-два после своего переселения в семью мужа возвращалась в свой родной дом, где оставалась год— два года, в зависимости от разных обстоятельств, в частности от настойчивости мужа, который в таких случаях добивался ее возвращения. Обычай этот действовал неукоснительно по отношению ко всем выходящим замуж. Назывался он — хцындоедзы бадын, «в гостях сидение», а гостящая таким образом молодая — бадоег цыдг, «сидящая девушка». В силу одновременно действовавшего порядка всякая замужняя женщина, забеременев, обычно возвращалась в родной дом, где обязательно должны были происходить первые роды. Во время «сидения» жены муж мог бывать у нее лишь редко и украдкой. По окончании «сидения» молодая женщина с ребенком возвращалась к мужу, снабженная полученными от своей родни подарками, а также обязательно люлькой для ребенка.

Некоторые мои информаторы, от которых я собрал в бытность мою в Юго-Осетии в 1931 г. приведенный материал, указывали, что в период «сидения» мужу у жены бывать совершенно не полагалось и супружеские отношения на это время не допускались.

В литературе существует указание на то, что аналогичный порядок бытовал в прошлом и у северных осетин. Вышедшая замуж женщина через год или два после вступления в брак уходила к своим родителям «в гости», где оставалась от двух недель до нескольких месяцев. Продолжительность пребывания зависела от отношений с мужем: чем эти отношения были лучше, тем такое «гощение» было короче, и наоборот.

Соответствующие показания имеются в литературе и относительно других народов Кавказа.

Описанный порядок представляет собой явление, весьма широко распространенное в этнографическом мире [2]. Порядок этот известен у некоторых народов под названием «возвращение домой», у других под аналогичными или близкими наименованиями. Из числа народов Советского Союза этот порядок бытовал в прошлом у удмуртов; он называл-

[1] Автореферат доклада, прочитанного в заседании сектора Кавказа Института этнографии АН СССР в марте 1944 г.

[2] См. материал в моей работе «Матриархат», Уч. зап. Моск. орд. Ленина гос. ун-та им. М. В. Ломоносова, вып. 61, История, т. II, М., 1940.

ся здесь «берен-пуксен» — «возвращение к прежнему месту», у туркмен, где он был известен под названием «кайтарма» (от тюркского «кайтмак» — возвращаться), у башкир, бурят и др.

Если данный порядок много раз отмечался в этнографической литературе, то никогда, насколько мне известно, это явление не обобщалось, не подвергалось истолкованию и не получало своего исторического места.

Порядок «возвращения домой» представляет собой явление, относящееся к эпохе перехода от матриархата к патриархату, отражая в частности переход от парного брака к моногамии и от матрилокального поселения к патрилокальному. Порядок этот и наблюдается в тех обществах, которые находятся в таком переходном состоянии либо сохраняют более или менее широко выраженный матриархальный уклад, причем бытует этот порядок всегда в сочетании с рядом иных пережитков матриархата или его перехода к патриархату.

При матриархате с утверждением парного брака приобретает, как известно, господство матрилокальная форма брачного поселения. Однако в соответствии с самым характером парного брака поселение это всегда остается непрочным и временным. В переходную к патриархату и патрилокальному поселению эпоху парный брак еще сохраняется, лишь постепенно сменяясь моногамией. Это переходное состояние и отражает «возвращение домой», как явление переживающейся непрочности брака и возврата к матрилокальности.

Но этот порядок содержит еще один весьма существенный элемент. В показаниях о «возвращении домой» часто отмечается, что это «возвращение» происходит через год-два после заключения брака. Вместе с тем рядом или вместе с такими сообщениями фигурируют настойчивые указания на то, что с наступлением беременности и для родов замужняя женщина обязательно возвращается в свой родной дом, что роды обязательно должны происходить в доме родителей женщины. Эти предписания отражают действие того начала, по которому в ту же переходную эпоху сохраняется еще матрилинейный порядок происхождения, вследствие чего дети принадлежат к роду своей матери, своему материнскому роду. Требование, чтобы женщина рожала в своем родном доме, чтоб ее дети рождались там, и выражает это материнско-родовое начало, причем в частности обычай этот регулируется принципом, по которому место рождения определяет родовую принадлежность.

«Возвращение домой» входит в широко присущий этнографическому прошлому народов Кавказа обширный и разнообразный комплекс обычаев, порядков и обрядов, составляющих пережитки матриархата и перехода его к патриархату.

Е. М. ШИЛЛИНГ

ИЗ ИСТОРИИ ОДНОГО ДАГЕСТАНСКОГО ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОГО КУЛЬТА [1]

Аул Чох — один из самых примечательных очагов древней по происхождению культуры аварцев. Здесь мы находим наиболее ярко выраженный и своеобразный ее вариант; ибо культура Аварии в различных районах имеет местные особенности.

Для старых чохских традиций в сравнительно недавнем прошлом характерны: а) пережитки тухумного устройства; б) вольно-андалальские настроения (оформившиеся в процессе борьбы и взаимоотношений с аварским ханством) и воспоминания о бурных исторических судьбах; в) навыки к международно-дагестанским связям (основанные на издавна ведшейся раньше торговле) и связям с Восточной Грузией (основанным на столь обычных когда-то военных набегах на Цор); г) развитые наряду с сельским хозяйством производства по металлообработке, златокузнечеству (с оригинальным орнаментом, который сами кубачинцы выделили в своем художественном «каталоге» под именем «чохского накыша»), оружейному делу, архитектурно-строительному мастерству и художественно-камнерезному искусству; д) сохранение в своей среде начал мусульманской духовной образованности и в то же время (уже со второй половины XIX в.) тенденций передового в культурном отношении аула. Бесспорно, что перед нами в лице Чоха старый и чрезвычайно богатый клубок довольно сложной культуры.

К одной из сторон этого клубка относится тема настоящего сообщения. Единственный в своем роде в материалах дагестанской этнографии чохский весенний аграрный обряд, с разбиванием кувшинов и потрясанием в это время шашкой, довольно подробно описанный в 1867 г. Пржецлавским и короче, в 1884 г., Каранаиловым, получил в моих разысканиях более точную документацию. Среди чохских тухумов до сих пор замечателен малый по численности, но важный по значению в обществе род Османовых. Он считает себя происходящим от арабов, пришедших в Дагестан, по преданиям, с Абу-Муслимом. С одним из последних Османовых, по имени Шарафом, я познакомился в Чохе. В недавнем прошлом Османовы пользовались исключительными правами (как бы жреческими) при совершении упомянутого традиционно-чохского обряда, в котором употреблялся особый флаг-байрах. Он отыскался и был мне продан Шарафом [2]. Сделанная на флаге арабская

[1] Автореферат доклада, прочитанного в апреле 1944 г. на заседании Ученого совета Института этнографии АН СССР.

[2] Экземпляр, изготовленный в 1910 г.

надпись в переводе (который любезно выполнен академиком И. Ю. Крачковским по моей просьбе) гласит:

«1. О, отпускающий пленника, о, восстанавливающий сокрушенного,
2. О, обогащающий бедного, о, питающий малого,
3. О, исцеляющий больного (дата — 115),
4. Взявший (-владеющий, держащий) это (знамя) старший из рода наместника пророка Османа,
5. Повелителя правоверных. (Это —) остаток Абу-л-Муслима, победителя Дагестана».

Даем комментарий. Первые три строки скомбинированы из так называемых «имен» (эпитетов) Аллаха, которые употребляются при всяких молитвах, заклинаниях, в амулетах и т. п. Дата по хиджре 115 в переводе на наше летоисчисление дает 733—734 г. Слово «остаток» в строке 5-й грамматически может быть отнесено и к слову «взявший» (строка 4-я), т. е. он является потомком Абу-Муслима, и к «это» — т. е. знамя — остаток от Абу-Муслима. Шрифт — обычный каллиграфический несхи XIX в. После беседы с Шарафом я осмотрел чохскую мечеть Калани и при посредстве местных работников получил хранившийся здесь старый флаг и шашку, употреблявшуюся в обряде вместе с флагом [1]. Старый флаг сделан из белой бумажной материи кустарной выделки. Его размер 120 × 136 см. Надпись, нанесенная черной краской, в переводе академика И. Ю. Крачковского, следующая:

«1. О, отпускающий пленника, о, восстанавливающий сокрушенного,
2. О, удовлетворяющий нужды, о, возвышающий степени, о, избавляющий от забот,
Есть
Аллах».

Шрифт несколько древнее и носит кавказский оттенок. Вероятно, он не старее конца XVIII или начала XIX в.

Этот флаг имел длинное деревянное древко с медным луженым шарообразным навершием, окружностью в 43 см и высотой в 26 см с выгравированной надписью по-арабски:

«Это знамя мусульман и вразумление для вразумляющихся».

Что касается полученной из мечети шашки, то это был весьма скромный экземпляр, заменивший собой украденную в 1910 г. драгоценную шашку, очевидно более старинную.

Центральным моментом чохского обряда является мечепочитание, точнее, почитание священного оружия, легендарно связываемого с именем Абу-Муслима. Это мечепочитание имеет как бы две стороны: мотив воинствующего ислама и мотив действий, вызывающих обильный урожай. Перед нами синкретизированный обряд в облике последних 60—70 лет (от редакции Пржецлавского до моего описания, сделанного в 1935 г.).

Чохский культ священного оружия имеет довольно глубокие корни, уводящие его на много столетий назад. Он относится к той самой легенде и вместе с тем верованию, историю которого прекрасно проследил А. Н. Генко для Южного Дагестана на протяжении времени от показаний Абу-Хамид Андалузи (XII в.) до эпохи Услара и Алкадари (вто-

[1] Все три предмета хранятся в Москве, в фондах Музея истории религий.

рая половина XIX в.). Из сопоставления этих материалов с материалами по чохскому обряду становится ясным, что этот обряд — звено той же цепи, захватывавшей не только южный Дагестан, но и области значительно более северные. При этом достойно внимания то обстоятельство, что в Чохе пережиток культа священного оружия в большей степени верование, чем легенда, тогда как в Южном Дагестане — наоборот.

Доисламский компонент интересующего нас обычая — аграрное действие такого же примерно порядка, как и известный у народов Дагестана весенний «выход плуга».

Для горских народов Дагестана характерна чрезвычайная неравномерность в усвоении и проникновении культурных воздействий и влияний: какая-то неперемешанность отдельных привнесенных элементов и вкладов, незавершенность их переработки и усвоения, если брать картину в целом,— вот почему тут так часто встречаются контрасты и реликты. Если верно то, что в X в., как указал Бартольд, граница мусульманского мира проходила весьма недалеко от Дербента, то верно и то, что отдельные вкрапления ислама и арабских воздействий попадали в глубины «страны гор», т. е. не только в Южный Дагестан (Табасаран), но и в такие места, как Чох, и здесь жили островками, не растворяясь в окружающей среде и, в то же время, не подвергаясь особенно интенсивному росту. Живучесть слоя предшествовавших, более старых элементов быта при этом оказывается тем более бесспорной, что следы этого слоя, как видим, протягиваются заметными нитями сквозь среду «правоверия» почти до наших дней.

Л. Б. ПАНЕК

СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ МТИУЛОВ[1]

Этнографическое изучение мтиулов представляет интерес не только для кавказоведения, но и для общей этнографии. Эта группа грузин-горцев дает нам один из примеров архаичной горной культуры, сохранившей до недавнего времени древние формы хозяйства, социальных отношений и верований. Такой конкретный этнографический материал может способствовать уточнению некоторых теоретических вопросов по истории развития общества. Данное исследование базируется на этнографическом материале, собранном автором в Мтиулии в течение ряда лет. Материал этот свидетельствует о сохранении у мтиулов до недавнего времени многих особенностей родового строя — родовых селений, родового землевладения, экзогамии, родового культа.

Родовые селения, состоящие из членов одного и того же рода, наименование этих селений по фамилии сородичей, их населяющих, продолжали свое существование до наших дней. Процесс образования смешанных селений, включающих в свой состав чужеродцев (например, «зятя, взятого в дом» за отсутствием в этой семье наследника по мужской линии, чужеродцев для совместной обороны и т. п.), сокращает постепенно число родовых поселений.

Землевладение носило также родовой характер, с некоторыми особенностями, присущими горному землевладению. Оно основано на заимочном праве и имеет существенные отличия от землевладения на равнине. Заимочное право было одной из причин неравномерного распределения земли. Сильно ограниченная с течением времени возможность делать новые заимки и стесняющие нормы родового землевладения не допускали сосредоточения пахотных земель в одних руках, но в отношении пастбищных земель таких ограничений не было. Возможность неравномерного пользования пастбищами, а также привлечения наемного труда пастухов создавала предпосылки для расслоения этого родового общества. Аренда дополнительных пастбищ у соседних племен открывала еще большие возможности к углублению этого неравенства. Аренда, залог и в скрытой форме продажа земли имели место у мтиулов, но вне рода были возможны только с получением санкции сородичей.

Разделение труда в полукочевом скотоводческом хозяйстве требовало достаточного количества мужской рабочей силы, часть которой занималась бы исключительно скотоводством, другая — земледелием и некоторыми домашними делами. Этот полукочевой скотоводческий

[1] Автореферат кандидатской диссертации, защищенной в 1944 г.

уклад способствовал сохранению здесь большой семьи. Все характерные особенности такой большой семьи или семейной общины — коллективная собственность на землю, орудия производства, скот, жилище и даже на деньги, заработанные мужчиной в отхожем промысле, коллективное потребление продуктов производства, принцип разделения труда и нормы при разделах — можно было наблюдать здесь до последнего времени. С нарушением принципа коллективности в организации труда, в распределении продуктов производства, с внедрением денежного хозяйства, с отходом от полукочевой формы скотоводства стал происходить распад большой семьи.

Феодальная Грузия нуждалась в Мтиулии как пограничной, важной в стратегическом отношении области, и основные точки соприкосновения их были связаны с военными обязательствами мтиулов. В «Законах царя Георгия V Блистательного» отражены взаимоотношения грузинского царства с Мтиулией. Не производя ломки родовых отношений, феодальная Грузия способствовала внесению элементов разложения этих отношений — выделению знатных родов, возвышению хевисберов.

Христианство, развившееся на базе сложных общественных отношений, не могло быть воспринято родовым обществом. Христианские святые подверглись переделке и были приспособлены к условиям родового общества, уживаясь с древними дохристианскими святынями. Каждый род имел свое «хати» (святыню) с особым жрецом-деканозом или хевисбером. В прошлом хевисбер объединял в себе функции жреца и старейшины.

Привлеченный автором ценный исторический памятник «Законы царя Георгия V Блистательного» (XIV в.) очень дополняет этнографический материал и позволяет сравнивать одни и те же явления на расстоянии пяти веков.

Особая глава в диссертации посвящена терминам родства в грузинском языке. Автор выделяет четыре первичных основных термина: «deda» — мать, «mama» — отец, ďe (mvïlï, tuli) — потомок, «papa»||«baba» («bebia») — дед, бабка,— и показывает, что все остальные являются производными от этих основных.

А. А. ПОПОВ

НГАНАСАНЫ[1]

Работа о нганасанах является результатом моей специальной двухгодичной командировки от Института этнографии АН СССР в 1936 г. в Таймырский национальный округ для всестороннего этнографического изучения нганасанов и представляет собою монографическое описание, состоящее из двух частей. Первая часть содержит описание материальной культуры, вторая — социального строя и идеологии.

Как известно, до последнего времени нганасаны представляли собою одно из белых пятен в этнографии. До революции мы имели о них крайне отрывочные, случайные сведения в трудах Третьякова и Миддендорфа. После революции литература по нганасанам обогатилась двумя работами: кратким этнографическим очерком А. А. Попова «Тавгийцы» (М.— Л., 1936) и сборником Б. О. Долгих «Легенды и сказки нганасанов» (Новосибирск, 1928).

Нганасаны населяют северо-восточную часть Таймырского национального округа. В силу сложившихся исторических условий они и в настоящее время являются одной из самых отсталых народностей нашего Союза.

По своим основным занятиям нганасаны охотники-оленеводы; у западных — таймырских нганасанов имеет большое значение и рыболовство. Охотятся нганасаны главным образом на диких оленей и песцов. Первый вид охоты имеет потребительское значение (мясо дикого оленя идет в пищу, шкура — на одежду), второй — товарное.

До появления ружей универсальным оружием охотника являлся лук, который изредка применяется и теперь при охоте на диких оленей и дичь. Уже в половине XIX в. нганасаны пользовались по преимуществу привозными кетскими и якутскими луками; до этого существовали самодельные сложные луки эскимосского типа (как об этом можно судить по рисунку в работе Миддендорфа). Луки носятся за спиной или привязываются сбоку нарты в специальных налучниках из кожи, орнаментированных шитьем из оленьего волоса. Для стрел существовали колчаны.

В настоящее время в большом распространении ружья центрального боя, но можно встретить и кремневки.

Существуют виды коллективной охоты на линяющих гусей — сетями, на диких оленей — поколкой при переправах через реки и ременными сетями. Поколки происходят весною и осенью, когда многочисленные стада диких оленей, насчитывающие тысячи голов, при миграциях с

[1] Автореферат монографии.

юга на север и с севера на юг переправляются через реки. Охотники закалывают их копьями с челноков-однодеревок. Охота на диких оленей ременными сетями происходит только зимой. Сети, плетенные из толстых кожаных ремней, с большими ячеями, устанавливаются прямо на снегу на трех или четырех деревянных столбах у подножия высокого мыса. К сетям в виде аллеи с двух сторон втыкаются палки с «махавками» — гусиными крыльями. Загнанные дикие олени запутываются в ячеях сети рогами, и охотники закалывают их копьями или ножами.

Песцов добывают покупными капканами; в старину устраивали пасти из больших камней.

При одиночной охоте на диких оленей употребляют два вида «манщиков» — специально дрессированных домашних оленей. Рассказывают о существовании в прежние времена интересного способа охоты, когда молодого драчливого домашнего оленя посылали к стаду диких, привязав к его рогам несколько ножей.

В рыболовстве наряду со ставными сетями — «пущальнями» (из нитей или конского волоса, покупаемого у якутов) пользуются большим распространением спицы, сделанные из ножных костей оленя, заменяющие железные крючки. У вадеевских нганасанов существует интересный способ ловли кунжи кухонными железными крючками, употребляемыми для вытаскивания вареного мяса из котла.

В связи с рыболовством дается описание двух типов челноков-однодеревок — енисейского и якутского. Есть сведения, что в старину существовали кожаные лодки, но они были такого несовершенного устройства, что в ветреную погоду боялись на них плыть, так как они сгибались посредине.

Год у нганасанов в хозяйственном отношении распадается на два периода: «летний» и «зимний». Наиболее интенсивным в отношении охоты является «летний» период, продолжающийся со второй половины мая примерно до декабря. За это время каждая семья старается обеспечить себя запасами продуктов до весны, в то время как в «зимний» период хозяйственная деятельность как бы замирает из-за сильных морозов и пурги, а также полярной ночи.

Если зимние стойбища нганасанов состоят из относительно большого количества чумов, то с наступлением весны они распадаются на мелкие, состоящие из одного-двух чумов. Такие хозяйственные ячейки являются более удобными для освоения охотничьей территории, поскольку многочумные стойбища при существующих несовершенных способах сообщения не в состоянии освоить необходимую для обеспечения обитателей обширную охотничью территорию.

В настоящее время кочевые группы формируются не по родовой принадлежности, но надо полагать, что в прошлом они представляли родовые объединения.

Определенные места для поколок, сопки для охоты на диких оленей сетями, рыболовные виски считаются родовой собственностью. Места для охоты и рыболовства отдельных кочевых групп, входящих в состав рода, каждой весною распределяются на общем собрании рода.

Орудия охоты и рыболовства в большинстве случаев являются индивидуальной собственностью.

Обычно в стойбище выделяются один или два охотника или рыболова, трудами которых кормятся соседи. За это охотник или рыболов пользуется помощью со стороны соседей: его снабжают хорошими

ружьями, боеприпасами, чинят рыболовные сети, пасут его оленей и т. д.

При индивидуальной охоте промышленный дикий олень и дичь идут в раздел лишь в тех случаях, когда соседи терпят нужду в продуктах питания; только продукция коллективной охоты подлежит распределению.

У нганасанов оленеводство имеет транспортное значение. Нганасанский олень слабый, малорослый, но более выносливый, чем лесной. Верховой способ езды неизвестен, и летом и зимой ездят на нартах. Упряжь ненецкого типа. При пастьбе оленей имеют большое значение оленегонные собаки.

Техника у нганасанов более примитивна, чем у ближайших их соседей — долган, и носит исключительно потребительский характер. Существует резкое разделение мужского и женского труда. Универсальными орудиями для обработки дерева служат нож, сверло (малое и большое) и топор, часто заменяющий рубанок. Из мамонтовой кости и оленьих рогов выделываются части оленьей упряжи. Обработка железа крайне примитивна; орудия кузнечества — мехи, клещи и молоток, наковальню заменяет обух топора. Существует инкрустация по железу.

Обработкой шкур занимаются исключительно женщины, и в этой области они достигли большого мастерства. До сих пор в употреблении костяной скребок неолитического типа.

Живут нганасаны и летом и зимой в конусообразных чумах, крытых нюками из оленьих шкур. Заслуживает интереса летний чум, имеющий два входа. В середине чума устраивается очаг, зимою на железном листе. Над ним подвешиваются горизонтально две палки для крюков, служащих для подвешивания котлов. Направо и налево от входа располагаются обитатели. Установкой и разборкой чума занимаются исключительно женщины.

Зимнее стойбище отличается от летнего большим количеством нарт. При летних кочевках часть зимних нарт с лишними вещами до осени оставляется в тундре.

В старину летом, когда оленей у нганасанов было мало, они откочевывали на север и оставались жить на зиму в землянках, отослав своих оленей вместе с пастухами в лесотундру. Живя в землянках, нганасаны занимались подледным рыболовством.

Недостаточная обеспеченность более усовершенствованными орудиями промысла служила в прошлом причиной частых голодовок. Этим объясняется отсутствие у нганасанов столь распространенного у других народностей севера обычая гостеприимства.

Представляет большой интерес способ хранения продуктов питания в специальных ящиках, устроенных из пластин тонкого льда.

Основным видом питания нганасанов являются оленье мясо и рыба, которые потребляются в сыром, вяленом и вареном виде. В прежнее время весною — самое голодное время года — нганасаны питались корнями растений. Нганасанские женщины с большим искусством вытапливают жир — олений, гусиный и рыбий, который хранят в сосудах, сделанных из снятой «чулком» шкуры оленя, желудков оленя и целиком снятой шкуры кунжи.

Из наркотиков в большом распространении табак; курят и дети.

Одежда нганасанов очень своеобразна и по своему покрою сильно отличается от одежды их соседей — ненцев (юраков), долган и северных якутов. Особенно интересны женские ровдужные комбинэ с много-

численными металлическими подвесками, и обувь, не имеющая спереди выема и напоминающая лошадиную ногу. У мужчин капюшон заменяет шапку. Женская одежда отличается от мужской разрезом и шапкой.

Очень красиво выглядит танцовальная (она же и погребальная) одежда, сшитая из цветных сукон. И мужская и женская одежда в подоле обшивается песцовым или собачьим мехом и обильно украшается раскраской и шитьем из подшейного оленьего волоса.

Тканей на одежду нганасаны совершенно не употребляют.

Л. П. ПОТАПОВ

РЕЛИГИОЗНЫЕ И МАГИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ШАМАНСКИХ БУБНОВ

(*Рукопись И. Т. Савенкова*) [1]

Летом 1944 г. начальник научно-публикаторского отдела Центрального государственного литературного архива Д. А. Соловей любезно сообщил мне о найденной им в фондах архива рукописи Ивана Тимофеевича Савенкова, посвященной исследованию шаманских бубнов. Уже при первом беглом ознакомлении с этой интересной находкой, когда были известны только отдельные части рукописи, мне стало ясно, что Д. А. Соловей обнаружил рукопись И. Т. Савенкова, представленную им в свое время в Московское археологическое общество под названием «Религиозные и магические основы устройства шаманских бубнов инородцев Минусинского округа (археолого-этнографический очерк)» и числящуюся в списке научных работ Савенкова, опубликованном после его смерти [2].

В конце 1944 г. мне удалось просмотреть эту рукопись. Тогда же, благодаря любезному содействию начальника читального зала Литературного архива Л. П. Владимировой, были обнаружены и другие, недостающие части, и вся рукопись оказалась собранной полностью за исключением, к сожалению, весьма ценного иллюстративного материала.

Прежде чем сообщить краткие основные данные об этой интересной работе, я напомню, что с именем Савенкова связана честь открытия и первого исследования памятников палеолита на Енисее и ряд научных работ, доставивших автору заслуженную известность [3].

Рукопись напечатана на машинке, на бумаге in folio, содержит 554 стр. плюс 38 чистых, снабжена научным аппаратом, хотя и незначительным, и сохранила авторскую правку [4]. Она состоит из следующих

[1] Рукопись хранится в Центральном государственном литературном архиве в Москве.

[2] Автобиографическая справка И. Т. Савенкова, сообщенная Императорскому археологическому обществу в Москве. Сборник Музея антроп. и этногр. Академии Наук, т. III, стр. XVI, Петроград, 1916.

[3] Прекрасный очерк-некролог о жизни и деятельности И. Т. Савенкова помещен Л. Я. Штернбергом в III томе сборника Музея антропологии и этнографии Академии Наук, изданном в 1916 г. Некрологи, посвященные И. Т. Савенкову, опубликованы в некоторых сибирских газетах: «Сибирская жизнь», 1914, № 210; «Сибирь», 1914, № 213; «Енисейская мысль», 1914, № 257.

[4] По сообщению Л. П. Владимировой, рукопись поступила в архив из Литературного музея (дело № 9791) с фондом писателя А. И. Ремизова.

разделов; Введение (стр. 1—28); глава I — Описание бубнов (106 стр.) [1]; глава II — Алтайские бубны (стр. 1—13) [2]; глава III — Параллели между описываемыми бубнами (стр. 1—40) с подразделениями: 1) Деревянная поперечина («туда») бубна; 2) Железная поперечина; 3) Магические обручи; 4) О религиозных конкретных символах на бубне; 5) Кожа и соединенные с ней магические символы; 6) Отражение религии и магии в орнаменте и пиктографических начертаниях; 7) Орнамент деревянной поперечины; 7) (8? — *Л. П.*) Орнамент и изобразительные начертания на наружной поверхности кожи бубна; глава IV — Параллели, заключительные соображения и выводы.

Половина рукописи — Введение, глава I и глава IV заражены грибком и попорчены.

Введение посвящено общим теоретическим вопросам, в основном особенностям эволюции религий. Шаманизм выводится автором из солнечного культа, а шаманский бубен рассматривается как магический механизм, древнейшими двигателями которого были обрядовые действия, означаемые по языку движений. Значительное место в «Введении» занимает изложение теории солнечного культа, горячим поборником которой был И. Т. Савенков.

В главе I описано 18 шаманских бубнов из коллекции Минусинского музея, среди которых один тунгусский, остальные, видимо, сагайские и качинские. Большинство описанных бубнов неизвестного происхождения, но есть и такие, которые уже были опубликованы [3]. В главе II привлекается описание алтайских бубнов, сделанное Г. Н. Потаниным. В главе III суммируются описания каждой части бубна, приводятся параллели и развивается теория происхождения бубна из солнечного культа. В главе IV и последней И. Т. Савенков дает заключительные выводы о магических и религиозных основах устройства бубнов.

Не вдаваясь в подробный разбор изложенной работы, я позволю себе все же высказать по ее поводу несколько замечаний.

Наиболее слабой стороной этого исследования нужно признать теоретическую часть. Оставляя в стороне многочисленные вопросы генезиса и эволюции религий, бегло затронутые в предисловии, укажу только на то, что крайне односторонняя концепция И. Т. Савенкова о происхождении шаманства и шаманского бубна из солнечного культа им не доказана, да и не соответствует истине. Прежде всего древность шаманства у народов Саяно-Алтайского нагорья, как и у ряда других народов Сибири, весьма относительна [4]. Уже это одно позволяет усомниться в происхождении шаманства из культа солнца, имеющего, по выражению автора, «геологическую древность».

В отношении же самого шаманского бубна, основного предмета

[1] Описание бубнов, хранящихся в Минусинском музее. Пагинация для описания каждого бубна отдельная.

[2] Алтайские бубны использованы по публикации Г. Н. Потанина «Очерки северо-западной Монголии», т. IV.

[3] Бубен третий, десятый и шестнадцатый см. у Яковлева: «Этнографический обзор инородческого населения долины р. Енисея», Минусинск, 1900. Бубен десятый, семнадцатый и восемнадцатый помещены в работе Д. А. Клеменца: «Несколько образцов бубнов минусинских инородцев», Зап. Вост.-Сиб. отд. ИРГО, т. II, вып. 2.

[4] Это показано в работе С. А. Токарева «Пережитки родового культа у алтайцев» и в моих работах: «Культ гор на Алтае» и «Обряд оживления шаманского бубна у тюрко-язычных племен Алтая» (в печати).

исследования, приходится отметить, что и здесь тенденциозность И. Т. Савенкова, как крайнего представителя теории солнечного культа, превращающейся у него в универсальное объяснение всех сторон шаманизма, весьма затрудняет правильное понимание как самого бубна, так и отдельных частей его. Надуманность объяснения происхождения бубна, ошибочность толкования его рисунков и отдельных частей становится особенно очевидной, если принять во внимание полное игнорирование автором соответствующих представлений у различных племен Саяно-Алтайского нагорья. Я говорю об игнорировании этих представлений потому, что они не могли не быть известны автору, так как в то время они уже были опубликованы. Достаточно указать на то, что у всех этих племен бубен осмыслялся [1] как ездовое животное шамана, как животное, шкурой которого был обтянут бубен. Выпуклости на обечайке считались сосцами бубна — животного [2], железная поперечина — тетивой лука, а ее подвески — стрелами.

И. Т. Савенков, видимо, сознавал недостаточную обоснованность своей концепции и поэтому высказывал различные предположения о происхождении и значении бубна. В одном месте рукописи он рассматривает бубен «графическим гомологом колеса, изображение которого, как и щита, возможно считать генетически исходящим из солнечного культа» (гл. III, стр. 10); в другом месте — «магическим прибором для ловли или временного пленения духов и даже божеств» (гл. III, стр. 17); в третьем — «наглядным географо-астрономическим пособием» (гл. IV, стр. 7). Наряду с этим, предлагается и такое объяснение: бубен был сначала «магическим мешком, наподобие киота». При этом остается неразъясненным, каким образом бубен из мешка превращается в символ солнца.

Как известно, особенный интерес в шаманских бубнах представляют их рисунки, и И. Т. Савенков, естественно, уделяет им большое внимание. Он, хотя и вскользь, высказывает ценную мысль о большой общности рисунков на бубне с петроглифами (гл. III, стр. 25). Однако в истолковании рисунков бубнов И. Т. Савенков снова отвлекается от конкретных представлений об этих образах у изучаемых племен и ищет в них религиозно-магический символизм, генезис которого он выводит из изобразительного языка телодвижений, и сводит их значение к иллюстрации солнечного мифа. Если бы И. Т. Савенков поговорил по поводу линейного орнамента бубнов с толковыми людьми из среды кочевников-сагайцев, бубны которых он изучал, он получил бы более реальное толкование по крайней мере некоторых элементов этого орнамента (например, цепь треугольников, делящих бубен пополам, осмысляют как горы и т. п.). Сомнительность приведенного И. Т. Савенковым объяснения орнамента и рисунков усиливается еще и тем обстоя-

[1] Н. Кафтанов. Образцы народной литературы тюркских племен, т. IX. Перевод, стр. 47, 145, 649; Потанин. Указ. соч., т. II, стр. 87—88; Е. Яковлев. Этнографические заметки о сойотах-урянхайцах. Изв. Красноярск. подотд. Вост.-Сиб. отд. ИРГО, т. I, вып. 3, стр. 53; Н. Кафтанов. Бубен и колотушка шамана. Изв. Томск. ун-та, кн. II, 1890, стр. 239, и другие работы.

[2] Н. Кафтанов. Указ. соч., стр. 239. Его же. Отчет о поездке в Минусинский округ. Казань, 1897, стр. 31.

[3] Факты подобного рода по старой литературе собраны в моей работе «Лук и стрела в шаманстве у алтайцев» (Сов. этнография, 1934, № 3), в которой мне удалось показать, что шаманскому бубну, как орудию культового действия, предшествовал лук.

тельством, что автор категорически объявляет их заимствованными из Малой Азии и присредиземноморского светового письма, исключая, таким образом, возможность самостоятельного религиозного мышления изучаемых племен, оставляя без ответа многие вопросы, связанные с заимствованием.

Между тем было бы правильнее, во-первых, установить не только общность рисунков на бубнах с наскальными изображениями, но, как я убежден, и их генетическую связь; во-вторых, разъяснить эти изображения, исходя прежде всего из осмысливания их изучаемыми племенами, из всей системы религиозных представлений этих племен. Не подлежит сомнению, что древние наскальные изображения, как и позднейшие (в Сибири писанные краской), отражали религиозные представления их творцов и их современников. Имеется сообщение относительно бурят, что они в старину изображали на скалах общественных онгонов, в отношении которых существовал определенный культ [1]. Изготовление наскальных писаниц сохранилось до нашего столетия у ряда народов Сибири [2]. Между прочим, самому И. Т. Савенкову на это обстоятельство указали, например, качинцы, бубны которых он впоследствии изучал по коллекциям Минусинского музея [3]. Кое-где наскальные изображения еще недавно осмыслялись онгонами и в прошлом были родовыми святынями [4].

Рисунки на бубнах — явление более позднее, чем наскальные изображения, но генетически с ними связанное (иногда даже в технике рисунка). Их значение довольно четко сознается не только шаманами, но и многими рядовыми представителями племен, в среде которых существует разрисовка бубна. Я убедился в этом у племен северного Алтая. Д. К. Зеленин указал, что рисунки минусинских бубнов, оказываются по своей функции онгонами (ящерица, щука, жаба, рыбы излечивают болезни).

Изучение рисунков на бубнах у племен северного Алтая (телеутов, шорцев, челканцев, кумандинцев, тубаларов) убеждает меня, что нет оснований считать эти рисунки иллюстрациями к солнечному мифу. У северных алтайцев они изображают определенных духов — помощников шамана (птицы, лягушки, рыба, змея, рогатые животные «бура» и т. д.), животное (в прошлом тотемического предка), шкурой которого обтянут бубен, березу, из которой сделана рукоятка, иногда еще духов-покровителей отдельных сеоков — родов (как, например, у телеутов), а также землю с горами, небеса с солнцем, луной, звездами, радугой, облаками [5]. Каждый рисунок имеет вполне определенное название и

[1] Агапитов и Хангалов. Материалы для изучения шаманства в Сибири. Изв. Вост.-Сиб. отд. ИРГО, XIV, Иркутск, 1883, № 1/2, апрель, стр. 30—31; Изв. Русск. комит. для изуч. Средн. и Вост. Азии, серия II, № 3, 1914, стр. 99.

[2] Агапитов и Хангалов. Указ. соч.; Н. Кякшто. Писаница шаман-камень. Сообщ. ГАИМК, 1931, № 7, стр. 29 (материал относится к ороченам); Г. Василевич. Некоторые данные по охотничьим обрядам у тунгусов. Этнография, 1930, № 3; Castren. Nordische Reisen, II, St.-Pet., 1856, 318; Агапитов и Хангалов. Изв. Вост.-Сиб. отд. ИРГО по общ. геогр., XII, 1881, № 4/5.

[3] Савенков И. Т. Из разведочных материалов по археологии среднего течения Енисея. Изв. Вост.-Сиб. отд. ИРГО, т. XVII, Иркутск, 1887, № 3/4.

[4] Д. К. Зеленин. Культ онгонов в Сибири. М.—Л., 1936, стр. 387.

[5] См. указанную выше работу Г. Н. Потанина; моя работа «Die Herstellung der Šamanentrommel bei den Šor» — напечатана в «Mitteilungen des Seminars für orientalischen Sprachen zu Berlin», Jahrgang XLVI.

значение и разъясняется из религиозных представлений этих племен [1]. Порой рисунки бубна, его отдельные части, обряд его изготовления отражают черты древних родовых культов, возникших раньше шаманства [2].

Мои краткие замечания по существу содержания рукописи И. Т. Савенкова не преследуют иной цели, кроме привлечения внимания к другим, более важным сторонам исследуемого предмета, незаслуженно преданным полному забвению автором. Изучение шаманских бубнов в указанном выше направлении дает более плодотворные результаты.

Указывая на неприемлемость широких и отвлеченных обобщений И. Т. Савенкова, я не хотел бы умалить большое значение его работы, исполненной со свойственным ему трудолюбием и эрудицией. Значение его работы состоит в соединении и систематизации огромного археологического, этнографического и т. п. материала по затронутому вопросу. Далее, ряд положений И. Т. Савенкова заслуживает полного внимания. К ним нужно отнести в первую очередь указание автора на значение и смысл ритуальных жестов в древних культах [3]. И. Т. Савенков первый из исследователей обратил серьезное внимание на это обстоятельство. Нужно отметить и указание его на связь петроглифов и рисунков на бубнах.

Все это делает публикацию указанной работы И. Т. Савенкова весьма желательной при условии издания и иллюстративного материала, который в настоящее время хранится отдельно [4].

[1] Л. П. Потапов. Следы тотемических представлений у алтайцев. Сов. этнография, 1935, № 5—6. Некоторые дополнения к статье Н. П. Дыренковой «Телеутские бубны по коллекциям МАЭ» (печатается в очередном сборнике Музея антропологии и этнографии).

[2] Я показал это в работе «Обряд оживления шаманского бубна у тюркоязычных племен Алтая» (в печати).

[3] Напомню, какое большое значение придавал религиозным взглядам у прокезов Ф. Энгельс. См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 727.

[4] По имеющимся у меня сведениям, иллюстративный материал к этой работе хранится в Государственном литературном музее Наркомпроса РСФСР в Москве.

Г. М. ВАСИЛЕВИЧ

МАТЕРИАЛЫ ЯЗЫКА К ПРОБЛЕМЕ ЭТНОГЕНЕЗА ТУНГУСОВ[1]

В связи с тем, что тунгусские племена, в частности некоторые группы эвенков, сохранили до сих пор антропологические черты и ряд элементов материальной культуры неолитического человека Прибайкалья — Приангарья, а также с тем, что значительное количество элементов эвенкийских языка, фольклора и этнографии имеют аналогии по всей территории Евразии, мы поставили перед собою задачу проследить факты языка, фольклора и этнографии тунгусо-манчжуров и в частности эвенков в плане широких сопоставлений с аналогичными фактами, распространенными на территории Евразии, а в некоторых случаях и шире — на территориях, исторически связанных с Евразией.

Сравнительный анализ языковых фактов (морфолого-синтаксические явления, лексика и этнонимы) в целом вскрыл сложную картину глоттогонического процесса языков Евразии и прилегающих стран еще задолго до начала формирования основных ядер языковых систем, развившихся на этой территории.

Материалы подтвердили положение о первичности трехзвукового корня для языков Евразии (значимый согласный, словообразующий гласный и конечный сонорный согласный, значение которого еще не выяснено).

Одинаковые по выражению и значению факты распределились по пластам различной давности.

Самый глубинный пласт, отложившийся не только в большинстве языков Евразии, но и в ряде языков Америки, Африки и в языках, исторически связанных с южной Азией, мы условно назвали дян'ско-чан'ским.

Следующий пласт — североазиатский — отложился в языках северной половины Азии. К этому периоду, вероятно, относится начало выделения основ индоевропейской, яфетической и других систем, связанных с территорией Южной и Передней Азии.

Урало-алтайский пласт отложился в языках уральской и алтайской языковых систем. К периоду этого пласта, вероятно, придется отнести начало выделения основ этих систем.

Алтайский пласт, значительный по количеству лексики, грамматических явлений и этнонимов, в отношении тунгусских языков дает слои: тунгусо-монголо-тюркский, тунгусо-тюркский и тунгусо-монгольский. К первому слою, очевидно, придется отнести начало формирования основ тунгусо-манчжурской языковой группы.

Тунгусо-манчжурский пласт дал два слоя: один — общий для всех

[1] Автореферат монографии.

языков тунгусо-манчжурской группы, другой — общий для всех языков без манчжурского. К этому периоду, вероятно, придется отнести начало формирования манчжурского языка. В современных языках, объединяемых в манчжурскую подгруппу (нанайский, ульчский, удэйский, орокский и орочский), количество эвенкийских элементов преобладает над количеством манчжурских элементов. Развились эти языки в различные периоды в результате взаимодействия диалектов эвенкийского, манчжурского языков и языков приморско-приамурских охотников и рыболовов, а также в некотором взаимодействии с диалектами корейского и китайского языков.

Значительное количество элементов каждого из указанных пластов находит себе аналогии в различных языках Америки.

И наконец, отдельные группы тунгусов-эвенков вследствие колоссальной их расселенности по территории Азии имели постоянные взаимодействия с иноязычными племенами и выработали ряд диалектов с общетунгусской основой, но с чертами, характерными для языка соседей, например: эвенки — онгкоры и солоны Монголии и Восточного Туркестана (влияние монгольских и тюркских языков), эвенки Бурят-Монголии (влияние диалектов бурятского языка), эвенки Якутии, частично Приамурья (влияние якутского языка); тунгусы, ушедшие на северо-восток, во взаимодействии с юкагирами, позже с якутами и в позднейшее время — с коряками и чукчами выработали диалект, к нашему времени ставший языком со своею письменностью — эвенским (ламутским). С другой стороны, эвенки оказывали свое влияние и на языки соседей: по системе Енисея и на Таймыре — на диалекты самоедских языков (селькупский, энецкий, нганасанский), на нижнем Амуре — на гилякский язык, на северо-востоке — на юкагирский язык.

В районах связей с русским населением (преимущественно по системам больших рек) выработались говоры с влиянием русского языка, но и русские говоры в свою очередь обогатились лексикой из эвенкийского языка.

Передвижения отдельных групп эвенков по всей территории, их расселения также оставили свои следы. Распространение родовых названий вполне увязывается с особенностями современных говоров, следами диалекта, на котором говорило племя, носившее это имя. Прослеживание такого рода особенностей в увязке с этнонимами позволяет восстановить картину древних передвижений отдельных групп эвенков из района Прибайкалья на запад, север, восток и юго-восток. Позднейшие передвижения язык отмечает с Вилюя на Витим, из Якутии на Охотское побережье и Сахалин и из Якутии в Приамурье (с системы рек Алдана на систему рек Амура) и, наконец, с верховьев Вилюя и смежных притоков Лены на запад — на системы Нижней Тунгуски до Енисея и дальше и рек, впадающих в Ледовитый океан.

От *дян'ско-чан'ских* языков в языках Евразии, частично Америки и Африки сохранились следующие элементы.

Первичные местоименные корни *м*(*Vн*) || б(*Vн*) для первого и *с*(*Vн*) || *т*(*Vн*) для неперв ого (второго и третьего) лица, а также элемент *Н* для неперв ого лица.

Эти корни первично не были дифференцированы в числе. Дифференциация в числе шла по линии закрепления этих элементов за единственным числом, а для выражения множественного числа использовалось их соединение (типа эвенкийского *мин* + *тын*; тюркского *би* + *с*, шумер-

ского *ме(н)* + *зе(н)*, ительменского *му* + *жа* (мы). Употребление этих элементов в функции предикативных частиц, выражающих субъект, дало начало развитию в дальнейшем вспомогательного глагола «быть» в функции связки (из первого элемента *бVн*). Употребление второго элемента как компонента местоимения множественного числа дало начало употреблению его как показателя двойственного числа, затем как показателя множественного числа (*з — с* || *т — д*). Первично он употреблялся при названиях племен и племенных вождей. Вторичное образование местоимений множественного числа и 3 лица единственного числа имело самостоятельные линии развития после формирования основ языковых систем.

Корень *кVн* > *кV* > *к*, выражавший первично «место», «земля», а в комплексе — деятеля, действие и орудие действия, развивался во всех указанных языках по двум линиям — словообразования и словоизменения (локативные и временные отношения, позже обстоятельственные отношения).

Также выражавший первично понятия «место», «земля», «страна» корень *дун* ~ *дан* развился в показатели локативных и временных отношений.

Во всех языках Евразии (и частично Америки и Африки) прослеживаются не только эти элементы, но и процессы их развития, происходившие по разным языкам, конечно, разновременно.

Этноним *дян* ~ *чан* (*дён* ~ *чон*) также прослеживается в указанных языках не только как этноним, но и как слово, выражающее понятие «человек» — «люди» («свои» и «чужие») и комплексно: «рождаться» — «душа» — «тело» — «родительница», «родственник» (отсюда родственные термины) и чужой человек: «гость» — «враг» — «враждовать» — «бороться» — «война».

Из лексики от этого пласта отметим лишь некоторые корни:

Корень пур ~ хур (> ур || ар || ер || ир) в значении «дети», «потомство», «семья», «сын», «мальчик», «самец», «мужчина», «воин», «войско».

Корень *хVл* ~ *кVл* в значении «два дерева, растущие из одного корня», «сородичи», «род», «поколение», «племя». В связи с этим корень *гVл* ~ *кVл* ~ *хVл* ~ *пVл* ~ *бVл* || *вVр* ~ *кVр* в значении «ветвь», «рука», «нога», «крыло», «молот», «топор», «меч», «нож».

Корень *хVр* ~ *кVр* ~ *шVр* ~ *сVр* ~ *тVр* в значении «пещера», «жилище», «дом», «комната», «изгородь», «двор», «укрепление», «крепость», «город».

Корень *сVр* ~ *хVр* (> *Vр* || *Vл*) ~ *кVр* ~ *пVр* в значении «олень», «самец», «бык», «корова», «овца», «рог», а в связи с этим корень *сVр* ~ *тVр* || *тVл* в значении «лыжи», «нарта», «сани», «телега».

Корень *кV(н)* + *ти* (~ *чи*) в значении «собака», «щенок», «сука». Корень *мо/му* ~ *бо/бу* ~ *по/пу* (с конечным сонантом и без него) в значении «дерево», «лес», «бревно», «полено» (= «огонь»), в одну сторону, и «вода», «лед», «лодка» — в другую. В связи с этим корень мVр ~ бVр ~ пVр || бVл в значении «собака», «лошадь», «верблюд», «осел».

Корень (Vл <) хVл ~ гVл в значении «молния», «огонь», «уголь», «костер».

Корень *сVн* ~ *хVн* ~ *кVн* в значении «солнце».

Корень *ян* ~ *джан* || *джал* ~ *ял* в значении «пламя», «костер», «умолять», «просить», «шаманить», «шаман», «кузнец», «колдун».

Корень *кVл ~ хVл* в значении «злой дух», «дух смерти», «смерть» и «рыба».

В североазиатском пласте выделилось два слоя: один — отложившийся в тунгусских, самоедских и палеоазиатских языках, второй — в языках уральской и алтайской систем и палеоазиатских.

Из морфологии к первому относится способ образования числительных второго десятка при помощи слова «лишний» (типа: один, десять, лишний,— «одиннадцать»), из лексики слова, связанные с охотой на морских животных, с морем —океаном, с одеждой, ряд других, и слово — корень, выражающий в современных языках повествование мифов и камлание.

Лексика второго слоя объединяет понятие «лед», «холод», «блеск» (*гил ~ гел*), полый предмет, пустота, дупло и ряд производных — названия предметов, изготовленных из полых предметов (*кVн + га*); «наспинная ноша», «вьюк», «седло», «грузить» (*ин ~ ын*); «отверстие», «рот», «устье», «вход» (*ам+га, анга*), «огонь», «таган», «котел» (*mVг > mV*); «периодический обряд» (*ан + га*), «побратимство», «клятва», «обмен» (*ан + да*) и ряд других.

Из этнонимов к этому пласту придется отнести *мата ~ мадда* (*<ман + да*), сохраняющий те же значения, что и этноним *дян ~ чан*.

К урало-алтайскому пласту относятся следующие элементы. Из морфологии: форма слов на *-ми ~ ма > -м*, выражающая действие и состояние и являющаяся одной из первых форм зависимого предиката. Форма слов на *-ла*, развившегося в функции словообразователя и в функции выразителя локативно-временных отношений. Этнонимы: *ил*, сохранившийся в тех же значениях, что и этноним *дян ~ чан;* и *бай ~ бая*, возникший, повидимому, на территории между Уралом и Байкалом. Лексика этого пласта указывает на наземное жилище с костром внутри, на появление лука (у некоторых групп), верховой езды, следовательно,— начало приручения животных, на появление металла и холодной обработки его и др.

Алтайский пласт в отношении тунгусских языков дает три слоя: тунгусо-монголо-тюркский, тунгусо-тюркский и тунгусо-монгольский. К первому слою относятся следующие явления: из морфологии — формы слов на *-рин > -ри > -р || -ран > -ра > -р* и на *-джа* (*н*), развившиеся по линии формы предиката (главного и зависимого) и по линии словообразования. Значительное количество лексики относится к географической терминологии, различного рода действиям, качествам, количествам (но не к именам числительным), пространствам. Некоторая часть относится к охоте, скотоводству, кузнечеству, частям жилища и предметам материальной культуры. К этому же слою относится слово *шаман* и действие: передача сказаний, гадание (по лопатке) и загадывание.

Из этнонимов к этому пласту относятся: *манги ~ мангы, эвен ~ уван, дол + ган ~ дул + га || дон-нга, кима ~ кимэ, кури ~ куры.*

Тунгусо-тюркский слой в морфологии дает дальнейшее развитие уже имеющихся форм предиката в скрещенном виде, а именно формы на: *джа + к(и), -ра + к(и) || -арк -р + кан* и на *-ми-ма > -ма + к*. Лексика объединяет некоторое количество естественно-географической, бытовой и социальной терминологии.

Тунгусо-монгольский слой в морфологии дает дальнейшие формы развития выражения локативных отношений (*син, -с + ки ~ -т + ки || || -ги + си ~ ги + ш*) и значительное количество способов словообразо-

вания: переходность *-ву(ц)* ||*-гул, ги ~ га*; взаимность *-лды ~ лда*; признак *-ма, гу-га*; обладание *-чи*; орудие *-вун ~ гун* || *-гур*; предмет *-птун* || *бшо, -га* (*н*).

В лексике, охватывающей те же разделы, что и в предыдущем слое, интересны названия для летнего и осеннего сезонов.

Тунгусо-манчжурский пласт дает два слоя: один, отложившийся во всех языках тунгусо-манчжурской группы, другой — во всех языках, за исключением манчжурского. Если первый в лексике отложил названия основных частей организма, то второй дополнил названия более мелких частей. Если первый отложил названия рельефа, изрезанного невысокими горами и реками, то второй дал лексику, связанную с природой сибирской тайги. Второй слой развил терминологию, связанную с охотой, с деталями жилища, с основными частями одежды. Социальная терминология первого слоя говорит о наличии племенной организации: старейшины, вожди, охранители, межплеменные войны, оформление шаманства; но культ мертвых (проводы душ покойных в мир мертвых) развился уже во втором слое.

Из морфологии второй слой характеризуется богатым развитием словообразования, системы склонения и форм предиката.

Таким образом, на данной стадии исследования материалов языков позволяют сделать предварительно следующие выводы:

1. В основу тунгусских языков легли языки древнейшего населения Евразии.

2. Дальнейшее развитие и обособление этих языков дало языки Северной Азии, явившиеся второй основой для тунгусских языков.

3. Следующее развитие дало языки таежно-степной зоны, которые также были основой тунгусских языков.

4. Обособление языков алтайского мира и начало оформления языка *эвен*'ов ~ *уван*'ов, в дальнейшем развивавшегося во взаимодействии с языками тюркской и алтайской групп.

5. Наконец развитие отдельных диалектов эвенкийского языка во взаимодействии с языками соседей представляет собою исключительно сложную картину, вызванную многочисленными передвижениями небольших групп и расселением представителей различных родов и племен по колоссальной территории расселения тунгусских племен.

В. В. БУНАК

КРАНИОЛОГИЧЕСКИЕ ТИПЫ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОГО НЕОЛИТА[1]

Настоящее исследование представляет собой попытку применения к древнему краниологическому материалу принципов расового анализа, лежащих в основе учения о расе, как динамической исторической категории. Конкретно говоря, задача состоит в выделении типов на основании групповых характеристик отдельных территориальных и культурных объединений,— в отличие от диагноза типа отдельных черепов по априорной схеме,— и в отыскании связи выделенных типов на основании территориальных сравнений, а не абсолютных морфологических признаков.

Имеющиеся данные, особенно прежние, не позволяют провести подразделение материала по периодам неолита, по типу погребений и дробным территориям. Приходится ограничиваться более широким определением неолита, включая в него и энеолит, или во всяком случае погребения, частично содержащие медный инвентарь (но не бронзовый).

Обзор типов. Из неолита Швеции известно 70 черепов, из норвежского неолита — 2. Из этой серии только 5 черепов имеют черепной указатель выше 80; они найдены в южной Швеции и как по территориальным, так и по морфологическим признакам, а равно и по роду погребений сближаются с одним из вариантов датского неолита. Остальные 67 черепов довольно изменчивы в отдельных признаках, но в целом представляют собой достаточно определенный тип (I шведский).

148 черепов датского неолита образуют очень гетерогенную серию. Черепной указатель варьирует от 62 до 86, вариационная кривая, очень неправильной формы, дает характерные повышения, соответствующие индексам 73, 76, 80. *Правый* склон вариационной кривой уплощен и по всем данным представляет собой морфологический элемент. За отсутствием других данных для выделения этого варианта я принял условной границей его указатель 80 и по данным Нильсена вычислил групповую характеристику 33 мужских черепов этого типа, обычно именуемого типом «Борреби» (II тип), до сих пор точно не описанного. Пять брахикранных шведских черепов вполне укладываются в рамки типа Борреби. Тип датских черепов, за вычетом элемента Борреби, почти совпадает с типом шведского неолита.

Неолитические (а по современным данным также и энеолитические)

[1] Автореферат доклада, прочитанного на заседании сектора антропологии Института этнографии АН СССР 10 января 1944 г.

погребения Франции и Бельгии доставили очень обильный краниологический материал. В нем выделяют несколько типов. Вариационная кривая 688 черепов и их территориальное распределение с уверенностью позволяют выделить два элемента: западный, описанный еще Брока под названием Бом-Шодского или типа «пещеры мертвого человека» (III тип), и восточный, или тип «Гренелль» (IV тип). Этот последний вариант получает групповую характеристику на основании измерений серии в 35 черепов, произведенных мною в Музее естественной истории в Париже. Третий тип французского неолита, тип Жене́ или Авиньи, по краткому описанию, имеющемуся в литературе, указывает на близкое сходство его с долихокранным шведским вариантом, но реальное существование этого типа пока не поддается установлению.

Территориально явно выделяется серия неолитических черепов Англии и Шотландии (V тип), представляющая собой одну целостную группу.

Неолит и энеолит Пиринейского полуострова доставил 32 мужских черепа, из них два имеют черепной указатель выше 80. Женская серия очень сходна с мужской. Черепа из Эль-Аграр могут считаться типичными представителями этого (VI) неолитического варианта.

Для выделения краниологических типов неолита Центральной Европы (Германия, Австрия, Чехия) разбивка материала по территориальному признаку дает гораздо менее четкие результаты, чем распределение по роду погребений. Руководясь этими последними, можно выделить три серии, которые, впрочем, в известной мере различаются и территориально: типы ленточной керамики, шнуровой керамики и колоколообразных сосудов (типы VII, VIII и IX).

В неолите Швейцарии обычно выделяются два типа; один — брахикранный, который считается древним и характерным для свайных построек, другой — долихокранный, более поздний и преобладающий в погребениях с каменными ящиками. Новые данные заставляют пересмотреть это представление и с археологической и с краниологической стороны. Общая средняя черепного указателя 49 черепов швейцарского неолита около 77, вариации идут в обе стороны довольно равномерно. Черепов с указателем 80 и более — 11, столько же, сколько крайне длинноголовых. Представление о существенном различии долихокранных вариантов по строению лицевого скелета и другим признакам не подтверждается имеющимися данными. Вполне возможно, что неолитические черепа Швейцарии образуют одну целостную мезокранную серию (IX тип); впрочем, нельзя считать исключенным и другое решение вопроса. В последнем случае правильнее всего выделить в качестве особого варианта тип Шамбланда и тип Оверньe (Auvernier).

В неолите и энеолите Италии по сводке Беккари и Пукчиони следует различать не менее двух типов, из которых один характеризуется повышением кривой головного указателя, соответствующей индексу 74—75, а другой — индексом 82. Первый преобладает в южной части Аппенинского полуострова и на островах, второй — в Северной Италии и отчасти в Сицилии (типы XI и XII).

Для материковой Греции известна небольшая серия древних черепов, описанная Фюрстом (тип XIII).

Для прочих областей Западной Европы и для Балканского полуострова имеются данные лишь об отдельных находках, недостаточных для групповой характеристики.

Сопоставление типов. Выделенные 13 типов могут быть сгруппированы следующим образом:

Периферийная группа, заслуживающая это название потому, что она не встречается в центре Западной Европы, может быть названа также по преобладающему типу погребений дольменной, представлена типами английского неолита, Бом-Шодским, шведским (I, III, V) и почти несомненно долихокранным типом датского неолита. Эту группу отличают: длина 188—193 мм, ширина 136—139 мм, высота 131—136 мм, головной указатель 72—73, лицевой указатель 53—55, носовой 44—45, скуловая ширина 125—128 мм.

Трансконтинентальная, распространенная преимущественно в широтном направлении, к югу от предыдущей, характерная для погребений с ленточной керамикой, представлена типами ленточно-керамическим, пиринейским Эль-Аграрским и, по всей вероятности, Эладским (ранним) (VI, VII и XIII). По всей вероятности, варианты этой группы имеются в южной Франции, к югу от Бом-Шодского или наряду с ним. Эта группа, как и предыдущая, образует сплошной пояс, отличается от дольменной меньшим длинником, большим поперечником, головной указатель около 74—75, лицевой скелет более широкий, индекс 51, носовой указатель больше 50.

Центральная группа или шнуро-керамическая (тип VIII) отличается от предыдущей меньшей шириной черепа, большей высотой, резкой долихокранией, средним лицевым указателем 43 и носовым указателем около 45.

Трансконтинентальная группа, распространенная преимущественно в меридиональном направлении, связанная с разными погребениями, с культурой датского неолита, неолитом северной Франции, инвентарем колоколообразных сосудов. Представлена типами Борреби, Гренелль, типом погребений с колоколообразными сосудами и в некоторой модификации типом северотальянского неолита (типы II, IV, IX, XI). Вопреки мнению многих исследователей, групповые характеристики этих типов, особенно типов Гренелль, Борреби и колоколообразного, чрезвычайно сходны между собой: длинник 177 мм, поперечник 146 мм, головной указатель 82—83, высотно-продольный 75—78, высотно-поперечный 92—95, лицевой 53, носовой 50—52. Описываемый тип в бронзовую эпоху проник и в Англию, где, впрочем, в чистом виде он не представлен, но выступает в видоизмененной форме явно смешанного происхождения. В этом же направлении идут отличия северотальянского брахикефального варианта.

Не вполне выясненным остается положение южноитальянского долихокранного типа и швейцарского или швейцарских типов, если признать, что в этой области имелось два элемента. Южноитальянский (XII) тип в целом, по всей вероятности, стоит ближе к периферийной группе (дольменной), но, может быть, представляет особый вариант ленточно-керамической группы.

Очень вероятно, что и швейцарский тип (X) является лишь локальным вариантом ленточно-керамической группы, приобревшим мезокранию вследствие смешения с каким-либо брахикранным элементом. Но возможно, что оба эти компонента со временем удастся выделить в качестве особых типов — Шамбландского, представляющего вариант ленточно-керамической группы, и Оверньерского, близко стоящего к прочим неолитическим брахикефалам.

Неолитические типы в сравнении с современными. Ни один из описанных типов не может быть рассматриваем в качестве варианта какой-либо из современных рас. Эти последние отличаются не только большей средней величиной головного указателя, но и сочетанием многих других признаков и направлением отличий. Современные расы Европы не были представлены в неолите, не были представлены и их более ранние мезоморфные варианты, которые намечаются в эпоху железа. Неолитические типы в целом могут быть отнесены к большой европейской расе, но лишь в качестве особых рас или подрас, сильно видоизменившихся впоследствии путем перекомбинирования характерных для них отличий. Эти протоморфные варианты большой европейской расы отличались, кроме того, умеренным альвеолярным прогнатизмом и некоторыми другими особенностями. Распространенное в литературе наименование шведского неолитического типа северным типом, предполагающее его особую близость с современной северноевропейской расой, совершенно неосновательно. В равной мере следует отвергнуть так называемую лапоноидную теорию происхождения неолитических брахикранов Европы: не только типы Борреби и Гренелль, но и швейцарский оверньерский тип по целому ряду признаков резко отличны от лопарского типа как современного, так и древнего, известного по описанию Скрайнера. Современный альпийский тип в его характерной форме «Диссентис» отличается от неолитических брахикранов главным образом большими широтными размерами.

Типы неолита по сравнению с древнейшими. Не подлежит сомнению, что формирование неолитических типов происходило при участии более древнего населения Европы, но попытки установить непосредственную преемственность отдельных вариантов пока оказываются безуспешными. Крайне гетерогенная Офнетская мезолитическая серия отнюдь не образует какого-нибудь единого типа и не может быть разложена на определенные элементы. Мезокранный тип острова Тевьек существенно отличен и от Бом-Шодского и от Гренелльского. Верхнепалеолитические типы, объединяемые в сборную группу «кроманьонской расы», вовсе не представляют собой чего-нибудь целого; они распадаются на большое число локальных вариантов и представляют иные сочетания признаков, чем те, которые выступают в неолите.

Взаимоотношение неолитических типов Западной Европы с восточноевропейскими и внеевропейскими имеет решающее значение для выяснения происхождения выделенных вариантов. Рассмотрение этого вопроса составляет задачу особой работы.

Н. Н. ЧЕБОКСАРОВ

ЭТНИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ ГЕРМАНИИ

(Краткий исторический очерк)

Основные антропологические типы населения Центральной Европы начали складываться задолго до появления на исторической арене не только современных немцев, но и их предков — германских племен, живших между Рейном и Эльбой около начала нашей эры. Уже на рубеже между древним и новым каменным веком, примерно за 10—12 тысяч лет до нашего времени, население территории Германии не было антропологически однородным.

К концу верхнего палеолита (эпоха мадлен) относятся два скелета — мужской и женский — из Оберкасселя близ Бонна на Рейне. Рост их средний (мужчина — 160 см, женщина — 155 см), черепа крупные, массивные, удлиненные (головной указатель около 74.0), надбровные дуги сильно развиты, лицо большое, очень широкое, нос выступающий, узкий. По общему физическому облику люди из Оберкасселя напоминали длинноголовую кроманьонскую расу, широко распространенную в Западной Европе на протяжении всего верхнего палеолита и являющуюся, по мнению многих антропологов, исходной формой возникновения большинства позднейших европейских расовых типов.

К кроманьонцам (в широком смысле слова) должны быть отнесены также многие мезолитические черепа, найденные в Северной и Средней Европе.

На территории Германии формы эти представлены прежде всего черепом из Плау в Мекленбурге: брахикефальным (головной указатель около 86.0), массивным, с крупным широким лицом (скуловой диаметр 138 мм) и узким носом (Шлиц). К тому же кругу примыкают и длинноголовые черепа из пещеры Офнет в Баварии.

Однако кроманьонцы не были единственными антропологическими компонентами населения Германии в мезолитическое время. В той же Офнетской стоянке наряду с долихокефалами кроманьонского облика найдены короткие, но широкие черепа с уплощенным сводом, слабо развитым надбровьем, плосковатым лицом, сильно выступающими вперед и в стороны скуловыми дугами, широким и коротким носом с низким переносьем (Шлиц). Вполне законно сопоставление офнетских брахикефалов с позднейшими «альпийско-лапоноидными» формами Центральной Европы, для которых характерно сочетание брахикефалии, грацильности и отдельных особенностей, указывающих на возможные азиатские связи (небольшая горизонтальная профилировка, слабо выступающий нос).

Еще более отчетливо черты рас азиатского происхождения выражены на черепах из Притцерберского озера в Бранденбурге, синхроничных ранненеолитической культуре Лингби (Рехе). Оба притцерберских черепа обладают уплощенным лицом, слабо выступающим носом с низким переносьем, сильно развитыми предносовыми ямками. В отличие от офнетских находок ослабленно монголоидные особенности сочетаются здесь с долихокефалией (указатель 72—74) и значительной массивностью.

Трудно сказать, насколько широко были распространены в Центральной Европе в неолитическую и последующие эпохи типы, сходные с брахикефальными офнетскими или притцербергскими черепами. Расовый анализ древних костяков с интересующей нас территории сильно затрудняется фрагментарностью многих остатков, плохой их публикацией и неизученностью их основных расодиагностических особенностей. Все же явные уклонения от преобладающего длинноголового протоевропейского (кроманьонского) типа наблюдаются на каждом шагу. Уплощенное лицо, выступающие скулы, низкое переносье и другие монголоидные признаки могут быть констатированы, например, на неолитических черепах из Домитца, Гохлярмарка (Вирхов), Саферштеттена на Инне в Баварии (Заллер). Очень вероятно, что уже в эпоху первоначального освоения человеком территории Северной и Средней Европы, после отступания ледника, переходные расовые типы с ослабленно монголоидными чертами встречались здесь наряду с потомками палеолитических кроманьонцев. Само становление этих переходных «североевразийских» комплексов, с неолита до наших дней широко распространенных по всей лесной полосе от Балтики до Енисея, связано с метисацией двух больших рас: европеоидной и монголоидной.

Наличие североевразийских типов среди неолитического населения Германии указывает, что процесс смешения между европейскими и азиатскими расами уже в глубокой древности захватывал не только Восточную, но и Западную Европу. Повидимому, заселение лесной зоны северо-западной Евразии шло вслед за окончательным отступанием ледника широкой волной одновременно с юга и востока. О восточном пути заселения красноречиво рассказывают палеолитические стоянки около г. Молотова, открытые в 1938 г. советским археологом Талицким. Если основным расовым типом южных насельников был европеоидный, непосредственно восходящий к кроманьонцам, то с востока, из Азии, в Европу проникали древнейшие монголоиды, о существовании которых в Сибири свидетельствует находка обломка черепа с широким уплощенным переносьем на палеолитической стоянке Афонтова гора в Красноярске.

Но и европеоидные типы на территории Германии (как и остальной Европы) не были однородными уже в эпоху неолита. На северо-востоке страны, у южных берегов Балтийского моря, в Мекленбурге, Померании, Пруссии — преобладали массивные, умеренно длинноголовые, широколицые формы «кроманьонского» облика (Шлиц), близкие к синхроничным типам Дании, южной Швеции (Сконе), Эстонии, Приладожья (Оленеостровский могильник). Есть основания предполагать, что формы эти были характерны для носителей древнейших культур озерно-лесной прибалтийской зоны (Маглемозе, Муллеруп, Свердборг и др.) с их примитивным, но оседлым рыболовно-охотничьим хозяйством, макролитической каменной индустрией и многочисленными из

делиями из рога и кости. В период датских кьеккемедингов (кухонных куч) и еще позднее, в эпоху неолита с ямочно-гребенчатой керамикой в северо-восточной Европе и одновременных с ним стоянок и групповых могил Скандинавии и Западной Балтики, имело место смешение широколицых европеоидных мезодолихокефалов балтийского круга с североевразийскими формами, проникавшими из-за Урала.

Другая картина наблюдается в западной и южной Германии — в бассейнах Везера, Рейна, Дуная, а также в верховьях Эльбы и Одера (Вестфалия, Рейнланд, Баден, Бавария, Саксония, Силезия). Здесь в неолите преобладают крайне длинноголовые (черепной указатель 69—72), относительно грацильные и очень узколицые европеоиды, связанные, с одной стороны, с Атлантическим побережьем, с другой же стороны — со Средиземноморьем (через горные проходы в Альпах и через «Дунайские ворота», ведущие на Балканы). Эти узколицые типы, принадлежавшие, по всей вероятности, к кругу атлантомедитеранных рас, в северных провинциях (Вестфалия, Ганновер, Шлезвиг Гольштейн) встречаются преимущественно в мегалитических могильниках, так же как в Швеции, Дании и северной Франции. На юго-востоке (Саксония, Силезия) аналогичные расовые варианты могут быть связаны с культурой ленточной керамики. Намечаются, таким образом, два пути проникновения на север узколицых средиземноморских форм: морской — атлантический, отмеченный мегалитическими памятниками, и континентальный, дунайский, вдоль которого распространялась ленточная керамика.

На крайнем юге Германии, у швейцарской границы, в неолите и в начале бронзового века встречаются брахикефальные грацильные черепа с относительно низким и несколько уплощенным лицом, во многом сходные с короткоголовым офнетским типом и представляющие, повидимому, его прямых потомков. В максимальном количестве формы эти сосредоточены в свайных постройках соседней Швейцарии.

Таким образом, палеоантропологические данные позволяют установить, что к концу нового каменного века, на рубеже III и II тысячелетий до н. э., когда современные языковые группы индоевропейцев (в том числе и германцы) еще не существовали, население Центральной Европы было антропологически очень неоднородно. Факт этот в свое время был отмечен Энгельсом. «Немцы,— писал он,— отнюдь не первые обитатели той территории, которую они занимают в настоящее время. По крайней мере три расы предшествовали им». Давая краткий обзор известных в его время палеоантропологических находок, Энгельс подчеркивает древнее, догерманское распространение в долине Рейна двух основных расовых типов, сходных с выделяемыми среди современных басков и лапландцев: «Обе эти расы низкорослых, темноволосых людей, одна — переселившаяся с противоположного берега Средиземного моря, другая — непосредственно из Азии, с северного побережья Каспийского моря, повидимому столкнулись впоследствии в Германии» [1].

Конечно, заимствованные Энгельсом у исследователей XIX в. характеристики рас и их наименования не вполне отвечают принятым в наши дни. Но его основная мысль о взаимодействии в Центральной Европе двух больших расо- и этногонических циклов — средиземноморского

[1] Ф. Энгельс. К истории древних германцев. Маркс и Энгельс. Соч., т. XV, ч. 1, стр. 339—341.

или евроафриканского и азиатского — находит полное подтверждение в новейших конкретных данных антропологии, археологии и лингвистики.

В течение бронзового века, во II тысячелетии до н. э., на территории Германии происходило дальнейшее смешение описанных расовых компонентов и их трансформация в связи с процессом брахикефализации (повышения головного указателя) и грацилизации (уменьшения массивности) лицевого скелета. Опубликованные в последнее время материалы Траувиц-Гельвига, Шейдта, Заллера и др. показывают, что в Центральной Европе в рассматриваемое время наметились по крайней мере четыре основных группы антропологических типов: широколицые мезодолихокефалы кроманьонского облика, узколицые длинноголовые варианты южного (средиземноморского) происхождения, европеоидные брахикефалы с узким удлиненным лицом и сильно выступающим носом — древнейшие «динарцы» — и переходные «альпо-лапоноиды», с несколько уплощенным, большей частью низким лицом и относительно слабо выступающим, нередко вогнутым носом. В пределах Германии типы первой группы сосредоточивались преимущественно на севере у берегов Балтики, второй группы — на западе, в бассейне Рейна и отчасти вдоль Дуная, третьей группы — на юго-востоке (главным образом в Баварии), четвертой группы — в гористых районах крайнего юга и, быть может, на востоке (Силезия, Познань). В сравнении с предшествующей неолитической эпохой следует отметить первое появление европейских брахикефалов динарского типа, распространившихся с юго-востока вместе с культурой колоколообразных сосудов, носителями которой они, повидимому, были.

В I тысячелетии до н. э., в период развития культур железного века в Центральной Европе начинают складываться крупные племенные группы, известные нам по историческим источникам,— иллирийцы, кельты, позднее германцы и славяне. Для костных остатков этого времени впервые может быть поставлен вопрос не только о географической хронологической локализации, но и об этнической принадлежности.

Антропологически очень неоднородными были носители раннежелезной Гальштатской культуры IX — VI вв. до н. э., распространенной на северо-западных окраинах Балканского полуострова, в Истрии, северо-восточной Италии, Австрии, Швейцарии, Савойе и на крайнем юге Германии, до верховьев Дуная и Рейна. Этнически «гальштатцы», быть может, тождественны с древними венетами, одними из предков позднейших кельтов и славян (Толстов). Бóльшая часть гальштатских черепов относится к длинноголовым узколицым европеоидам атланто-средиземноморского круга; нередки, однако, среди них и брахикефальные типы, которые могут быть связаны, с одной стороны, с альпо-лапоноидами, с другой стороны — с динарцами.

Следующая центральноевропейская культура железного века — латенская (V—I вв. до н. э.), принадлежавшая кельтам, в пределах Германии бытовала на территории современных Бадена, Вюртемберга, Баварии, Южной Саксонии и Силезии. Подавляющее большинство латенских черепов характеризуется выраженной брахикефалией (головной указатель больше 81), невысоким лицом, сильно выступающим узким носом. Очень вероятна связь латенского типа с современным центральноевропейским расовым комплексом: короткоголовым (индекс 83—85), умеренно высокорослым (166—167 см), низколицым, с узким, часто выпуклым носом, светлыми или смешанными глазами и обычно

темными волосами. Античные изображения кельтов, подчеркивающие короткоголовость, а также указания на их голубоглазость у греческих и римских авторов вполне согласуются с краниологическими материалами о сходстве антропологического типа носителей латенской культуры с центральноевропейскими умеренно светлыми брахикефалами.

О расовом составе германских племен древнейшего периода (до IV в. н. э.) мы почти ничего не знаем, так как в это время среди них повсеместно было распространено трупосожжение, вследствие чего костные остатки в могильниках не сохранились. Тацит в своем классическом труде «О происхождении и местожительстве германцев», написанном около 98 г. н. э., указывает, что «народы Германии не смешивались посредством браков ни с какими другими народами и представляют собой особое, чистое и только на себя похожее племя; вследствие этого у них у всех одинаковый внешний вид, насколько это возможно в таком большом количестве людей: свирепые темноголубые глаза, золотистого цвета волосы, большое тело»... [1].

Защитники антинаучных расистских теорий видели в этих словах Тацита указание на «расовую чистоту» древних германцев и принадлежность их к северному (нордическому) типу. Однако, если вдуматься в приведенный текст, то станет ясно, что в нем идет речь только о преобладании среди германцев светлых и высокорослых субъектов, особенно бросавшихся в глаза темным и низкорослым римлянам. Такими же физическими чертами, какими Тацит наделяет своих германцев, другие античные и восточные авторы характеризовали кельтов, а позднее и славян. Вместе с тем о скрещении германцев с кельтами и римлянами говорят рассказы самого Тацита о романизации племени убиев на Рейне, о кельтизации треверов и нервиев («Германия», гл. XVIII), а также данные Цезаря о смешанных браках германцев с женщинами других народов («Записки о галльской войне», кн. I, гл. 53).

В Южной Германии, на территории современных Бадена, Вюртемберга и Баварии, в римскую эпоху, в I—IV вв. н. э. жило смешанное кельто-романо-германское население, среди которого преобладал мезокефальный (головной указатель 76—77) грацильный тип со слабо наклонным лбом, длинным и относительно нешироким лицом, сильно выступающим, очень узким носом, округлыми высокими глазницами (Экер, Заллер, Гуг и др.). Тип этот сложился, по всей вероятности, в результате взаимодействия и скрещения различных расовых элементов, среди которых основную роль играли центральноевропейские брахикефалы «латенского» облика и средиземноморцы южного происхождения.

Массовые передвижения германцев и славян в период «великого переселения народов» (V—VIII вв.) вызвали в расовом составе средневропейского населения значительные сдвиги, носившие, однако, главным образом количественный характер. Сложившееся в предшествующие эпохи относительное равновесие различных антропологических компонентов было резко нарушено наплывом с севера новых волн европеоидных долихокефалов. Начавшиеся еще в неолите расообразовательные процессы — брахикефализация, грацилизация лицевого скелета и т. д.— оказались прерванными и надолго отодвинутыми назад.

Сами антропологически неоднородные германцы и славяне смеши-

[1] Тацит. О происхождении и местожительстве германцев, глава IV.

вались на границах распадавшейся Римской империи с местным романизированным населением, впитавшим разнообразные расовые элементы. В результате сложных процессов этнорасовых скрещений в начале средних веков в Центральной Европе сложилось несколько характерных локальных сочетаний разграничительных антропологических признаков — предшественников современных расовых типов, входящих в состав немецкого народа.

В северо-западной Германии, в бассейне Эмса и Везера, среди фризов и саксов в V—VIII вв. господствовал так называемый «тип рядовых могил» (Эккер) — длинноголовый (указатель 72—74), массивный, с наклонным лбом и развитым надбровием, среднешироким, удлиненным лицом, выступающим узким носом, низкими угловатыми глазницами. Представители этого типа — предки современных светлых мезокефалов «подсеверного» облика отличались также значительным ростом: 170—172 см для взрослых мужчин (Гильдемейстер, Гаушильд, Заллер). Анализ отдельных серий черепов саксов раннего средневековья с территории современного Ганновера говорит в пользу гипотезы о скрещенном происхождении «типа рядовых могил», который сложился, повидимому, в результате взаимодействия прибалтийских широколицых элементов «кроманьонского» цикла с узколицыми атлантическими формами, проникавшими на север с неолита (см. выше).

Вывод этот подтверждается и тем, что среди рейнских франков — юго-западных соседей саксов — местами отчетливо выступает крайне длинноголовый, грацильный и очень узколицый (но сравнительно высокорослый) атланто-медитеранный тип, все особенности которого наиболее ярко выявлены на черепах из раннесредневекового франкского могильника у Альсгейма (Рейнгессен), описанных еще Вирховым (1877). На расположенных к востоку от Рейна территориях, заселенных франками (север Бадена и Вюртемберга, Баварская Франкония), встречаются различные варианты длинноголовых европеоидов — от крайне узколицых, сходных с типом Альсгейма, до относительно широколицых и массивных, напоминающих черепа из «рядовых могил» Ганновера. Присутствие на Рейне атланто-медитеранных элементов южного происхождения, следы которых, как мы знаем, удается проследить и среди современного населения, частично может быть отнесено за счет римского влияния, особенно интенсивного в районах Констанца, Трира, Бонна и Кельна, где были расположены укрепленные римские лагери с многочисленными легионами.

На крайнем юго-западе Германии и за ее пределами, на территории современных Швейцарии и Савойи, среди алеманов и бургундов, наряду с «типом рядовых могил» были широко распространены центральноевропейские брахикефалы, связанные с древним кельто-романским населением, которое смешалось с германскими племенами и было частично ассимилировано ими (Шварц, Трудель, Гуг и др.). Некоторые алеманские черепа VI—VII вв. из могильников у Эльга (кантон Цюрих, Швейцария) отличаются также целым рядом «лапоноидных» черт: низким, несколько уплощенным лицом, слабо выступающим носом с широким переносьем, развитыми предносовыми ямками и т. д. Вполне определенная монголоидная примесь выступает среди скелетов лангобардов из Никича в Бургенланде (Восточная Австрия) и гепидов из Хорватии (Лебцельтер, Мюллер). В этих случаях можно предполагать непосредственное смешение с гуннами и другими степными кочевника

ми азиатского происхождения, с которыми восточные германцы находились в тесном взаимодействии в эпоху великого переселения народов. Отдельные монголоидные особенности проскальзывают и на черепах баварцев из Южной Баварии, в массе относящихся к типу рядовых могил (Рюдингер, Кольман, Генкель, Заллер и др.).

Славянские племена, заселявшие до VIII—IX вв. всю восточную Германию до Лабы (Эльбы) и Салы (Заале), антропологически были столь же неоднородны, как и их германские соседи. Преобладали здесь длинноголовые, большей частью умеренно узколицые европеоиды, очень сходные с «типом рядовых могил». Наряду с ними встречались, однако, и более брахикефальные, грацильные и низколицые элементы, наиболее ярко выраженные у полабов и бодричей Мекленбурга (Асмус), но заметные также среди славян VIII—X вв., живших в Поморье (Померании) и Западной Пруссии (Вирхов). К этим короткоголовым и, вероятно, умеренно светлым формам, очень близким к типу латенских кельтов, восходят несомненно расовые компоненты современных лужицких сербов, а также немцев Восточной Баварии, Тюрингии, Саксонии, Бранденбурга и Силезии, сильно смешанных с потомками германизированных славян.

Таким образом, ясно, что немецкий народ, формирование которого началось не ранее IX в., сложился на расово и этнически неоднородной основе. После окончания великого переселения народов и установления в Центральной Европе относительной стабилизации населения на месте распавшихся германских и славянских племен возникают новые территориальные группировки, ставшие средой становления современных антропологических типов. Повсеместно возобновляются прерванные пертурбациями раннего средневековья процессы брахикефализации. На юге и отчасти на востоке Германии, где издавна имелись короткоголовые элементы, процессы эти протекают более быстрыми темпами, чем на северо-западе, так что к XIII в. головной указатель возрастает здесь на 3—4 единицы (примерно с 74—75 до 78), а в XVI—XVII вв. баварцы, саксонцы или силезцы оказываются уже настоящими брахикефалами (индекс (83—84), резко отличающимися по пропорциям мозговой коробки от населения Вестфалии или Ганновера (индекс 79—80). Краниологические материалы, относящиеся к XVIII—XIX вв., показывают, что в это время завершилось формирование расовых компонентов современных немцев. На северо-западе Германии, в коренных районах расселения саксов и фризов, на основе «типа рядовых могил» сложился высокорослый, светлый и среднеголовый подсеверный комплекс, связывающий широколицых балтийских и узколицых атлантических европеоидов. На северо-востоке, в области смешения немецких колонистов со славянами и пруссами, стабилизовался близкий к подсеверному, но более короткоголовый и очень широколицый западнобалтийский тип, сохранивший многие особенности древнейшего населения Прибалтики кроманьонского облика. Во всей юго-восточной, средней и южной Германии, где причудливо переплелись кельтские, германские и славянские этнические элементы, получил широкое распространение относительно темноволосый, но светлоглазый, резко брахикефальный центрально европейский комплекс, корни которого надо искать среди носителей культуры железного века I тысячелетия до н. э.— гальштатской и особенно латенской. В зоне преобладания центральноевропейского типа — в Силезии, Судетской области, Баварии — кое-где удержались «лапо-

ноидные» черты, последние отголоски грандиозной метисации европейских и азиатских рас, развернувшейся в лесной полосе северо-западной Евразии. На крайнем юго-западе, особенно в бассейне среднего Рейна, продолжали существовать включения относительно темных, узколицых мезокефалов атланто-средиземноморского круга, проникавших вдоль речных и морских берегов на север, начиная с неолита, и достигших наибольшего распространения в римское время. Наконец, на южных границах Баварии, у рубежей Австрии и Тироля, сконцентрировались темные брахикефалы динарского типа, по своему происхождению связанные с юго-восточной Европой.

Такова в самых общих чертах история того сложного антропологического конгломерата, каким является современная немецкая нация, как и всякая другая нация,— «не расовая и не племенная, а исторически сложившаяся... общность людей» (Сталин).

Г. Ф. ДЕБЕЦ

К АНТРОПОЛОГИИ ЧУКЧЕЙ

(*Предварительное сообщение*)

В мировой антропологической литературе основой для суждения о расовом типе чукчей является сжатая, но яркая характеристика их, данная известным исследователем этнографии и языка этого народа В. Г. Богоразом. Эта характеристика давала полное право (в том числе и автору настоящего сообщения) причислять расовый тип чукчей к ряду тех форм, которые обычно именуются «американоидными».

В апреле 1945 г. по поручению и на средства Института этнографии Академии Наук СССР я собрал данные об основных расовых признаках у 80 взрослых мужчин чукчей-оленеводов, кочующих между р. Малый Анюй и морским побережьем. Одновременно в том же районе исследовано 26 ламутов. Полученные данные во многом резко расходятся с характеристикой Богораза.

Специфичной для чукчей формой носа является вовсе не «орлиная», как утверждал Богораз, а прямо противоположная. Вогнутая форма профиля отмечена у одной трети исследованных, причем вогнутость проявляется часто не только в хрящевой, но и в костной части спинки. Выпуклая форма встречена всего у 6 человек, причем только у двух в ясно выраженной степени. Кроме того, у 10 человек отмечена слегка волнистая форма профиля. Однако эти последние формы для чукчей не характерны: у ламутов, например, частота их примерно такая же, в то время как вогнутые формы встречаются у них вчетверо реже. Кончик и основание носа расположены обычно горизонтально или приподняты кверху, опущенные формы крайне редки. Весьма характерно для чукчей поперечное расположение осей ноздрей, отмеченное у них почти в половине случаев — вдвое чаще, чем у ламутов. Крылья носа резко очерчены — сильная степень выраженности крыльевых борозд отмечена почти у половины исследованных чукчей, в то время как среди ламутов всего у одной пятой. Соотношение частот слабой степени выраженности крыльевой борозды обратное. Ширина носа большая (38.8 мм). Общее выступание носа у чукчей слабое, но все-таки несколько больше, чем у ламутов.

Эпикантус в возрасте до 40 лет отнюдь не отсутствует, как писал Богораз, а встречается в ясно выраженной форме у трех четвертей исследованных, почти столь же часто, как у ламутов. Только у пожилых людей частота эпикантуса резко снижается.

Весьма характерны для чукчей толстые губы. Высота краев слизистой оболочки обеих губ в возрасте до 40 лет составляет в среднем

19 мм (у ламутов 15 мм). По этому признаку чукчи занимают, повидимому, крайнее место среди народов СССР.

Все эти особенности отличают чукчей от ламутов совсем не в направлении приближения их к американским (по крайней мере североамериканским) формам. Ближайшие морфологические параллели следует искать в центральной, а в особенности в юго-восточной Азии. Это впечатление усиливается тем, что морфологическая высота лица, измеренная от нижнего края бровей, у чукчей невелика (128.6 мм) — не больше, чем у русских, и гораздо меньше, чем у ламутов (136.4 мм).

Отмеченное Богоразом сравнительно сильное (по азиатскому масштабу) развитие бороды также не находит подтверждения в собранных материалах. В возрасте старше 25 лет борода в девяти случаях из десяти совсем отсутствует или ограничивается редкими волосками на подбородке. Однако брови действительно довольно густые — в 15 процентах случаев они даже слегка срастаются (у ламутов такая форма не отмечена ни разу).

Кожа на закрытых местах значительно светлее, чем принято думать. Только в половине случаев она оказалась смугловатой (№ 10 и выше по шкале Лушана, но не темнее № 14). Впрочем, по сравнению с ламутами, среди которых № 10—14 отмечены всего у трех человек, чукчи все же значительно более темнокожи. Особенно резко заметно различие в пигментации кожи на лбу: у чукчей она почти всегда темнее № 16 и доходит до № 25. Однако это в значительной мере объясняется тем, что чукчи по своему образу жизни и привычкам гораздо больше подвергаются действию солнца, чем ламуты. Но дело не сводится целиком к этому фактору, так как волосы и особенно глаза у чукчей также темнее, чем у ламутов: чисто карие оттенки глаз встречены у первых более чем в 90%, у вторых же всего в 50% наблюдений.

Волнистые волосы, о которых писал Богораз, редки. Всего в шести процентах наблюдений отмечена легкая волнистость, но и это совсем не специфично для чукчей по сравнению с ламутами и другими народами Сибири. Более ясны различия в толщине волос: у чукчей они более жесткие, чем у ламутов.

Исследование антропологических особенностей чукчей будет продолжено в течение 1945 г. в других районах полуострова. Однако уже и теперь ясно, что существующие представления о расовых особенностях этого народа должны быть в корне изменены. «Американоидные» черты строения лица среди них действительно встречаются, но не чаще, чем среди ламутов, и, судя по предварительному впечатлению, основанному пока на незначительном числе наблюдений, гораздо реже, чем среди якутов.

Пос. Анадырь, 1 мая 1945 г.

М. Г. ЛЕВИН

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ТИПЫ АМУРА И ОХОТСКОГО ПОБЕРЕЖЬЯ[1]

I

Бассейн Амура и Охотское побережье — области, крайне слабо изученные в антропологическом отношении. Настоящее исследование представляет собой опыт выделения основных антропологических типов, слагающих расовый состав современного населения этих областей, и основано на материалах различных собирателей, обработанных автором. Сюда относятся материалы по орочам, орокам и гилякам, собранные А. Н. Покровским, материалы А. М. Золотарева по гольдам, ульчам, негидальцам и гилякам и материалы по Охотскому побережью, собранные при участии автора. Исследования на Охотском побережье охватили несколько этнических групп: группу ламутов Ольского района, именуемых орочелами (по самоназванию «орочел», распространенному среди ламутов северной части Охотского побережья), группу ламутов Охотского района, именуемых эвенами, и группу кочевых эвенков Аяно-Майского района. Кроме того, была обследована небольшая группа оседлых жителей сел. Армань Ольского района, представляющая собой, повидимому, реликт древнего населения, известного на Охотском побережье по историческим источникам, как «пешие тунгусы».

Последовательный расовый анализ отдельных этнических групп предполагает установление в каждой группе слагающих ее расовых компонентов, определение удельного веса в ней каждого из компонентов, выяснение конкретной истории сложения на их основе современного антропологического типа группы.

В нашем материале, относящемся к весьма малочисленным этническим группам, где необходимо особо учитывать значение стохастических процессов, влияние случайного подбора и распределения отдельных морфологических признаков, особое значение приобретает комплексный метод исследования: сочетание различных приемов внутри и межгруппового анализа антропологических материалов с анализом этнографических и исторических данных.

[1] Автореферат доклада на заседании сектора антропологии Института этнографии АН СССР, прочитанного в ноябре 1944 г.

II

Население Амура обнаруживает в антропологическом отношении весьма пеструю картину. Сложные межплеменные и межродовые отношения при практиковавшейся экзогамии, длительные связи Амура с югом, наконец, в недавнее время примесь русского и китайского населения — все это не могло не привести к сложным расовым переплетениям.

Схематически можно наметить в составе аборигенного населения Амура и Приморья наличие следующих расовых типов:

1-й тип характеризуется плоским, длинным и сравнительно узким лицом, умеренной долихокефалией при средней длине и небольшой ширине мозгового черепа, слабо наклонным лбом, длинным и нешироким, выраженно лепторинным носом с низким переносьем, типично монголоидным строением глазной области и очень слабым развитием третичного волосяного покрова. Этот тип наиболее выраженно выступает среди гольдов и может быть условно назван амурским. Амурский тип по всем основным расовым признакам близок к северокитайскому типу и, повидимому, с ним генетически связан.

2-й тип характеризуется, как и первый, выраженными монголоидными признаками, плоским, высоким, но, в отличие от первого типа, широким лицом, дающим значительно более низкий лицевой указатель, брахикефалией при умеренно коротком и сравнительно широком черепе, также прямым лбом, незначительным процентом выпуклых спинок носа и типично монголоидным строением глазной области и слабым развитием третичного волосяного покрова. Этот тип наиболее выраженно представлен у сахалинских ороков, в значительной степени у негидальцев. Морфологически он близок к центральноазиатскому и может рассматриваться как его дальневосточный вариант.

3-й тип по большинству метрических признаков близок ко второму. Для него также характерно высокое, плоское и широкое лицо, брахикефалия, прямой лоб; но наряду с этим он обнаруживает и ряд существенных отличий как от 2-го, так и от 1-го типа. Сюда относятся такие признаки, как значительно более высокий процент выпуклых спинок носа, несколько более короткий и широкий нос, значительное понижение процента эпикантуса и несколько большее, повидимому, развитие третичного волосяного покрова. Этот тип представлен, по нашим материалам, наиболее выраженно у орочей и может быть условно обозначен как приморский.

Для 4-го типа характерно значительное усиление третичного волосяного покрова. Этот признак резко отличает его от остальных и сближает с айнами. В остальных признаках этот тип обнаруживает выраженные монголоидные черты. Лицо высокое, плоское и широкое, лоб прямой, процент эпикантуса и складки верхнего века высокий. Этот тип распространен среди гиляков и может быть назван условно сахалинским. Он представлен в двух вариантах: долихокефальном, распространенном у нижнеамурских гиляков, и выраженно брахикефальном — у сахалинских гиляков.

Можно предполагать наличие еще 5-го типа — палеосибирского, в наиболее характерном виде описанного среди тунгусов Северного Прибайкалья. Этот тип вошел, повидимому, в наибольшем количестве в состав ульчей.

III

В населении Охотского побережья выделяются два антропологических типа — один очень близок по всем основным признакам к палеосибирскому типу, характерному для тунгусов северного Прибайкалья, другой характеризуется сочетанием таких признаков, как ослабление эпикантуса, повышение переносья, увеличение процента выпуклых спинок носа и темной пигментацией, слабой горизонтальной профилировкой, высоким и широким лицом и слабым развитием третичного волосяного покрова.

Первый тип наиболее отчетливо выражен среди ламутов, особенно в северной группе орочел; второй тип выражен у эвенков Аяно-Майского района и в смешанном виде среди оседлого населения селения Армань. Эвены Охотского района занимают промежуточное положение, и их антропологический тип является, повидимому, результатом длительной метисации носителей первого и второго типов.

Когда мы встречаемся с комплексом ослабленных монголоидных признаков на территории Северной Азии — в зоне древнего и позднейшего проникновения европеоидных элементов, вполне естественно предположение о метисном происхождении указанного комплекса. По отношению к территории Охотского побережья мы должны в первую очередь учитывать контакт аборигенного населения с русскими в течение почти трех столетий.

Однако сочетание признаков, характерных для эвенков, не укладывается в те эмпирические схемы, которые получены на изучении различных заведомо метисных популяций. Наряду с ослаблением монголоидных особенностей глазной области, повышением переносья и некоторым укорочением лица по сравнению с ламутами эвенки не обнаруживают отклонений в горизонтальной профилировке, в ширине лица, в пигментации,— т. е. в таких признаках, в которых мы вправе были бы ожидать проявления примеси европеоидных компонентов.

Характерное для эвенков сочетание морфологических признаков не стоит изолированно на территории Северной Азии и обнаруживает тот своеобразный комплекс, который известен в антропологической литературе под обобщенным названием «американоидные формы».

Целый ряд признаков сближает антропологический тип эвенков с антропологическим типом орочей, с одной стороны, с типом чукчей и коряков — с другой, и позволяет выделить «американоидные» формы на Тихоокеанском побережье Сибири как самостоятельный локальный вариант в пределах большой монгольской расы; мы обозначаем его как охотско-приморский расовый тип.

Морфологические особенности охотско-приморского типа, не обнаруживаемые по общему сочетанию признаков метисного характера, отсутствие палеоантропологических данных о сколько-нибудь значительной древней примеси европеоидов в Восточной Азии, географический ареал распространения этого типа, смыкающийся, с одной стороны, с Северной Америкой, с другой стороны, сближающийся с зоной распространения «южных американоидов» в юго-восточной Азии,— все это позволяет рассматривать охотско-приморский тип как реликт той стадии в развитии большой монголоидной расы, когда не все признаки, характеризующие архиморфных монголоидов, были еще полностью выражены.

Наряду с отмеченными признаками, американоидные формы восточной Азии характеризуются по сравнению с архиморфными монголоидами меньшей концентрацией группы крови В и меньшей концентрацией круговых узоров на пальцах рук (Рогинский) и могут рассматриваться как различные варианты древнего пласта по побережью Тихого океана, откуда шло распространение на север и далее на американский материк носителей американоидного расового типа.

Распространение из глубины азиатского материка носителей выраженного архиморфного монголоидного типа перекрыло древний «американоидный» пласт, отдельные признаки которого выступают среди разрозненных ныне американоидных форм Тихоокеанского побережья, в том числе и в нашем охотско-приморском типе.

Отношение охотско-приморского типа к «американоидным» формам более западных районов Сибири при современном уровне наших знаний не может быть решено; представляется вероятным его распространение за пределы Охотского побережья на запад и наличие его среди южных тунгусов и якутов, а также далее к западу, что не исключает ни в коем случае иного — метисного — происхождения ряда «американоидных» форм за пределами охотско-приморского типа.

М. Г. РАБИНОВИЧ

МОСКОВСКИЕ ГОНЧАРЫ В XVI—XVIII ВВ.

(Археологические материалы)

Высокий холм в устье Яузы является одним из самых интересных в археологическом отношении мест в Москве. На вершине его находилось, по некоторым данным, одно из древнейших московских городищ. Позднее мыс городища и правый берег Яузы служили пристанью для многочисленных судов, двигавшихся по Яузе и Москва-реке.

В XVI—XVIII вв. Таганский холм и его подножье были местами поселения ремесленников — котельников, кузнецов, гончаров. Последние поселились здесь слободой, хорошо известной по письменным источникам.

В 1940 г. развернувшиеся у подножья холма большие строительные работы привлекли внимание научного мира. Институты истории и истории материальной культуры АН СССР (по инициативе покойного П. Н. Миллера) поставили здесь археологические наблюдения, вести которые посчастливилось автору настоящего сообщения.

В результате наблюдения за земляными работами на строительстве удалось обнаружить культурный слой, связанный с Гончарной слободой, и собрать значительные коллекции, характеризующие производство московских гончаров в XVI—XVIII вв.[1]. У подошвы холма, поближе к воде и к обнажениям глины, гончары ставили свои мастерские и горны, а самый поселок располагался, повидимому, на вершине холма. Об этом говорит обилие находок внизу, у берега Москва-реки, большого количества брака производства, недоделанных гончарных изделий и даже инструмента гончаров.

Чаще всего мы находили фрагменты так называемой серебристо-лощеной посуды — глиняных кувшинов, кубышек, изящных сосудов с высокой шейкой и длинным носком, напоминающих кумганы, мисок и рукомойников из тщательно отмученной белой глины. Поверхность этих сосудов вылащивалась галькой, костью или рогом, что сообщало ей характерный серебристый блеск, а затем «морилась» путем сжигания в горне при обжиге смолистых веществ, благодаря чему посуда становилась черной. Эта своеобразная имитация металла в глине, известная с глубокой древности, вошла в особую моду у средних слоев населения Москвы в XVII в., когда более богатые люди любили сервировать свой стол дорогой металлической посудой, и просуществовала до

[1] Коллекции хранятся в Государственном историческом музее.

XIX в. Поверхность сосудов лощилась целиком или же вылащивался только орнамент — штрихи, клетки, замысловатые петли, красиво выделявшиеся своим блеском на черной матовой поверхности сосуда.

Из упомянутых нами форм лощеных сосудов, производившихся московскими гончарами, особенно интересны рукомойники, делавшиеся обычно в виде животного — лошади или барана с удлиненным «туло-

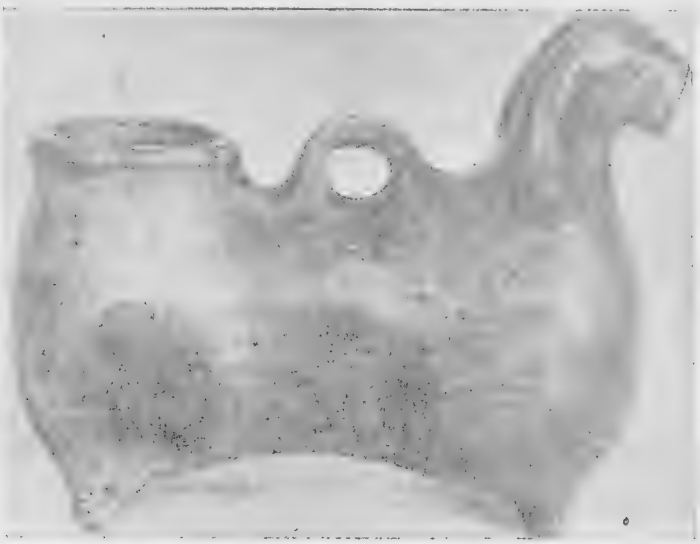


Рис. 1. Глиняный рукомойник в виде барана.
Характерный блеск придан сосуду при помощи лощения

вом», имеющим в сечении скрипичную форму, с высокой шейкой, оканчивавшейся схематизированной головой животного с отверстием для выливания воды в морде. Среди наших находок наиболее распространены рукомойники в виде баранов — сюжет, по всей вероятности, излюбленный как в старой Москве, так и вообще на Руси. Воспоминание о таких рукомойниках сохранилось в пословице, до недавнего времени бытовавшей в Тульской области: «Встану рано, пойду к барану, к большому носу, к глиняной голове». Другая пословица, гораздо более распространенная: «Повадился кувшин по воду ходить, тут ему и голову сложить» — также нашла в наших находках любопытную интерпретацию. В старых колодцах Москвы и ранее неоднократно находили глиняные кувшины [1]. Нами найден небольшой лощеный кувшин, который употреблялся для доставания воды из колодца и был искусно оплетен берестой, чтобы не разбился о стенки сруба.

Одна из наиболее распространенных находок и, пожалуй, самая интересная — печные и архитектурные изразцы. Среди нескольких сот найденных нами изразцов и их фрагментов богато представлены все их виды, выделывавшиеся в Москве в XVI—XIX вв. Здесь и наиболее

[1] А. В. Арциховский. Находки в колодцах на Моховой. Сборн. «По трассе первой очереди Московского метрополитена», М., 1936, стр. 134—135.

древние, неполивные, рельефные «красные» изразцы, и поливные зеленые «муравленные» (середина XVII в.), и полихромные рельефные (конец XVII в.), и расписные изразцы XVIII в., и скромные белые кафели с синей каймой (XIX в.). Из них наиболее интересен зеленый муравленный изразец с надписью «воі» и изображением стрельца с бердышем. Такое изображение встречено впервые. Не менее интересен найденный нами глиняный штамп для изготовления рельефных изразцов. Находка этого штампа, из обожженной глины с изображением розетки, показывает, что московские гончары оттискивали изразцы не только в деревянных формах, как думали ранее [1].

Рис 2. Глиняный кувшин, оплетенный берестой (XVII в.)

Немаловажную статью в продукции московской Гончарной слободы составляли, как видно, глиняные игрушки. Все они (за исключением посуды) леплены от руки. Детали обработаны заостренной палочкой, швы тщательно заглажены. Большинство игрушек пустотелы, слеплены из глиняных лепешек; поверхность игрушки после обжига большей частью покрывалась белым ангобом, иногда расписывалась коричневой краской, покрывалась поливой или лощилась. Среди 47 найденных нами игрушек, их полуфабрикатов и фрагментов есть фигурки людей (мужчины без шапок, в длинных рубахах и в штанах, заправленных в сапоги с загнутыми кверху носками, женщина в высоком головном уборе), свистульки в виде птичек, фигурки лошадей и всадников, барана и медведя. Много игрушечной посуды — маленькие кувшины, кумганы, кубышки, сделанные на гончарном кругу и в точности подражающие современным им большим сосудам, как маленькое игрушечное хозяйство детей всегда подражает хозяйству взрослых. Наиболее оригинальной и интересной, специфически московской формой игрушки являются фигурки ручного медведя. Медведь в наморднике, с немного поднятой головой стоит на всех четырех лапах, широко и прочно расставленных. Во всей фигуре чувствуются сила и добродушие, всегда придаваемые медведю игрушечниками. Распространенность фигурок медведя в Москве в XVII в. объясняется тем, что ручные медведи были в то время излюбленной потехой всех москвичей, от царя до уличного мальчишки. Исследование найденных игрушек приводит нас к заключению, что ри-

[1] А. В. Филиппов. Древнерусские изразцы, т. I, М., 1938 г.

Рис. 3. Древнейшие русские изразцы (так наз. «красные»).
В правом нижнем углу — штамп для изготовления изразцов

Рис. 4. Фрагмент «красного» изразца с изображением осады крепости.
В нижней части видны пушка, пушкарь и стрелок из лука

туальное значение игрушки в описываемый период уже не было первостепенным.

В XVIII в. московские гончары начинают в большом количестве выделывать глиняные курительные трубки, синие поливные аптечные

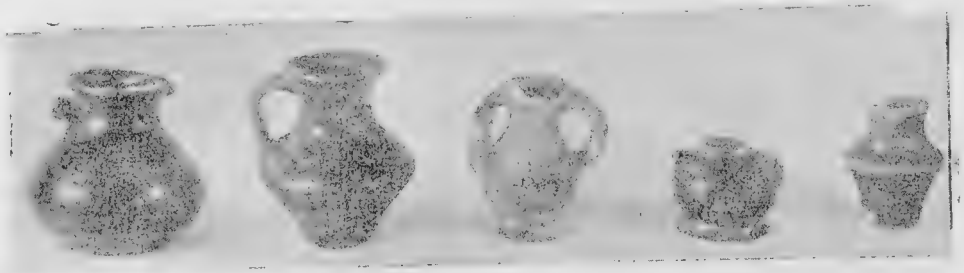


Рис. 5. Игрушечная посуда; самый большой из этих сосудов высотой всего 8 см.

банки, подсвечники, чернильницы и другие предметы обихода, проникающие в быт москвичей в связи с нововведениями Петра Великого. На этих предметах имеются весьма любопытные клейма мастеров, изучение которых может стать темой специальной работы.

Рис. 6. Глиняная игрушка из московской Гончарной слободы (XVII в.), изображающая ручного медведя в намордник

Анализ собранных нами коллекций показывает изменения ассортимента изделий московских гончаров в связи с изменениями в быту средних слоев населения Москвы, являвшихся основными потребителями их продукции.

В. И. ЧИЧЕРОВ

ЭПИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ КЕНОЗЕРА И ШКОЛА СИВЦЕВА-ПОРОМСКОГО[1]

Былинный репертуар Кенозера менее богат, чем Прионежья, и отличается от него по своему характеру. На Кенозере преобладает социальная новеллистическая былина; героические былины, бытующие на Кенозере, подчиняются общей бытовой традиции места.

Традиция Кенозера менее древняя, чем в Заонежье. В XVIII в. на Кенозере былины могли быть известны, но свидетельства об этом отсутствуют. Народная память не сохранила имен знаменитых сказителей XVIII в., как это имеет место в Кижах и других местах Онежского озера. С подобными воспоминаниями, но уже о сказителях 70-х годов XIX в., собиратели встретились только во время экспедиции 1927 г. «По следам Рыбникова и Гильфердинга», организованной ГАХН.

В 70-х годах XIX в. кенозерский областной тип былин нельзя было индивидуализировать, делить на школы сказителей. Обнаруженные Рыбниковым и Гильфердингом мастера эпоса, однако, давали превосходные тексты былин. Среди сказителей выделялся Сивцев-Поромский. Его традиция не местного происхождения; она идет с р. Онеги, где была заимствована в последних годах XVIII или в начале XIX в.

Павел Семенович Сивцев, по прозвищу Поромский,— родоначальник указанной традиции, передал ее сыну, односельчанам и землякам, от которых производил записи А. Ф. Гильфердинг; см. некоторые тексты П. А. Воинова и былины, записанные от Ив. П. Сивцева, Ир. Ден. Калитиной, А. Д. Костина, Н. И. Кукшинова. Эти последние, в свою очередь, передали традицию своим детям, образовав «школу» Сивцева-Поромского (см. в архиве Государственного литературного музея неопубликованные тексты, записанные от внуков Сивцева (Поромское), А. Т. Артемьевой (Першлахта) Луки Артемьева (Телицино), И. П. Худякова (Рыжково), И. М. Калитина (Суетин-остров на Свином озере), А. Г. Калитина (мыза у Суетин-острова).

Редакции былин Поромского не исчерпывают традиции Кенозера; но интерпретация онежских изводов, принесенных П. С. Сивцевым-Поромским, существенно влияет на общее состояние кенозерского эпического творчества.

Тексты былин в записях 70-х годов XIX в. дают значительное варьирование, отражающее поиски типа былины в пределах формирующейся школы.

[1] Автореферат доклада, сделанного на заседании фольклорной комиссии Института этнографии АН СССР в январе 1944 г.

Варьирование исчезает к 20-м годам XX в., когда собиратели на Кенозере встречают отработанные, точно повторяемые типовые тексты. Это наблюдение позволяет утверждать, что между 70-ми годами XIX в. и 20-ми годами XX в. процесс творческих поисков извода школы был закончен и текст стал жить в застывшей форме среди исполнителей (а не меняющих образы и текст «реконструкторов» эпической традиции).

Наряду с изводами Поромских существовали другие изводы (см. былины Х. Кукшинова и А. Гусева), истоки которых неясны (ср. их указания: «Поняты от сторонних людей...»); среди сказителей Кенозера были импровизаторы (см. творчество Лядкова-Кропачева), слагающие свои произведения. И эти другие изводы и творчество импровизаторов-сказителей Кенозера были почти полностью утеряны в XX в. Однако для второй половины XIX в. будет справедливым утверждение существования на Кенозере разных изводов, среди которых традиция Поромских — самая значительная. Время появления ее — 70-е годы XIX в.; об этом свидетельствует наличие в 70-х годах вариантов близких, но не тождественных с текстами И. П. Сивцева-Поромского, а в XX в.— существование пересказов, буквально их повторяющих.

Традиция Поромских по своему характеру образов, по схемам сюжетов типична для былевого эпоса Кенозера. Индивидуальный талант Сивцевых подчеркнул и выделил типические общие черты.

На Кенозере культивировалась социально-бытовая новелла в форме былины. Ее отличительные черты — внимание к повседневной жизни людей различных слоев. Былины рисуют жизнь города, взаимоотношения слоев общества, нравы и обычаи. Внимание к вопросам общественной жизни приводит к сохранению скоморошьих сатирических былин («Старина о большом быке», «Гость Терентьище», «Птицы»). Княжеский город изображен как город беззакония. Во главе его — князь, изображаемый средствами сатиры. Князь — трус, правитель, за взятку готовый простить преступление (ср. «Молодость Чурилы»), бессильный и самовлюбленный глава княжества.

Миру князя-купцов-бояр противостоит мир богатырей с Ильей Муромцем во главе. Илья объединяет богатырей, поддерживает их, направляет их действия (что подчеркнуто даже в отношении заезжих богатырей — см. «Дюк Степанович»).

Образ Ильи бытовизирован. Илья показан не столько в героике подвигов, сколько в быту. Он, герой повседневной жизни, дан во взаимоотношениях с другими персонажами былины путем показа социального конфликта, возникающего в быту (см. популярную на Кенозере былину об Илье и голях и др.). Смелость, независимость Ильи сочетаются в нем с порывами буйства. Кенозерский Илья Муромец лишен спокойной уравновешенности поступков.

Добрыня, менее сильный, чем Илья (ср. например, кенозерский вариант былины «Илья и сын»), несмотря на некоторую легкомысленность и склонность к необдуманности поступков (ср. «Добрыню и Марину»), привлекает внимание и симпатии чистотой помыслов, отвагой и большой лиричностью образа. Он младший брат Ильи, того Ильи Муромца, который заботится о всех. Другие богатыри, менее любимые на Кенозере, чем Илья и Добрыня, также находятся под эгидой Ильи в стане справедливости, противопоставленном княжескому городу беззакония.

Указанные особенности кенозерской группы былин определяют характер былин крупнейших и второстепенных сказителей Кенозера прошлого века. С ослаблением эпической традиции на Кенозере в 20-х годах XIX в. былевая поэзия там сохранилась в двух формах: в виде застывшей традиции, воспринятой учениками мастеров эпоса 60—70-х годов XIX в., и как изменяемое эпическое наследие, сближающееся с лиро-эпическими произведениями. Хранители кенозерской традиции, воспринявшие изводы Поромского, Калитиной, Гусева и др., воспроизводят их с точностью, допускаемой их памятью. Они — исполнители традиционных произведений (ср. Калитин, Поромские, Лоскутов, Худяков, Ножкина и др., чьи былины не только сюжетно, но и текстуально совпадают с былинами сборников Рыбникова и Гильфердинга). Сказители же, творчески воспринимающие традицию (например, А. Т. Артемьева), не восстанавливают эпической отстраненности повествования, а, внося лирический личный элемент переживаний, создают лироэпические произведения.

Содержание этих произведений раскрывает моменты наибольшей драматической напряженности в жизни человека. При этом нередко былины о жизни человека и общества, о существовавших социальных противоречиях, характерные для Кенозера, повествуют уже не о повседневности, не о типических рядовых явлениях, а об исключительности чувств, переживаний, эмоций. Социально-бытовая новелла, культивировавшаяся в 70-х годах XIX в. на Кенозере, в XX в. уступает место балладе о безыменных героях и драматических ситуациях их жизни.

Указанный процесс говорит нам об эволюции эпоса в результате изменений, происходивших в кенозерской деревне первой четверти XX в

В. Ю. КРУПЯНСКАЯ

ФРОНТОВАЯ ПЕСНЯ

Роль песни на фронте была огромна. Основными ее носителями являлась молодежь, примерно в возрасте 18—25 лет. Главными проводниками песни в условиях фронта были: армейская художественная самодеятельность, агитбригады, отчасти фронтовая печать и особенно, как и всегда в фольклоре,— живая устная передача от одного к другому.

Многоразличны источники, питавшие песенный репертуар фронтовиков. Одно из главных мест в нем занимала советская массовая песня. Значительное распространение получила на фронте и современная военная песня советских поэтов и композиторов. Многие песни Исаковского, Лебедева-Кумача, Суркова, Симонова, Френкеля и др. получили всеобщую известность. В значительной своей части они бытовали как безыменные. Одни авторские песни отличались значительной устойчивостью текста (таковы особенно песни Исаковского), другие (и таких большинство), оседая в народных массах, начинали жить своей собственной жизнью, подвергаясь зачастую весьма существенным изменениям. Общей, можно сказать, подавляющей тенденцией было стремление к их переработке. В основном это вызывалось потребностью поющих приблизить содержание песни к обстоятельствам своей жизни, к своим условиям быта, профессии и т. д. Та же тенденция проявилась и в отношении старых песен, заимствованных из репертуара предшествующих войн.

Изменения в них идут по той же линии, вытекают из той же потребности актуализировать старую песню, приблизить ее содержание к новым обстоятельствам, событиям и лицам. Отсюда изменения как локального, так и временного характера: замена имен и географических названий, опущение устаревших бытовых и социальных подробностей, зачастую обобщение связанного с определенной средой и эпохой образа.

Переработки авторских песен вызывались зачастую и более глубокими внутренними причинами, общей неудовлетворенностью песней, ее схематизмом, сухостью. В таких случаях песня подвергалась коренным изменениям. Такова судьба многих авторских песен первого периода войны (например, песня Ромма «Смерть врагам страны советской» и др.).

Ряд массовых песен, пользовавшихся до войны громадной популярностью, во время войны армией почти не пелись, но они послужили источником для самостоятельного творчества фронтовиков и легли в

основу большого количества переделок, подражаний, самостоятельных по теме и сюжету вариаций, в частности, пародий; например, песни Исаковского «Катюша», «И кто его знает», «Конармейская» Суркова, «По долинам и по взгорьям» Алымова и др.

К этому же типу относятся переделки массовых песен из кинофильмов и ряд безыменных народных типа «Кочегар», «Варяг» и др. От подлинника в таких случаях оставалась общая схема (его ритмико-синтаксический, поддерживаемый мелодией строй, иногда отдельные начальные или наиболее характерные строки).

Так, например, в бесчисленных песнях на мотив «Кочегара» неизменным (или в легкой вариации) оставался лишь первый стих да общий ритмический строй, а затем тексты варьируются на все лады в соответствии с военной профессией поющих, с общей военной обстановкой и т. д.

В этих переработках популярных песенных текстов в основном и выражалось массовое красноармейское творчество. Наряду с этим в фронтовой среде наблюдалась и усиленная тяга к самостоятельному творчеству, которое проявилось прежде всего в героическом жанре, в попытке создания строевых песен, маршей, песен своих боевых подразделений. С формальной стороны песни эти также находятся под сильнейшим воздействием литературных образцов. В подавляющем большинстве они построены по схеме советской массовой песни; этим в значительной мере объясняется однообразие их художественной формы.

Героические песни, созданные на фронте, это песни сюжетные; они всегда конкретны, просты и искренни — о боевом соратнике-друге (его подвиге или гибели), песни о событиях (их обычная тема — боевой путь своей части, оборона родного города и т. д.). Лирический мотив вплетается в боевое содержание песни и придает ей ту задушевность, которая так ценится бойцами. В своей изобразительной манере эти песни всегда реалистичны: в них соблюдается обычно точность географической номенклатуры, вводится временной признак; в этом отношении они продолжают старую традицию солдатской песни. В них чрезвычайно силен элемент патетики; содержанием этих песен являются не столько самые события, сколько выражение тех чувств, которые ими вызваны.

Огромна была на фронте тяга к лирике. Творчество поэтов не давало достаточного ответа на этот здоровый спрос, и в самой красноармейской среде появились свои непритязательные песни романсного типа, из которых многие получили общефронтовое распространение: «Синий платочек», «Парень молодой» и др. Основная тема фронтовой лирики, можно сказать, ее лейтмотив — это тема любви и верности.

Чрезвычайно типичны элегические послания — к матери, невесте, жене, другу, одинаково распространенные как в форме стихов, так и в песенном жанре. Подобные произведения были очень популярны, охотно переписывались, читались, «ходили по рукам». О них можно говорить как о вполне сложившемся и очень активном фольклорном жанре.

Не менее характерна и огромная тяга к народной лирической песне, особенно к тем из них, в которых силен местный колорит или ярко выражен национальный момент. Например: «То не ветер ветку клонит», «Ой, крыница ты моя, крыница», «Калинушка», «Закувала та сиза зозуля» и др.

В большом ходу на фронте был и сатирический жанр, в частности сатирическая песня. Круг ее тем разнообразен. В основном это сатира на врага.

Основным изобразительным приемом песен-сатир является использование ими в сатирических целях популярной формы любовного романса. Таковы варианты «Синего платочка», переработка песни Исаковского «И кто его знает» и др.

Таковы общий характер, тематика и основные элементы поэтики фронтовой песни. При известной элементарности художественно-поэтических средств она заслуживает внимания уже тем, что является достоянием масс, следовательно отвечает их запросам. Для будущих же поколений материал этот, несущий в себе всю свежесть и непосредственность первоисточника, явится живой летописью Великой Отечественной войны, одним из ярчайших и правдивейших документов эпохи.

Н. В. КЮНЕР

КОРЕЙСКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ И МАНЧЖУРСКИЕ АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ В АЛМА-АТА КАК ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ[1]

Изучение Кореи и Манчжурии, в частности изучение национальных культур, языка и литературы корейского народа самой Кореи и манчжурского и иных народов Манчжурии, имеет актуальный характер как в научном, так и в практическом отношении.

При этих условиях вполне своевременным является отметить наличие в Алма-Ата, столице Казахской ССР, значительных собраний материалов — книг и документов, корейских и манчжурских, которые можно было бы использовать в первую очередь для вышеозначенной цели. Речь идет о корейских литературных памятниках Государственной публичной библиотеки имени А. С. Пушкина и манчжурских документах Центрального исторического архива Казахской ССР. Оставляя на будущее всестороннюю оценку этих материалов, я считаю пока достаточным рассмотрение данных материалов с точки зрения представляемого ими интереса в качестве этнографических источников.

Корейские литературные памятники состоят из большого количества корейских книг издания XIX и первого десятилетия XX в., ранее находившихся в Корейской библиотеке бывшего Восточного института и Восточного факультета Государственного Дальневосточного университета во Владивостоке. В свое время эта корейская библиотека являлась крупнейшей в нашей стране, причем при составлении ее особое внимание было обращено на подбор лучших произведений корейской национальной литературы, т. е. не просто корейских переводов с китайского или корейских перепечаток китайских сочинений, но именно оригинальных корейских произведений, хотя бы написанных на китайском языке сплошным текстом (корейцы пользуются китайской иероглифической письменностью), а также произведений корейской народной литературы; к этому фонду добавлялись в то время учебники по изучению корейского языка и современных наук в Корее. К сожалению, эта библиотека, находящаяся теперь в Алма-Ата, сильно разрозненна, что затрудняет пользование ею.

Важнейшим сочинением в составе данной библиотеки является знаменитая корейская энциклопедия Муньхоньбиго 1770 г.— один из крупнейших памятников корейской литературы. В первом издании она на-

[1] Автореферат доклада, сделанного в Институте этнографии АН СССР 19 января 1945 г. в Ленинграде.

считывала 40 томов, разбитых на 100 частей (глав или книг). Это первое издание, напечатанное подвижным шрифтом, считается исключительно редким в самой Корее, а за пределами ее в 90-х годах XIX в. имелось только два экземпляра названного издания. В Алмаатинской корейской библиотеке имеется не первое издание, а новейшее, начала XX в., значительно расширенное и дополненное и состоящее уже из 45—46 томов и свыше 220 частей (глав или книг). Это издание включает и новые отделы, которых в первом издании было 13, а теперь 14. Корейская энциклопедия составлена по образцу известной китайской энциклопедии Ма Дуаньлиня XIV в., постоянно цитируемой иностранными историками и этнографами, так называемой Вэньсянь-тункао. Самое заглавие корейской энциклопедии, в китайском произношении Вэнь-сань-бэйкао, указывает на прямую связь между обеими энциклопедиями в смысле формы и метода изложения.

Простой перечень содержаний 14 отделов корейской энциклопедии позволяет судить о разностороннем характере ее тематики: 1) астрономия, 2) география, 3) императорская фамилия, 4) церемонии, 5) музыка, 6) армия, 7) юстиция, 8) земля и налоги, 9) государственные ресурсы, 10) население, 11) торговля и пр., 12) выбор чиновников, 13) просвещение, 14) государственные должности. По существу в энциклопедии представлены в хронологическом порядке выдержек из подлинных текстов все стороны корейской культуры феодального периода, так что она может служить незаменимым источником для самого широкого и углубленного изучения этой культуры. В свое время эта энциклопедия, как образец и подлинный памятник корейских литературных изысканий, сыграла огромную роль в самой Корее.

Для этнографа ряд отделов энциклопедии дает неоценимый фактический материал, охватывающий весь ход развития важнейших явлений быта и социальных установлений, равно как религиозных верований и обрядовых форм на протяжении корейской истории, а в некоторых случаях заходящий и в доисторию. Этот материал может быть использован для разработки отдельных тем, мало известных еще или вовсе не затронутых, как, например: запретные имена (знаки или слова), жертвоприношения в храме предков, обряды посмертного культа (в частности, устройство посмертных покоев для усопших членов корейских королевских фамилий и заслуженных чиновников и пр.). Важность этого материала с научной точки зрения и неотложность его разработки в современных условиях как в виде буквального перевода, так и отдельных тематических монографий, заставляют поставить на очередь выполнение перевода соответствующих частей текста или крупных выдержек из него как фактической основы для дальнейших исследований.

Манчжурские архивные документы обнаруживаются в большом числе в архивных делах 70-х и позднейших годов, особенно, периода русской военной оккупации так называемого Илийского края (Кульджинского района) на китайской территории с 1871 по 1882 гг.

Эти документы бывают двух родов: в виде манчжурских переводов с китайского текста документов, обязательных в период существования манчжурской династии в Китае (до 1912 г.) во внутреннем делопроизводстве и для внешних сношений и в виде самостоятельных документов без китайского оригинала. По содержанию они распадаются на две главные категории: а) документы официальной (правительственной или

дипломатической) переписки и б) бытовые документы о сношениях туземного населения Илийского края с русской администрацией в период оккупации. Русская военная и гражданская администрация того времени сохранила за различными группами туземного населения почти без изменения прежние формы самоуправления, какими они были при китайской администрации, лишь заняв место китайских властей при контроле и утверждении актов самоуправления: выборов должностных лиц, выносимых ими решений и приговоров, денежных сборов и взысканий и т. д. Возникавшие дела по жалобам и просьбам туземного населения выносились при различных случаях на окончательное разрешение или утверждение русских административных и судебных инстанций. Эти дела и составляют важную и любопытную категорию бытовых документов, написанных также на манчжурском языке. Эти документы, незаменимые для этнографа, затрагивают различные этнографические моменты в жизни туземного населения названного края: семейные и брачные отношения, феодальные установления и дофеодальные пережитки общественных отношений (крепостничество и рабство), формы родовой и военнофеодальной организации и т. д.

Перечисленные бытовые документы на манчжурском языке оказываются тем более любопытными, что они исходят не от самих манчжур, а от местных манчжурских племен сибо, солонов, дахуров и пр., еще недостаточно изученных, почему каждый новый документ о них представляет интерес и важность. Такого рода документы ценны также с точки зрения языка и как образцы письменности этих племен, но их фактическое содержание в первую очередь касается этнографического исследователя. Поэтому эти документы, уже выявленные или еще ждущие выявления на месте, подлежат самому пристальному и всестороннему изучению именно как этнографические источники. Организация такого изучения в ближайшем будущем подсказывается безусловной важностью этих документов для исторического, этнографического и лингвистического изучения манчжурских племен Западного Китая.

Е. С. ЗЕВАКИН

ЗАПАДНЫЙ КАВКАЗ В ИЗВЕСТИЯХ ЕВРОПЕЙСКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ И ПИСАТЕЛЕЙ XIII—XVIII вв.[1]

Среди исторических источников по Западному Кавказу исключительно важную роль играют источники повествовательные. Греческие, римские, византийские, арабские, грузинские, еврейско-хазарские источники дают много ценного материала для воссоздания истории Западного Кавказа домонгольского периода. Однако их отрывочность и сравнительно ограниченный круг вопросов, освещаемых ими, не позволяют более или менее полно реконструировать историю черкесов. Важнейшим источником для изучения указанного периода являются археологические памятники. К сожалению, эти источники еще недостаточно разработаны. Лучше изучалась древность и значительно меньше затрагивались средние века.

Для истории Западного Кавказа XIII—XVIII вв. первостепенное значение имеют повествовательные источники на западноевропейских языках. По XIII—XV вв. это главным образом авторы, так или иначе связанные с интересами итальянских колонизаторов в Причерноморье. Авторы этого периода (из них на первое место должен быть поставлен Интериано) осветили много важных вопросов по социально-экономическим отношениям, культуре и быту черкесов. Они положили начало всестороннему изучению Кавказа. Основной недостаток этих источников — отсутствие сведений об отдельных адыгейских племенах и других народах Северного Кавказа. В центральных районах Кавказа фигурирует малоопределенный народ «аланы». Большинство авторов этого периода не побывало на Кавказе. Из лиц, описавших Северный Кавказ в качестве очевидцев, здесь были лишь Шильтбергер, доминиканец Юлиан, Барбаро и Интериано.

В XVI—XVII вв. интерес к Северному Кавказу усиливается, на смену генуэзцам и венецианцам приходят русские, англичане, французы и др. Из многочисленных авторов, писавших о Западном Кавказе, лишь двое — д'Асколи и да-Лукка побывали внутри страны, поэтому их работы имеют главное значение для изучения данного периода; остальные авторы в лучшем случае побывали на черноморском побережье Кавказа (как, например, Шарден). Центральные районы Северного Кавказа вовсе не посещались европейскими путешественниками, и сведения об этих районах попрежнему малоопределенные. Единственно, кому удалось там побывать,— это русским агентам.

[1] Автореферат доклада, прочитанного в Институте этнографии АН СССР в сентябре 1944 г.

Источники XVI—XVII вв. оставили нам значительно более разнообразные и богатые сведения по вопросам хозяйства, общественного строя, культуры и быта адыгейцев. Среди черкесов начинают дифференцировать кабардинцев. В XVIII в. интерес к Кавказу еще более возрос — на первом месте идет царская Россия, затем англичане и французы. Авторы первой половины XVIII в. в значительной степени продолжают традиции XVII в., недостаточно дифференцируя отдельные народы и племена. Из этих авторов первое место в деле изучения Западного Кавказа принадлежит Главани и Пейсонелю.

Во второй половине XVIII в. число авторов, писавших о Западном Кавказе, сильно увеличивается, появляются капитальные монографии Гюльденштедта, Палласа и др. Составляются описания отдельных племен Черкесии, описываются многие социально-экономические и культурно-бытовые явления, либо вовсе не освещенные раньше, либо освещенные недостаточно подробно. Особенно важное значение имеют повествовательные источники XVIII в. для изучения осетин, ингушей, чеченцев и других горских народов, для которых мы не имеем почти никаких письменных источников более раннего времени. Русские архивные материалы и описания XVI—XVIII вв. исключительно ценны для изучения кабардинцев, осетин и других народов Центрального Кавказа, но они почти ничего не дают для изучения прикубанских черкесов вплоть до последней четверти XVIII в.

Итальянские архивные документы очень важны для изучения Западного Кавказа XIII—XV вв. Турецкие источники очень плохо выявлены. Важное значение имеют сочинения Эвлия Челеби и Хаджи Хальфа для изучения XVII в. и официальные турецко-татарские документы XVI—XVIII вв. Грузинские источники освещают главным образом внешние связи Адыгеи с Грузией. Иранские источники важны для изучения монгольских походов на Северный Кавказ и связей черкесов с Золотой ордой. Археологический материал по XIII—XVIII вв. недостаточно изучен.

Конец XVIII в. — переломный момент в изучении Кавказа вообще и Западного в частности. С этого времени начинается период научного кавказоведения, в противоположность предыдущему периоду, который можно назвать периодом накопления сырого материала и первичной его обработки.

М. Г. ЛЕВИН

Т. Н. ГРАНОВСКИЙ И РУССКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Начало русской академической антропологии относится к 60-м годам прошлого столетия и связано с замечательной деятельностью А. П. Богданова, которому мы обязаны целым рядом блестящих начинаний в различных областях науки.

Но интерес русского просвещенного общества к антропологии в 60-х годах не ограничивался узким кругом специалистов антропологов. Наряду с академическим направлением, должно быть отмечено и другое, связанное с научно-литературной деятельностью целого ряда представителей русской общественной мысли того времени и отраженное в прогрессивной публицистике 60-х годов.

Антропология середины прошлого столетия — эта всеобъемлющая наука о человеке, его физической природе, равно как и его культуре — не могла не привлекать внимания передовых кругов русского общества, и к антропологической тематике охотно обращаются философы и публицисты, социологи и историки 50-х и 60-х годов прошлого столетия.

Эта сторона их литературного творчества незаслуженно забыта. Мало кто знает о специальных антропологических работах даже таких деятелей, как Т. Н. Грановский, П. Л. Лавров и Н. Г. Чернышевский, не говоря уже о менее крупных фигурах. А между тем, эти работы оказали немалое влияние на виднейших представителей академической антропологии.

Политическая и общественная направленность этих авторов определила и тот круг антропологических вопросов, которых они касаются в своих философских, исторических и экономических работах. Это преимущественно вопросы исторической антропологии, вопросы о расах и их роли в историческом процессе, близко связанные в частности с вопросами этнографии.

Свое оформление историческая антропология в России получила много позднее в работах А. П. Богданова и его преемников, которые, располагая уже значительным антропологическим материалом, оставили нам целый ряд конкретных исследований по исторической антропологии, но своими истоками это направление восходит к работам 40-х годов и в частности к работам Т. Н. Грановского.

Т. Н. Грановскому, по общему признанию современников, принадлежит одно из первых мест в плеяде русских прогрессивных деятелей 40-х годов. Литературное наследство Грановского, как известно, невелико и никак несоизмеримо с тем огромным влиянием, которое имел этот блестящий представитель исторической мысли на русское просве-

щенное общество того времени. Но и того немногого, что было им опубликовано, достаточно, чтобы признать, что его роль в развитии русской исторической антропологии недостаточно оценена.

В I томе «Магазина землеведения», издававшегося Н. Фроловым, помещена работа В. Ф. Эдвардса, носящая название «О физиологических признаках человеческих пород и их отношении к истории» (письмо В. Ф. Эдвардса к Амедею Тьерри, автору «Истории галлов», переведенное и дополненное Т. Н. Грановским) [1].

Выбор Грановского был не случаен. Основательно забытая работа Эдвардса заслуживает того, чтобы хоть вкратце напомнить ее содержание. Написанная по поводу известной работы А. Тьерри «История галлов», она представляет собой, пожалуй, первый опыт применения антропологических наблюдений для решения исторических вопросов.

Статья имеет целью показать, как пишет Эдвардс, что «физиология [2] может служить большим пособием для истории». Признавая, что человеческие «породы» (расы.— *М. Л.*) изменяются под влиянием внешних условий — смешения, переселений,— Эдвардс особо подчеркивает, что все эти изменения все же таковы, что позволяют говорить о сохранении первоначальных основных черт и о том, что «древние народы могут быть узнаны в новых». Приводя для доказательства этого положения многочисленные факты из различных областей науки, Эдвардс приходит к выводу, что «главные физические признаки народа могут в большинстве населения оставаться неизменными через длинный ряд веков, несмотря на влияние климата, смешение пород, иноплеменные нашествия и успехи образованности». «Не забудьте,— пишет он,— что мы ограничили наши разыскания историческими временами, которые наступают для каждого народа вместе с началом просвещения. Мы, следовательно, должны встретить у нынешних народов при изменившихся оттенках и в большей и меньшей мере те же черты, которыми они отличались в эпоху их вступления в историю...».

Первая задача, следовательно, состоит в том, чтобы «определить посредством наблюдений, есть ли вообще и сколько различных типов у народа, подлежащего изучению», а затем проэцировать эти данные в прошлое. Основываясь на своих личных многочисленных наблюдениях в различных странах Европы, автор главным образом по описательным признакам (форма головы и лица, форма носа, разрез глаз) выделяет отдельные типы в населении различных территорий и связывает их с определенными историческими свидетельствами. Он ставит и разрешает целый ряд чисто исторических вопросов. Таков, например, вопрос о древнем населении Галлии, вопрос о связи мадьяров с гуннами и т. п. Если вспомнить, что работа Эдвардса написана им в 20-х годах прошлого столетия, когда наследственный характер расовых признаков далеко еще не был общепризнанным, когда вопросы исторической антропологии едва ли были еще даже поставлены,— ее надо справедливо признать для своего времени исключительной.

Т. Н. Грановский, которому принадлежит перевод этой работы с французского, снабдил ее пространными дополнениями, обнаруживающими его прекрасное знакомство с тогдашней антропологической литературой. Здесь мы находим первое в русской печати упоминание ряда

[1] См. также Т. Н. Грановский, Соч., т. 2, СПБ, 1905, стр. 83—160.
[2] Эдвардс употребляет этот термин в значении антропологии.

антропологических трудов, как например, Демулена и Вивьен-сен-Мартена — авторов известных классификаций человеческих рас и др.

Знаменательно, что А. П. Богданов эпиграфом к своей известной работе «Курганное племя Московской губернии» (1865) [1] берет цитату из статьи Эдвардса, с которым он, можно думать, познакомился благодаря Грановскому [2].

Небезынтересно привести эту небольшую цитату полностью: «Если бы история всегда была в состоянии находить при пособии памятников, ей одной принадлежащих, достоверное начало и кровную связь народов, то мы не имели бы надобности в дополнительных объяснениях из других наук. Но, восходя к этим вопросам, история часто подвергается опасности сбиться с прямой дороги, и ее заключения нередко оставались бы сомнительными без новых доводов, почерпнутых из других наук».

Перевод работы Эдвардса был отмечен Н. Г. Чернышевским, который посвятил ему пространную рецензию в «Современнике».

Вопросов антропологии касается Грановский и в других своих работах. Такова, например, его статья «Океания и ее жители», в которой дается и антропологическая характеристика населения. Кажется поэтому странным, что в обширной литературе о Грановском почти не отмеченными остались его занятия антропологией, которые, как мы видим, занимали далеко не последнее место в кругу его научных интересов.

[1] В своей работе А. П. Богданов ссылается на перевод статьи Эдвардса, помещенной в «Магазине землеведения». «Курганное племя Московской губернии», стр. 4.

[2] «Курганное племя Московской губернии» (предварительная заметка). Отдельный оттиск из «Моск. унив. изв.», 1865, № 3.

ДОКЛАДЫ НА ЗАСЕДАНИИ УЧЕНОГО СОВЕТА ИНСТИТУТА ЭТНОГРАФИИ АН СССР, ПОСВЯЩЕННОМ ПАМЯТИ А. ГРДЛИЧКИ И Ф. БОАСА

(3 апреля 1945 г.)

М. Г. ЛЕВИН

АЛЕШ ГРДЛИЧКА

(Жизнь и деятельность)

5 сентября 1943 г. умер Алеш Грдличка. В его лице мировая антропологическая наука потеряла одного из крупнейших своих представителей, а американская физическая антропология — своего основоположника и многолетнего руководителя.

Писать о научной деятельности А. Грдлички — значит в значительной степени писать историю современной американской физической антропологии, историю ее оформления в самостоятельную научную дисциплину, историю возникновения и развития большинства антропологических учреждений Америки.

Писать об Алеше Грдличке — это значит писать о жизни, целиком посвященной служению науке, о целеустремленности, последовательности и неустанном труде истинного ученого, о человеке большого сердца, о гражданине-патриоте, верном сыне своей родины, Чехии.

Алеш Грдличка родился 29 марта 1869 г. в небольшом чешском городке Хумполеч в Богемии, в семье владельца небольшой столярной мастерской.

Алеш был отдан в начальную школу, когда ему было всего $6^1/_2$ лет. Здесь он обнаружил такие способности и успехи в ученье, что местный пастор сумел убедить родителей Алеша отправить сына в среднюю школу в ближайший город и сам подготовил его по латинскому и греческому языкам. Юноше предстояло стать пастором, но не эта деятельность, а область естественных наук увлекала юного гимназиста. Неожиданное событие в жизни семьи коренным образом изменило все планы.

А. Грдличка не успел окончить гимназический курс, когда его отец в 1882 г. оставил родной город и отправился с семьей в Америку, куда в те годы устремился поток чехов-эмигрантов и где Алеш Грдличка обрел вторую родину.

В Нью-Йорке, где обосновалась семья Грдличка, Алеш первоначально не имел возможности продолжать свое образование. Как старший в семье он должен был помогать отцу, а затем довольно долго работал на табачном производстве.

Но мысль о продолжении образования не оставляет Алеша; он усиленно изучает английский язык и посещает вечернюю школу, чтобы подготовиться к поступлению в высшее учебное заведение. Своей будущей

специальностью он избирает медицину и в 1889 г. поступает в медицинский колледж в Нью-Йорке (N. Y. Eclectic Medical College), где он идет одним из первых, несмотря на трудные материальные условия.

После окончания колледжа в 1892 г. А. Грдличка начинает в Нью-Йорке свою врачебную деятельность и быстро завоевывает обширную практику. Одновременно он продолжает свое медицинское образование и в 1894 г. сдает специальные испытания в John Hopkins Medical School в Балтиморе.

Но практическая деятельность не удовлетворяет молодого врача, стремящегося к углубленным научным занятиям. Отказавшись от практики, Грдличка в 1894 г. поступает интерном в психиатрическую лечебницу (Lunatic State Asylum), чтобы вполне отдаться научной работе.

В 1895 г. Грдличка, успевший к этому времени напечатать несколько специальных медицинских статей, был приглашен сотрудником в Государственный институт патологии, организованный в Нью-Йорке под руководством известного Ван-Гисона. Здесь в институте, задачей которого было всестороннее изучение патологических отклонений и психических расстройств, А. Грдличка находит широкое поприще для своей деятельности.

В течение короткого времени он выпускает ряд специальных работ по вопросам психиатрии, в том числе и исследования по морфологии мозга, положившие начало его известным работам в этой области.

В 1896 г. Грдличка совершает длительную поездку в Европу, где он имел возможность посетить крупнейшие психиатрические учреждения, прослушать ряд курсов судебной медицины в Парижском университете, а также уделить время специальным занятиям по антропометрии у известного французского антрополога Мануврие.

В Институте патологии Грдличка ведал антропометрическими исследованиями, поставленными в широких масштабах с целью установления стандартов физического развития у населения штата Нью-Йорк и уклонений от нормы, отмечаемых в различных группах.

Уже первые шаги молодого ученого были отмечены той печатью целеустремленности, широты перспективы и размаха, которые характеризуют всю дальнейшую научную деятельность А. Грдлички. Он организует в Институте специальную антропологическую лабораторию, привлекает многочисленных сотрудников, разрабатывает план антропометрических исследований, которые должны были охватить 40 тысяч человек.

В течение $2^1/_2$ лет им был собран огромный материал (свыше 11 тысяч индивидуумов) по антропометрии различных категорий психических больных; но эту работу пришлось отложить в связи с закрытием Института патологии.

К великому сожалению собранные материалы погибли впоследствии от пожара, и Грдличка успел обработать из них лишь часть, касающуюся детского и юношеского возрастов.

Научная интерпретация материалов по патологическим группам поставила Грдличку перед необходимостью приступить к собиранию данных, характеризующих нормы развития, и привела его к специальным анатомическим исследованиям.

С другой стороны, работы в Институте патологии, охватившие также

и цветное население, включали в орбиту интересов Грдлички изучение расовых различий и положили таким образом начало его антропологическим исследованиям.

Биографы А. Грдлички особо отмечают его сотрудничество с крупнейшим американским анатомом того времени проф. Хунтингтоном, анатомические собрания которого послужили материалом для новых анатомических работ А. Грдлички.

К концу 90-х и началу 900-х годов относится целый ряд остеологических работ А. Грдлички [1], в том числе и первые его публикации по краниологии и остеологии древнего населения Мексики [2].

Благодаря содействию известного американского археолога проф. Путнама А. Грдличка получил возможность принять в 1898 г. участие в Мексиканской экспедиции Лумгольца и познакомиться с целым рядом племен Мексики.

В 1903 г. А. Грдличка начал свою работу в Национальном музее США в Вашингтоне. До этого времени физическая антропология не была представлена как специальная дисциплина в Музее, и его отдел антропологии в соответствии с широким значением этого термина в Америке заключал в себе этнографические и археологические собрания. Когда же по инициативе хранителя антропологического отдела, известного американского этнографа проф. Вилмиалена Холмса было решено основать в Музее специальный отдел физической антропологии, то для заведывания им был приглашен А. Грдличка.

Когда А. Грдличка начинал свою работу в Музее, отдел физической антропологии не располагал ни оборудованием, ни соответствующим помещением, ни штатом, и все его собрания ограничивались скромными остеологическими и краниологическими коллекциями (около 2 тыс. черепов), переданными сюда из Военно-медицинского музея (Army Medical Museum). Требовался недюжинный талант организатора, огромная любовь к делу и многолетний неустанный и неослабный труд, чтобы достигнуть тех результатов, которыми Национальный музей обязан А. Грдличке; с именем последнего навсегда связана организация этого крупнейшего и первого в Америке научного учреждения по физической антропологии.

Сорок лет провел А. Грдличка на посту руководителя отдела физической антропологии Национального музея. С Музеем, который он оставил лишь в 1943 г., передав заведывание отделом своему ближайшему сотруднику д-ру Стюарту, была связана в той или иной степени в течение всех этих лет его разносторонняя деятельность, сосредоточи-

[1] «Dimensions of the normal pituitary fossa or sella turica in the White and the Negro races». Arch. Neurol. Psychopath., 1898, I; «Study of the normal tibia». Am. Anthr., n. s. XI, 1898.

«A bilateral division of the parietal bone in a chimpanzee; with a special reference to the oblique sutures in the parietal». Bull. Am. Mus. Nat. Hist., N. Y. XIII, 1900.

«Divisions of the parietal bone in man and other mammals». Büll. Am. Mus. Nat. Hist., N. Y., XIX, 1903 и др.

[2] Marked human bones from a prehistoric Tarasco Indian burial place in the State of Michoacan, Mexico, Bull. Am. Mus. Nat. Hist., N. Y., X, 1898.

«A painted skeleton from northern Mexico, with notes on bone painting among the American aborigines». Am. Anthr., n. s. III, 1901; «The region of the ancient «Chichimecs» with notes on the Tepecanos and the ruin of La Quemade, Mexico». Am. Anthr., n. s. V, 1903.

вающаяся, начиная с 900-х годов, исключительно в области антропологии.

За первое десятилетие своей антропологической деятельности (1898—1908) А. Грдличка публикует около 70 работ, самый перечень которых показывает, как широки были его научные интересы. Наряду с многочисленными работами по расовой антропологии индейских племен, статьями по краниологии древнего и современного населения Америки, этнографическими и лингвистическими заметками мы видим здесь и исследования по морфологии отдельных элементов человеческого скелета, специальные работы по остеологии антропоморфных обезьян и по сравнительной анатомии мозга.

Начав свою экспедиционную деятельность поездкой в Мексику в 1898 г., Грдличка все более расширяет территориальную сферу своих антропологических экспедиционных исследований, которые он не прекращает до последних лет своей жизни.

В 1905 г. Грдличка проводит антропологические и физиологические исследования племени пима и апачей в Южной Аризоне и Новой Мексике. В 1906 г. он совершает по поручению Bureau of American Ethnology поездку во Флориду для изучения на месте костных остатков человека, найденных в местности Ospreg, и публикует вскоре свою известную работу — «Skeletal remains suggesting or attributed to early man in North America» [1]. К палеоантропологии Флориды Грдличка возвращается снова через 10 лет, когда он в 1915 г. производит здесь исследования совместно с геологом E. H. Fellard.

Если для американской палеоантропологии того времени характерна тенденция увеличивать возраст находок на территории Америки, то Грдличка уже в своих первых публикациях по данному вопросу выступает как беспристрастный исследователь и строгий критик, не разделяющий увлечений своих коллег.

В 1908 г. Грдличка проводит по поручению Смитсонианского Института и Управления по делам индейцев несколько месяцев среди племен Menominee, Sioux, Quinault, Hupa и Mohane. Результаты этого исследования были опубликованы Грдличкой в ряде предварительных отчетов и в специальной работе о распространении туберкулеза среди индейских племен США [2], а также представлены на выставке, организованной к VI Международному съезду по туберкулезу в Вашингтоне в 1908 г. Вместе с тем эти работы заполнили еще одно «белое пятно» на антропологической карте Америки.

Каждая экспедиция, каждая научная поездка Грдлички обогащает Национальный музей первоклассными краниологическими и остеологическими коллекциями, собраниями антропологических фотографий, гипсовых масок [3] и других материалов. Собрания отдела физической антропологии растут из года в год и благодаря трудам Грдлички не остаются под спудом, как в очень многих других музеях, а систематически им обрабатываются и публикуются.

В 1909 г. Грдличка получил приглашение отправиться в Египет для

[1] Bull. Bur. Am. Ethnol. XXXIII, 1907, стр. 113.

[2] «Tuberculosis among certain Indian tribes of the United States». Bull. Bur. Am. Ethnol. XLII, 1909.

[3] Грдличка очень ценил гипсовые маски как антропологический документ, пропагандировал их собирание и даже посвятил этому вопросу специальную статью, написанную им совместно с Ф. Боасом (Am. Anthr. n. s. VII. 1905).

изучения костных остатков из раскопок, которые велись там Нью-йоркским Музеем искусств. Из этой поездки Грдличка привез в Национальный музей уникальную коллекцию преимущественно времен XII династии; эта коллекция ждет еще своего подробного описания. Результатом этой поездки явилось и антропологическое изучение населения Kharga Oasis, опубликованное Грдличкой в 1912 г.[1].

На обратном пути в Америку Грдличка посетил Грецию, Турцию, Венгрию, Богемию, Россию и Германию, где имел возможность ознакомиться с различными антропологическими и анатомическими музеями и лабораториями.

Приходится удивляться тому, как успевал Грдличка обрабатывать и публиковать сборы своих экспедиций, следовавших одна за другой. Вскоре после возвращения из Европы Грдличка отправляется в Южную Америку для собирания остеологических материалов по древнему населению Перу. Летом 1910 г. он обследует известные древнеперуанские центры — Pachacamac (близ г. Лима) и Trujillo — древнего города народа Chimu, производит здесь сборы остеологических и краниологических материалов, доставивших ему коллекцию свыше 3400 (!) черепов. Это грандиозное собрание послужило материалом для целого ряда работ как самого Грдлички, так и его сотрудников, и составило значительную главу в американской антропологической литературе[2]. Тогда же Грдличка принимает участие в работе XVII Интернационального конгресса американистов, заседавшего в Буэнос-Айресе и Мексико-Сити, использовав пребывание здесь и для специального изучения ископаемых остатков человека в Аргентине.

В 1912 г. выходит в свет капитальная работа Грдлички, посвященная проблеме древнего человека в Южной Америке[3] и суммирующая результаты его отдельных публикаций по данному вопросу. Проблеме ископаемого человека в Америке посвящена и другая работа Грдлички «Early man in America»[4]. С этими исследованиями тематически связана и другая серия работ Грдлички, в которой он выдвигает и аргументирует теорию азиатского происхождения американских индейцев. На рассмотрении его взглядов по данному вопросу мы остановимся ниже; здесь же лишь укажем его первые работы в этой области: «Remains in eastern Asia of the race that peopled America (1912)»[5] и «A search in eastern Asia for the race that peopled America» (1913)[6].

В 1913 г. Грдличка осуществил вторую экспедицию в Перу с не менее блестящими результатами[7].

Особенно широкий размах приняла экспедиционная деятельность Грдлички в связи с подготовкой Панамо-Калифорнийской выставки, ко-

[1] «The natives of Kharga Oasis, Egypt.» Smith. Misc. Coll. LIX, № 1, 1912.
[2] «Some results of recent anthropological exploration in Peru». Smith. Misc. Coll. LVI, № 16, 1911.
«Anthropological researches at Pachacamac, Peru». Smith. Misc. Coll. LIX, № 11, 1912
[3] «Early man in South America». Bull. Bur. Am. Ethnol. LII, XV + 405 (совм. с W. H. Holmes, Bailey Willis, F. E. Wright и C. N. Feuner).
[4] «Trans. XVIII Intern. Congr. Amer.» London, 1913, стр. 10—21.
[5] Smith. Misc. Coll. LX, № 16.
[6] Ibid. № 30.
[7] «Anthropological work in Peru in 1913. With notes on the pathology of the ancient Peruvians». Smith. Misc. Coll. LXI, № 18, 1914.
«Anthropological exploration in Peru». Smith. Misc. Coll. LXIII, № 8, 1914.

торая должна была состояться в Сан-Диего в 1915 г. На этой выставке Грдличке предстояло развернуть отдел физической антропологии. Центральной темой экспозиции было происхождение американских индейцев. Получив в свое распоряжение значительные средства, Грдличка использовал их для организации ряда экспедиций, к которым он привлек антропологов Чехии и Польши, этим самым содействуя развитию антропологической науки у себя на родине. Таковы известная экспедиция чешского антрополога В. Сука в Африку, доставившая ценные антропологические материалы по зулусам и бушменам, экспедиции польских антропологов Ст. Понятовского в Восточную Сибирь и К. Столыгво на Енисей. К сожалению, работы эти были прерваны в связи с началом первой мировой войны.

Сам Грдличка совершил в 1912 г. путешествие в Монголию и Сибирь для собирания антропологических материалов по монголоидным типам Азии. Здесь, как мы уже указывали, он находил доказательства азиатского происхождения американских индейцев, представляющих, согласно его теории, древний монголоидный тип, изменившийся уже на месте. В этой экспедиции Грдличка сделал свои наблюдения о наличии в населении Восточной Азии и в частности Сибири антропологических типов, весьма сходных с американскими индейцами, и интерпретировал это как свидетельство азиатской прародины американского человека. Свое путешествие по Сибири Грдличка использовал также для изучения антропологических коллекций в сибирских музеях и для посещения ряда археологических памятников, в том числе известных древних стоянок на Енисее.

Свое пребывание в Европе на обратном пути из Сибири Грдличка использовал для дополнительного изучения стоянок и костных остатков ископаемого человека [1], а также для участия в работах XVIII Международного конгресса американистов в Лондоне и XIV Международного конгресса по доисторической археологии и антропологии в Женеве, где он был избран членом антропометрической комиссии.

Надо упомянуть здесь и деятельность Грдлички как члена Организационного комитета XIX Международного конгресса американистов, который состоялся в Вашингтоне в декабре 1915 г.

В том же 1915 г. Грдличка производил по поручению департамента юстиции специальные исследования среди индейцев племени чиппевиев в резервациях штата Миннесота. Задачей этого исследования было установление критериев чистоты типов и признаков метисации — вопросов, приобретших значительную остроту в связи с постановлением Конгресса США, предоставившим различные права чистокровным индейцам и метисам. Эти исследования доставили антропологические данные о различных группах чиппевиев и сиу, среди которых Грдличке удалось обследовать некоторое число индивидуумов, еще сохранивших чистоту своего расового типа. Насколько быстро шел процесс метисации индейцев и исчезновения целых, многочисленных в прошлом племен, показали исследования Грдлички среди племен Schawnee и Kickopoo в 1917 г., когда он не смог уже найти чистокровных индивидуумов.

Свою серию работ по антропологии индейцев А. Грдличка продол-

[1] См. его работу «The most ancient skeletal remains of man». Smith. Rep., 1913, 191—552.

жал и в 1918 г., когда им было произведено обследование малоизученного района Ten Thousand Islands [1].

Наряду с антропологическим изучением индейцев А. Грдличка в течение ряда лет собирал материал к антропологической характеристике белого населения США. Этому посвящен ряд его статей и обширная монография «The old Americans» [2].

Получив приглашение выступить с лекциями по антропологии в Пекинском медицинском колледже (Peking Union Medical College), А. Грдличка воспользовался этим, чтобы совершить в 1920 г. повторное путешествие по Японии, Корее, Манчжурии, Северному Китаю, а также посетить Гавайские острова [3]. Две тысячи фотографий расовых типов, доставленных Грдличкой из этого путешествия в Национальный музей США, надолго останутся ценнейшим документом по антропологии Восточной Азии.

Свой организаторский талант Грдличка проявил и в Китае. Его инициативе обязаны в значительной степени развитие в Китае антропологических исследований и организация антропологических учреждений в Пекине.

Мы отмечали уже роль Грдлички в организации ряда конгрессов. И на XX Международном конгрессе американистов в Рио-де-Жанейро в 1922 г. Грдличка возглавил американскую делегацию, немало содействовав развитию антропологии в Бразилии.

Проблема ископаемого человека всегда занимала видное место в научных занятиях Грдлички. С целью изучения соответствующих европейских находок он совершил в 1923 г. длительную поездку в Европу, где лично знакомился с основными стоянками и изучал все доступные находки ископаемого человека в антропологических музеях Западной Европы. Грдличка был одним из немногих антропологов, получивших возможность лично изучить знаменитые остатки питекантропа в лаборатории Дюбуа. Статьи Грдлички по ископаемому человеку и в первую очередь его капитальная сводка «The sceletal remains of early man» [4] могут считаться классическими в палеоантропологической литературе.

Годы не уменьшали кипучей энергии неутомимого исследователя, его жажды новых открытий и новых начинаний. В 1925 г., уже в том возрасте, когда многие ученые навсегда покидают экспедиционные исследования для работы в тиши кабинета, Грдличка предпринимает новое дальнее путешествие в Индию, Цейлон, Яву, Австралию, Южную Африку.

В Индии Грдличка изучает остатки ископаемых приматов, так называемой сиваликской фауны, на знаменитых Сиваликских холмах, производит расовые исследования населения и фиксирует американоидные антропологические черты у тибетцев.

Краниологические исследования, произведенные Грдличкой в музей-

[1] См. «The Anthropology of Florida». Publ. Florida State Hist. Soc. I, стр. 140.
[2] Baltimore, 1925, 438 стр.
[3] См. его статьи: «The anthropology of Asiatic peoples». China Med, J. XXXIV, anat. suppl. 30—40; «The anthropological problems of the Far East». Sci., n. s. LII. 567—574; «The peopling of Asia». Proc. Am. Phil. Soc. LX, 535—545; «Anthropological expedition to the Far East». Smith. Misc. Coll. LXXII, № 6, 63—74.
[4] Smith. Misc. Coll. LXXXIII, 1930, стр. 379.

ных и частных собраниях, охватили свыше тысячи черепов австралийцев, тасманийцев и негров и были вскоре опубликованы им [1].

В Южной Америке Грдличка произвел обследование места находки Родезийского черепа и собрал коллекцию фауны из этой пещеры, переданную им в Британский музей, где хранится Родезийская находка. Ему посчастливилось обогатить науку находкой здесь и костных остатков человека. Его работа о Родезийском человеке является одним из капитальных исследований [2]. Специальная статья Грдлички посвящена и австралопитеку [3].

Работы Грдлички по ископаемому человеку получили заслуженное признание, и в 1926 г. ему была присуждена Королевским антропологическим обществом Великобритании и Ирландии золотая медаль — «Hexley Memorial Medal». По существующей традиции ученый, удостоенный этой высокой награды, должен выступить в Обществе с программным докладом. Доклад, прочитанный Грдличкой на годичном собрании Общества в Лондоне, был озаглавлен «The Neanderthal Phase of Man» [4]. В этой работе Грдличка выступил с теорией о неандертальской фазе в эволюции человека, аргументировав положение, согласно которому Homo sapiens прошел в своем развитии стадию, характеризуемую неандерталоидными морфологическими признаками. На теоретических взглядах Грдлички, оказавших огромное влияние на развитие современных теорий в области антропологии, мы еще остановимся ниже.

В 1926 г. Грдличка начал свои многочисленные исследования на Аляске. В изучении археологии и антропологии этой тогда совершенно неисследованной области он видел ключ к разрешению проблем заселения Америки и ее древнейших связей с прилегающими частями Азиатского материка [5]. В первый год им были обследованы район реки Юкон и область у Берингова пролива до мыса Барроу [6]. Его археологические находки здесь положили начало тем систематическим раскопкам, которые ведутся американскими учеными в течение последних 15 лет в арктических районах Америки.

Многочисленные исследования американских археологов — Генри Коллинза, Д. Дженесса, Ф. Рейни, А. Массона и др., равно как и их датских коллег (Теркел Матиассен) позволили не только установить на арктическом побережье Америки наличие различных древних культурных комплексов, но и наметить их хронологическую датировку и географическое распространение. Одним из существенных результатов этих работ явилось установление связей древних арктических культур Америки с азиатским побережьем, что позволило американским археологам сформулировать выводы об азиатском происхождении ряда культурных комплексов арктической Америки [7].

[1] «Catalogue of human crania in the United States National Museum collections; Australians, Tasmanians, South African Bushmens, Hottentots and Negroes». Proc. U. S. Nat. Mus. LXXI, art. 24, 1928, стр. 140.

[2] «The Rhodesian man». Am. J. Phys. Anthr. IX, 1926, 173—204.

[3] The Taungs ape». Am. J. f. Phys. Anthr. VIII 1925, стр. 379—392.

[4] «The Neanderthal phase of man». J. Roy. Anthr. Inst. LVII, 1927, стр. 249—274. Напечатано также в «Smith. Rep.» за 1928 г. и в «Anthropologie». Prague, V. 1927.

[5] См. его статью «Alaska yields secrets of first Americans». N. Y. Times Mag., Nov. 28, 1926.

«Anthropological work in Alaska». Smith Misc. Coll. LXXVIII, № 7, стр. 137—158.

[7] По данному вопросу см. сводки в работах: Collins Henry B. Outline of Eskimo prehistory в «Essais in Historical Antropology of North America». Smith. Misc. Coll. vol. 100, 1940, стр. 533—600 (См. продолжение сноски на стр. 96).

В 1929 г. Грдличка совершает повторную экспедицию на Юкон [1], в 1930 г. ведет антропологические исследования в бассейне р. Кускоквим (на Аляске) [2]; в 1931 г. обследует район Бристольского залива и острова Кодиак [3]. На этом острове Грдличка работает в течение целых пяти лет (1931—1935) и ведет там большие археологические работы, доставившие и остеологические материалы [4].

Сводка антропологических исследований на Аляске опубликована Грдличкой в его большой работе «Anthropological Survey in Alaska» [5].

В 1936 г. Грдличка распространяет свои исследования на Алеутские и Командорские острова, где ведет работы и в 1937 и 1938 гг. [6]. В публикации научного наследства Грдлички, которая, будем надеяться, осуществится его сотрудниками и учениками, материалы по Алеутским и Командорским островам должны найти себе заслуженное место.

Обзор организаторской деятельности Алеша Грдлички будет не полон, если не указать его роли как основателя и редактора «American Journal of Physical Anthropology» и организатора American Association of Physical Anthropology. Журнал был основан Грдличкой в 1918 г. и явился первым в Америке специализированным изданием по физической антропологии. Надо было преодолеть немалые финансовые трудности, косность некоторых научных кругов и другие затруднения, чтобы завоевать новому журналу признание и поставить его в ряду наиболее солидных периодических изданий в мировой антропологической литературе.

В течение целых 25 лет, до 1943 г., когда Грдличка передал пост редактора журнала своему долголетнему сотруднику д-ру Стюарту, Грдличка оставался бессменным ответственным редактором, наиболее активным сотрудником и постоянным рецензентом журнала. Широта научных интересов редактора в очень значительной степени обусловила тот тематический диапазон, который характеризует журнал на протяжении стольких лет издания.

Основание в 1930 г. American Association of Physical Anthropology много содействовало оформлению физической антропологии в США в качестве самостоятельной научной дисциплины. С этого времени журнал становится официальным органом Общества.

Его же. Archeology of St. Lawrence Island, Alaska. Smith. Misc. Coll., vol. 96, № 1, 1937.

Jeness Diamond. Prehistorical culture waves from Asia to America. J. Wash. Ac. Sci., vol. 30. № 1, 1940, стр. 1—15.

[1] «The ancient and modern inhabitants of the Yukon». Expl. Field-work Smith. Inst., 1929, стр. 137—146.

[2] «The Eskimo of the Kuskokwim». Am. J. Phys. Anthr. XVIII. 1933, стр. 93—135.

[3] «Anthropological work in Alaska». Expl. Field-work Smith. Inst., 1931, стр. 91—102.

[4] «Archeological excavations on Kodiak Island, Alaska». Expl. Field-work Smith. Inst., 1934, стр. 47—52.

«Archeological expedition to Kodiak Island, Alaska». Expl. Field-work Smith Inst., 1935, стр. 47—52.

«Archeological explorations on Kodiak and the Aleutian Islands». Expl. Field-work Smith. Inst., 1936, стр. 57—62.

См. также «The coming of man from Asia in light of recent discoveries». Proc. Am. Phil. Soc. LXXI, 1932, стр. 393—402.

[5] Ann. Rep. Bur. Am. Ethnol. XLVI, 1930.

[6] «Anthropological explorations on the Aleutians and Commander Islands». Expl. and Field-work of Smith. Instin. 1937, стр. 87—94. «Exploration in the Aleutian and the Commander Islands». Expl. Field-work Smith. Inst., 1938, стр. 79—86.

Живя и работая в США, Грдличка никогда не порывал связи со своей родиной, и чешская антропология справедливо видит в нем одного из своих основателей и наиболее выдающихся деятелей. Он постоянно следил за развитием чешских антропологических учреждений и обществ, руководил их деятельностью и оказывал им материальную помощь. Он был инициатором и основателем чешского антропологического журнала «Anthropologie» и антропологических учреждений чешской Академии и Пражского университета. Не будет преувеличением сказать, что своими успехами, получившими международное признание, молодая чешская антропология в значительной мере обязана руководству Алеша Грдлички.

Библиография трудов Грдлички содержит свыше 350 работ, не считая аннотаций, мелких заметок и пр. [1].

Тематика его работ чрезвычайно разнообразна. Грдличка не принадлежал к тому типу ученых, которые, избрав своей специальностью какую-нибудь узкую область, сосредоточивают здесь все свои труды. В литературном наследстве Грдлички мы находим работы по самым различным вопросам антропологии и смежных дисциплин.

Но в разнообразной тематике работ Грдлички две проблемы являются центральными: проблема ископаемого человека, места неандертальца в эволюции H. sapiens, и проблема первичного заселения Америки и происхождения американских индейцев.

Мы называли уже выше основные работы А. Грдлички по ископаемому человеку. Теоретическое значение их состоит в том, что Грдличка сформулировал и аргументировал теорию о неандертальской фазе в эволюции современного человека. Основным в этой теории является положение, согласно которому неандертальцы не представляют собой боковой ветви — параллельной формы по отношению к современному человеку, а стоят на пути эволюции от более древних форм гоминид к H. sapiens.

Эта теория аргументирована Грдличкой на огромном материале. В качестве основных доказательств преемственной связи H. sapiens с неандертальским кругом форм Грдличка приводит следующие: широкое распространение неандертальских форм в различных областях Старого Света в эпоху нижнего палеолита; повсеместная большая древность неандертальских находок по сравнению с типом H. sapiens; наличие морфологических промежуточных форм между неандертальским типом и типом современного человека; переживание некоторых неандертальских признаков у отдельных представителей H. sapiens; преемственную связь между мустьерской культурой и верхнепалеолитическими культурами.

Эти выводы основаны на личном изучении автором всех основных костных остатков ископаемого человека, позволившем ему критически пересмотреть целый ряд упрочившихся в антропологии датировок отдельных находок.

Надо особо подчеркнуть формулировку Грдлички о неандертальской *фазе* эволюции. Это важно потому, что в критике теории Грдлички можно отметить тенденцию аргументировать тем, что отдельные находки

[1] См. библиографию Грдлички в работах: Dr. Aleš Hrdlička. A biographical Sketch. Anthropologie. Prague, 1929, VII, 1—2; T. D. Stewart. The Life and Writings of Dr. Aleš Hrdlička (1869—1939). Am. J. of Phys. Anthr., 1940, vol. XXVI. Published in honor of Aleš Hrdlička. Commemorating his 70-th Birthday.

неандертальцев обнаруживают такие признаки специализации, которые не позволяют видеть в них *непосредственных* предков H. sapiens. Однако внимательный разбор работ Грдлички убеждает, что теория неандертальской фазы в его изложении вовсе не содержит утверждения, что *все* локальные формы неандертальского человека, известные нам сейчас по немногим находкам, представляют собой непосредственные предковые формы современного человека. Вполне возможно допущение, что некоторые из них, в том числе и такие «классические» находки неандертальца, как Шаппель-о-Сен и Спи, могут рассматриваться как варианты, отклонившиеся в сторону специализации, отчего теория неандертальской *фазы* не терпит ущерба.

Со времени опубликования Грдличкой его основных работ (1927 и 1930 гг.) антропологическая наука обогатилась рядом новых находок ископаемого человека. Они были использованы сторонниками теории параллельного развития неандертальских и современных форм в качестве подтверждения их взглядов. Так, указывали в частности, что череп из Сванскомб (Англия), несущий ряд сапиентных черт, датируется Миндель-Рисским межледниковьем; то же мнение высказывали и по отношению к известной Штейнгеймской находке. Критический анализ этих находок показывает однако, что эти положения, в том числе и геологическая датировка указанных остатков, не могут считаться сколько-нибудь удовлетворительно аргументированными [1]. Можно утверждать, что новые факты только подкрепляют теорию неандертальской фазы и последовательной смены неандертальского типа типом H. sapiens.

В той оживленной дискуссии, которую вызвала теория Грдлички, последняя нашла себе немало авторитетных последователей и сторонников, в частности в среде советских антропологов, в работах которых теория эта подверглась дальнейшей разработке и уточнению [2].

Если вопрос о морфологическом и хронологическом соотношениях неандертальского типа и типа H. sapiens подробно исследован в работах Грдлички, то другая сторона этой проблемы — вопрос о факторах эволюции, о движущих силах процесса сапиентации остался у Грдлички мало разработанным.

Этому вопросу было уделено особое внимание в советской антропологической литературе. Переход неандертальского физического типа на новую, более высокую ступень «ископаемого разумного человека» объясняли весьма различно. Большинство авторов указывало на важную роль в процессе происхождения H. sapiens его более совершенного (по сравнению с неандертальским человеком) двуногого выпрямленного хождения. П. П. Ефименко приписывал наибольшее значение запретам браков между близкими кровными родственниками, т. е. установлению экзогамии, которое привело к превращению неандертальского человека в более дифференцированный тип современного человека. Эта точка зрения получила широкое распространение в советской археологической литературе. В ряде работ Г. А. Бонч-Осмоловского проводилась идея о том, что «лапообразная кисть» неандертальского человека была неспособна осуществлять тонкие сочетания движений, необходимые для про-

[1] См. нашу заметку «Новая теория антропогенеза Ф. Вейденрейха». Сов. этнография, 1946, № 1.

[2] См. Я. Я. Рогинский. К вопросу о периодизации процесса человеческой эволюции. Антропол. журн., 1936, № 3. Он же. Проблема происхождения H. sapiens. Усп. совр. биол., 1937, т. IX.

изводства разнообразных объектов позднепалеолитической индустрии; с этой точки зрения основным фактором происхождения H. sapiens было развитие новых признаков в форме суставов и в пропорциях элементов кисти. В нескольких статьях Я. Я. Рогинский выставил ряд соображений о том, что наиболее существенные отличия палеоантропа от неоантропа, вероятно, заключались в более высоком развитии у последнего различных свойств, необходимых для него как социального существа, в частности способности к членораздельной речи. Я. Я. Рогинский, исходя из палеоантропологического материала, обратил внимание на резкое затухание роли отбора у человека, как раз начиная с появления H. sapiens, в чем он видит свидетельство качественного преобразования общественной жизни и сознания человека в этом периоде. В обоснование своей гипотезы Рогинский привел различные данные, характеризующие культурные и соматические различия между неандертальским и современным человеком эпохи ориньяка [1].

Проблеме заселения Америки и происхождения американских индейцев посвящен целый ряд работ Грдлички. Эти вопросы, интересовавшие уже первых исследователей Америки, постоянно стоят в центре внимания американской этнографии, археологии и антропологии.

Дискуссия между сторонниками автохтонного происхождения американского человека и их противниками, споры о времени заселения Америки, об уровне культуры этих первых засельников, вопрос о связях Америки с другими частями света — не сходят со страниц американской научной литературы в течение десятилетий. И если последние два десятилетия принесли признание азиатской теории происхождения индейцев, то в этом очень немалую роль сыграли работы Грдлички. Его исследования по ископаемому человеку в Америке окончательно развеяли миф о третичном или раннечетвертичном возрасте американского человека. Антропологические работы Грдлички, показавшие наличие «американоидных» антропологических типов в населении Сибири, Монголии, Тибета, Малайского архипелага, Формозы, Филиппинских островов, послужили прочной основой для вывода, что туземное население Америки представляет собой ветвь азиатского монголоидного типа. Разнообразие антропологического типа американских индейцев — результат дальнейшей дифференциации этого древнего монголоидного элемента, распавшегося уже в Америке на локальные подрасы [2].

В специальной работе [3] Грдличка подверг критике гипотезу заселения Америки через Тихий океан, основанную на наличии якобы древних негроидных элементов в Южной Америке. На обширном материале он показывает несостоятельность этих аргументов. В этой работе Грдличка пишет: «Для автора, проведшего большую часть своей жизни в антропологическом изучении американских туземцев, лично посетившего более 100 племен от мыса Барроу на севере до Патагонии на юге, располагающего более чем десятью тысячами черепов и скелетов амери-

[1] См. указанные выше работы Я. Я. Рогинского, а также его статью «Некоторые проблемы позднейшего этапа эволюции человека в современной антропологии» (печатается в сб. памяти А. Грдлички и Ф. Боаса в серии Трудов Института этнографии).

[2] «The origin and antiquity of the american Indian». Smith Rep., 1923. См. по данному вопросу: Я. Я. Рогинский. Проблема происхождения монгольского расового типа. Антропол. журн., 1937, № 2.

[3] «Melanesians and Australians and the peopling of America». Smith. Misc. Coll. XCIV, № 11, 1935.

канских индейцев, собранных в Национальном музее США и полностью прошедших через его руки, имевшего счастье исследовать самую большую в мире серию австралийских черепов,— представляется невозможным принять теорию, согласно которой на американский континент в древние времена попал меланезийский или австралийский слой. Для него вся история этой теории представляется случаем, уводящим за пределы точной науки в область психологии». Когда приводятся факты, указывающие на отклонение монголоидного типа индейцев в сторону австралоидности, особенно у индейцев Южной Америки, надо учитывать стадиальные процессы в формировании монгольской расы. Надо помнить, что тот древний монголоидный тип, который заселил Америку из Азии, должен был, очевидно, сохранять ряд протомонголоидных черт, в том числе и такие, которые отклонялись в сторону австралоидного типа [1].

Грдличка давно был связан с Россией как тематикой своих исследований, так и личным знакомством с русскими учеными. Он внимательно следит за работами советских антропологов, постоянно реферирует русскую антропологическую литературу в своем журнале «American Journal of Physical Anthropology», ведет оживленную научную переписку со своими коллегами в Советском Союзе, организует обмен коллекциями между Национальным музеем США и Государственным музеем антропологии Московского университета.

В 1939 г. Грдличка приезжает в Советский Союз. Здесь он работает в антропологических музеях и лабораториях Москвы и Ленинграда, Иркутска, изучая преимущественно краниологические коллекции по Сибири и внимательно знакомясь с работами советских антропологов.

Несмотря на тяжелое заболевание, перенесенное им по пути в Москву и задержавшее его на несколько месяцев в Англии (жестокий приступ стенокардии), Грдличка поражал всех встречавшихся с ним своей трудоспособностью, неисчерпаемой энергией, живейшим интересом ко всему окружающему. Грдличка горячо ратовал за тесную связь американской и советской антропологии, выступал с планами совместных работ, увлекательно рисовал картину предстоящего расцвета нашей науки. Доклады Грдлички, его суждения по различным теоретическим вопросам, замечания по поводу исследуемого им материала, отзывы о работах — все это было проникнуто искренним интересом и глубокой симпатией к советской науке.

Все те, кому довелось встречаться с Грдличкой в лето 1939 г., навсегда сохранят в своей памяти обаятельный образ этого подлинно прогрессивного ученого, на редкость простого и скромного человека. Это было после вторжения немцев в Чехословакию. Какой ненавистью к немецким варварам, какой горячей любовью и преданностью к своей славянской родине были полны его слова, когда обсуждались волновавшие всех международные события!

Вспоминаются характерные детали: прекрасно владея немецким языком, Грдличка не хотел пользоваться им в беседах с теми, кто не говорил по-английски, и предпочитал объясняться по-русски, с трудом подбирая нужные слова. Грдличке неприятно было даже пользоваться инструментарием немецких фирм, и он не расставался со своим изго-

[1] См. рецензию А. М. Золотарева на рассматриваемую работу Грдлички в «Антропол. журн.», 1936, № 3.

товленным в Америке антропометрическим набором. Вернувшись в США, Грдличка в течение короткого срока опубликовал целый ряд специальных работ по собранному им в СССР антропологическому материалу, широко использовав материалы советских антропологов. Многие из этих материалов, оставшиеся неопубликованными у нас, впервые познакомили научный мир Америки с большими антропологическими работами, проведенными в Советском Союзе за последние два десятилетия.

Помимо специальных антропологических работ Грдличка опубликовал и ряд общих статей о Советском Союзе, о хозяйственных и культурных успехах нашего государства. Это статьи не только беспристрастного и тонкого наблюдателя, но человека с широким кругозором.

В условиях военного времени Алеш Грдличка использует всякую возможность, чтобы снестись со своими коллегами в Советском Союзе, снабжает их научной информацией, литературой, поддерживает тесную связь со Всесоюзным обществом культурной связи с заграницей.

Отметим письмо Грдлички к советским антропологам. В этом письме он видит близкую победу объединенных наций над германским фашизмом и готовится снова посетить Советский Союз [1]. Этим научным планам Грдлички не суждено было осуществиться. Смерть прервала кипучую деятельность ученого.

Эта утрата особенно ощутима сейчас, когда между учеными СССР и США крепнут узы научного сотрудничества. Пусть же память об Алеше Грдличке, которую одинаково чтут антропологи обеих стран, послужит к их теснейшему сотрудничеству на благо прогрессивной науки.

Ю. П. АВЕРКИЕВА

ФРАНС БОАС (1858—1942)

21 декабря 1942 г. в Нью-Йорке умер крупнейший ученый Америки — знаменитый антрополог, этнограф и лингвист Франс Боас. В лице Боаса американистика потеряла своего виднейшего представителя, ученого, всю свою многолетнюю жизнь посвятившего науке.

Ученые и культурные деятели нашей страны знают Боаса как прогрессивного ученого, подлинного демократа, дружески относившегося к Советскому Союзу. Его имя мы не раз встречали в целом ряде обращений американской интеллигенции и приветствий Советскому Союзу. 7 ноября 1942 г. Боас прислал от своего имени приветствие нашей стране. Он был одним из инициаторов организации военной помощи России.

Боас был не только подлинным ученым, но и политической фигурой, борцом против фашизма. Он одним из первых начал борьбу с расизмом. Его знаменитая книга «Ум первобытного человека», в которой автор наиболее последовательно высказывался против расизма, была сожжена в Германии в 1933 г. гитлеровцами. Против фашизма была направлена работа Боаса «Arier und nicht Arier», распространявшаяся

[1] См. сб. памяти А. Грдлички и Ф. Боаса в серии Трудов Института этнографии

подпольными антифашистскими организациями в Германии в виде книги небольшого формата, отпечатанной на тонкой бумаге.

Боас широко известен в Америке и за ее пределами по целому ряду политических антиимпериалистических выступлений как в первую мировую войну, так и в годы второй мировой войны. Особенно политически заостренными были выступления Боаса за последний период. Большой интерес в этом отношении представляют его статьи: «Классовая сознательность и расовые предрассудки» [1], а также «Миф о расе» [2]. В газетах США был опубликован целый ряд заявлений Боаса о войне, о военных целях, о послевоенном будущем. Таковы, например, «Дома умалишенных для нацистских лидеров» (с подзаголовком: «Что мы сделаем с немцами?») [3], «Эксплоатация должна прекратиться» (с подзаголовком «Нужно ли возвращать королеве Вильгельмине ее империю?») [4], «Письмо сенатору Георгу Норрису» [5], «Замечания на речь вице-президента Уоллеса о наших военных целях» [6] и другие заявления о войне и демократии, о военных целях Британии, о том, весь ли немецкий народ ответственен за преступления правительства Гитлера.

Боас всегда тяготел к России, а затем к Советскому Союзу. До Октябрьской Социалистической революции это была тяга к политическим ссыльным, т. е. к представителям наиболее прогрессивной части дореволюционного русского общества. Позднее она перешла в дружбу с советскими учеными. Наш ученый, ныне покойный В. Г. Богораз-Тан был ближайшим другом Боаса. В тот период, когда США не признавали нас, Боас стоял за сближение с нами, с нашими учеными и активно содействовал этому. Крупнейшей заслугой Боаса перед нашей страной и нашей наукой является организация им Джезуповской экспедиции 1897—1902 гг., которая означала союз между русскими и американскими учеными. К участию в ней Боас привлек русских ученых — политических ссыльных — Богораза и Иохельсона. Эта экспедиция осветила проблему исторических и культурных связей между Азией и Америкой. Идея Джезуповской экспедиции продолжает существовать и поныне, продолжением ее является работа комплексной Чукотской экспедиции Академии Наук СССР.

Позже Боас, будучи президентом Международного конгресса американистов, привлек к участию в нем и наших ученых — В. Г. Богораза и Л. Я. Штернберга. По инициативе Боаса и В. Г. Богораза в 1929 г. был произведен первый обмен студентами между СССР и США. В США были посланы пять советских студентов, затем Боас направил к нам индейца Арчи Финнея, проходившего аспирантуру при Академии Наук СССР в Ленинграде. Боас живо интересовался русской литературой, изучал русский язык.

Боас прожил большую трудовую жизнь, целиком посвященную служению науке, и умер внезапно в возрасте 84 лет на деловом приеме, устроенном им в честь французского ученого Риве. Родился Боас 9 июня 1858 г. в г. Минден в Вестфалии, в интеллигентной еврейской

[1] «Class consciousness and Race Prejudice». The Cristian Register, 122, No 1.
[2] «Myth of the Race», New Masses, 40, № 5—6, 1941.
[3] «Insane Asylum for Nazi leaders» (P. M. 4 января 1943 г.).
[4] «Exploatation must cease» (P. M. 25 января 1943 г.).
[5] «Letter to senator George Norris» (P. M. 9 ноября 1942 г.).
[6] «Note on speech of Vice President Wallas on war aims» (P. M. 12 мая 1942 г.).

семье. Четыре учебных года Боас провел в Гейдельбергском, Боннском и Кильском университетах. Вначале он специализировался в области физики и математики, но постепенно перешел к географии. Эта физико-географическая подготовка сказалась позже на его исследовательской работе. Диссертацию на степень доктора Боас защитил в 1881 г., когда ему было 23 года, в Гейдельбергском университете на тему «Вклад в объяснение цвета воды».

От географии Боас перешел к антропологии и лингвистике. Решающим моментом в этом переходе явилась его поездка в 1883—1884 гг. к эскимосам на Баффинову землю, где Боас провел целый год. Здесь он собрал много географических и этнографических материалов, опубликованных им в виде отдельных отчетов в «Tageblatt», «Journal of American geographical Society», и «Petermanns Mitteilungen». Результаты этнологических исследований Боаса были опубликованы в его монументальной работе «The Central Eskimo», вышедшей в отчете Бюро Американской этнологии за 1888 г. Она была одной из первых крупных работ по эскимосоведению.

По возвращении из Арктики Боас занял пост ассистента в Берлинском музее народоведения, возглавлявшемся тогда Бастианом. К этому периоду относится знакомство Боаса с Вирховым, который оказал на него большое влияние. В 1886 г. Боас был назначен доцентом по кафедре географии в Берлинском университете, но фактически в нем не работал. Помешало этому следующее обстоятельство. В 1885—1886 гг. в Берлине была выставлена группа индейцев северо-западного побережья Северной Америки из племени белла-кула. Боас занялся изучением их языка и коллекций, приобретенных Бастианом для музея. В результате Боас опубликовал две статьи об языке этих индейцев. С этого началось знакомство Боаса с индейцами северо-западного побережья Северной Америки, изучению которых он посвятил всю свою последующую жизнь.

В 1886 г. Боас впервые поехал на это северо-западное побережье, где провел около года. В 1887 г. он вернулся в Нью-Йорк и опубликовал результаты своих наблюдений в журнале «Science». Ему был предложен пост помощника редактора этого журнала, и Боас решил остаться в Америке навсегда, так как атмосфера тогдашней юнкерской Германии была для него тяжела. В 1887 г. Боас женился. Это был в материальном отношении трудный период его жизни, ему приходилось добывать средства к жизни статьями и напряженной работой в «Science».

Летом 1888 г. Боас вновь посетил северо-западное побережье при содействии Британской Ассоциации содействия науке [1], создавшей специальный комитет по изучению северо-западных племен Канады и положившей начало систематическому изучению этой части североамериканского материка. Боас был приглашен для этнографического, антропологического и лингвистического изучения этих племен. Этот комитет продолжал свою деятельность в течение 7 лет; за это время Боас неоднократно посещал побережье. Результаты его исследований напечатаны в годовых отчетах Ассоциации за 1889, 1890, 1891, 1894, 1895, 1896 и 1898 годы.

В 1888 г. Боас был назначен доцентом по кафедре антропологии в университете Кларка в г. Ворчестер (США). Университет был очень беден, ставка доцента была недостаточна для растущей семьи Боаса.

[1] British Association for the Advancement of Science.

Здесь Боас прожил четыре тяжелых года. За этот период из-под пера его вышли его первые работы по антропометрии, фольклору, лингвистике и теории этнологии. Здесь же он начал свои занятия и по физической антропологии.

В 1892 г. Боас получает приглашение на пост старшего ассистента отдела антропологии Международной выставки в Чикаго, возглавлявшегося Путнамом. В связи с этим Боас ушел из университета Кларка. Через два года, в 1894 г., ему было поручено заведывание отделом антропологии музея Фильда в Чикаго, а в конце 1895 г. Путнам пригласил Боаса заведывать отделом этнологии и соматологии Музея естественной истории в Нью-Йорке. С 1901 г. Боас встал во главе музея, в котором проработал 10 лет. В том же году он пригласил в США В. Г. Богораза, проработавшего в этом музее несколько лет. Это был период наиболее активной деятельности музея в смысле экспедиций, собирания материалов и исследований. К этому же времени относится организация Боасом знаменитой Джезуповской экспедиции. Все отчеты экспедиции выходили в последующие годы под его редакцией. Уже в это время, т. е. всего через 10 лет после приезда Боаса в США, вся антропологическая деятельность в Америке шла под его руководством.

В 1896 г. Боас был назначен преподавателем физической антропологии в Колумбийском университете, с которым связана большая часть жизни Боаса. В 1899 г. он получил звание профессора антропологии в этом же университете, где читал различные курсы по этнографии, лингвистике и антропологии в течение многих лет, до 1937 г. С 1937 г. Боас считался заслуженным профессором в отставке. В университете были объявлены два основных курса: статистическая теория и языки американских индейцев. Эти курсы были основой программы его 40-летнего преподавания. Кроме того, Боас читал еще целый ряд других курсов.

Боас был членом-корреспондентом ряда академий и научных обществ различных европейских стран. В Америке он был членом Национальной академии наук и Американской академии наук и искусств. В 1910 г. он был избран президентом Нью-Йоркской академии наук. В 1912 г. Оксфордский университет присудил Боасу степень доктора философских наук.

Неоценимы заслуги Боаса в расширении и организации этнографического, антропологического и лингвистического изучения аборигенов Америки. В организацию этого рода исследований он вкладывал много труда и энергии, будучи последовательно директором Музея естественной истории (до 1905 г.), затем президентом Антропологического общества Америки, одним из основателей которого он был, и президентом Американской ассоциации содействия науке [1].

В 1888 г. Боас основал фольклорное общество Америки и в течение 18 лет был редактором журнала, который выпускало общество [2].

В 1910 г. по инициативе Боаса была организована Международная школа американской археологии и этнологии, в которой приняли участие, кроме Боаса, Зелер, Тоссер, Масон и др.; задачей этой школы было изучение Мексики.

В 1917 г. Боас основал «Международный журнал американской лин-

[1] American Association for the Advancement of Science.
[2] The American Folk-lore.

гвистики», в котором участвовали видные лингвисты: Уленбек, Риве, Талбитцер, Годдард и др. В 1926 г. по инициативе Боаса Совет ученых обществ Америки отпустил большие суммы на изучение языков американских индейцев, и Боас организовал всю эту работу. Он был также одним из основателей Лингвистического общества Америки.

В течение всей своей жизни Боас исключительное внимание уделял подготовке кадров этнологов, лингвистов и антропологов. Большинство современных этнологов и лингвистов Америки являются учениками Боаса или учениками его учеников. Выдающиеся лингвисты и этнологи Америки (покойный Сэпир, Кробер, В. Джекобс, Труман, Майкельсон и др.) были учениками Боаса.

Боас был основателем современной школы американской этнографии, так называемой американской школы исторической этнологии. Эта школа положила начало и сделала очень много в деле изучения аборигенов Америки. Представители ее собрали огромное количество этнографических и археологических материалов.

Трудно исчерпывающе охарактеризовать научную деятельность Боаса, настолько она была разностороння и многообразна. Мы знаем Боаса не только как крупнейшего и старейшего этнографа Америки, но и как блестящего лингвиста и антрополога. Сам Боас считал себя антропологом, указывая, что физическая антропология, этнография, лингвистика — различные стороны одной науки — антропологии, науки о человеке. Эту науку он считал исторической в самом широком значении этого слова.

Основная часть этнографических трудов Боаса посвящена эскимосам и индейцам северо-западного побережья Северной Америки. Он положил начало изучению этих народов и посвятил этому делу всю свою жизнь. Результаты его многолетних и неустанных наблюдений и изучений опубликованы в виде монографических исследований, печатавшихся в научных сборниках и журналах или отдельными изданиями [1].

Как видно из краткого перечня крупнейших этнографических трудов Боаса, основная часть его исследований посвящена индейцам квакиютль. Изучение и объяснение сложной культуры этих индейцев стояло в центре научных интересов Боаса и составляло главный предмет его полевых исследований. Этому изучению он посвятил 50 с лишним лет неустанного труда, давшего блестящие результаты, ибо описание Боасом различных сторон культуры народа квакиютль является классическим как по форме, так и по содержанию.

Кроме монографических описаний культур и культурных явлений, Боасом были опубликованы большие тома прекрасно записанных мифов и легенд индейцев. Здесь Боас выступает как блестящий лингвист и фольклорист. Далеко неполный перечень этих публикаций [2] показывает, насколько обширны были познания Боаса в области американских язы-

[1] Таковы: «The Social Organisation and secret societies of the Kwakiutl Indians», 1895; «Ethnology of the Kwakiutl», 1921; «The Religion of the Kwakiutl Indians», 1930; «The Hauses of the Kwakiutl Indians», British Columbia, 1888; «The Kwakiutl of the Vancouver Island», 1905—1909; «The Decorative Art of the Indians of the North Pacific Coast», 1897; «Tsimshian Mythology», 1916; «The Mythology of the Bella-Coola Indians», 1898; «The Eskimo»; «The Central Eskimo»; «Notes on the Eskimo of Port Clarence, Alaska»; «Eskimo Tales and Songs» и др.

[2] «Indianische Sagen von der Nord-Pacifischen Küste Amerikas», 1895; «Tsimshian Texts», 1912; «Kwakiutl Texts», 1906; «Kwakiutl Tales»; «Bella-Bella Texts», 1925; «Chinook Texts», 1894; «Kathlamet Texts», 1901; «Folk-tales of Salishan and Sahaptin tribes» и др.

ков. Тщательно и аккуратно записанные тексты, снабженные подстрочными переводами, являются замечательным первоисточником для изучения культуры индейских племен.

Особое место среди работ Боаса занимают две его книги: «Ум первобытного человека» и «Антропология и современность» [1]. О первой мы говорили выше; вторая представляет опыт увязки данных антропологии с проблемами настоящего дня, интересующими криминолога, юриста, педагога, законодателя в капиталистическом обществе. В этой книге Боас подчеркивает независимость культуры и расы, прослеживает корни национализма и шовинизма и высказывается против расизма.

Свои теоретические взгляды Боас последовательно высказывал в ряде статей, наиболее ранними из которых являются: «Задачи этнологии» [2] и «Ограниченность сравнительного метода антропологии» [3]. В них были высказаны автором все его основные теоретические положения, повторенные и развитые им в последующих работах, как то: «Происхождение тотемизма» [4], «Метод этнологии» [5], «Эволюция или диффузия» [6], «Некоторые проблемы методологии в общественной науке» [7], «Задачи антропологического исследования» [8], «История и наука в антропологии» [9] и др.

Методологию Боаса характеризует крайний скептицизм ко всем общим теориям развития человеческого общества в целом. Он приступил к этнографическим исследованиям в период господства классической этнографии в лице Бастиана, Тэйлора, Моргана, Леббока, Спенсера, которых их противники называли эволюционистами. В Германии главенствовал Ратцель с его антропогеографией и теорией диффузии. Уже в ранних работах Боас высказывается отрицательно и относительно идей эволюционистов и Ратцеля. Правда, на Баффинову землю, по заявлению самого Боаса [10], он ехал, будучи под сильным влиянием географизма Ратцеля, и отошел от него во время пребывания среди эскимосов, несомненно, под влиянием Моргана. Влияние Моргана на Боаса сказалось в ранний период его научной деятельности среди племен северо-западного побережья, когда он не ограничивался изучением узких этнологических проблем, но пытался дать общую картину развития культуры северо-западного побережья. Такую попытку представляет его статья «Развитие культуры на северо-западном побережьи Америки» [11]. Оно сказалось также и в его первых описаниях индейцев северо-западного побережья, опубликованных в годовых отчетах Британской ассоциации содействия науке. Боас дал совершенно справедливую критику «элементарных идей» Бастиана, указав, что они ведут к мистицизму.

Так же отрицательно относился Боас к теоретическим построениям Гребнера, патера Шмидта, Эллиота Смита и Риверса, считая их возвра-

[1] «Anthropology and Modern Life», N. Y., 1928.
[2] «The Aims of Ethnology», 1888.
[3] «The Limitation of Comparative Method of Anthropology», 1896.
[4] «The Origin of Totemism», 1910.
[5] «Methods of Ethnology», 1920.
[6] «Evolution or Diffusion», 1924.
[7] «Some problems of Methodology in the Social Science», 1930.
[8] «The Aims of anthropological Research», 1932. Опубликована в русском переводе В. Г. Богораза в журн. «Сов. этнография», № 3—4, 1933.
[9] «History and Science in Anthropology», 1936.
[10] «History and Science in Anthropology», 1936.
[11] «The Development of Culture on the North-West Coast of America», Science, XII, 1888.

том к Ратцелю. «Столь же ненадежны,— писал он,— методы Гребнера и патера Шмидта, утверждающих стабильность некоторых очень давних (и, боюсь, что фиктивных) корреляций между культурными чертами...» И далее: «Нет необходимости указывать на абсолютное несоответствие попытки Эллиота Смита свести все этнологические явления к одному и, антропологически говоря, позднему источнику и предполагать перманентность культурных форм, которой нигде не существует» [1]. «Мнение о стабильности первобытной культуры,— писал он далее,— не соответствует фактам, всюду, откуда мы имеем подробные сведения, мы видим формы предметов и обычаи в постоянном движении, иногда стабильные на некоторое время, но потом подвергающиеся быстрому изменению» [2]. Боас подверг взгляды Гребнера детальной критике в рецензии на книгу последнего «Methode der Ethnologie» [3].

Главное возражение Боаса в полемике против всех этих ученых было направлено против применения общих теорий и общих схем при изучении культуры различных племен и народов. Он боялся впасть в социологизм и схематизм. Этот скептицизм Боаса был естественной реакцией против схематизма теорий, выдвинутых вышеуказанными учеными в тот период, когда этнологическое изучение отдельных племен было еще в зачаточном состоянии. Но в отличие от своих учеников, впавших в полнейший нигилизм в вопросах развития человеческого общества, Боас не окончательно отвергал значение общих законов развития человеческой культуры, но говорил, что наличие их должно быть доказано путем изучения развития индивидуальных культур. «Мы должны понять процесс развития индивидуальных культур, прежде чем мы сможем попытаться установить законы развития культуры всего человечества» [4]. В связи с этим на протяжении всей своей жизни Боас настаивал на необходимости детального и всестороннего изучения этнологии конкретных культур ограниченных историко-географических областей. Но ученики Боаса (Лоуви, Гольденвайзер и другие современные американисты) сделали изучение культур отдельных областей самоцелью, совершенно отказавшись от общих вопросов генезиса и развития культурных институтов, считая единственной задачей этнологии классификацию явлений и путей их распространения. Боас же, говоря о необходимости изучения истории культур различных племен, указывал: «Я полностью согласен с теми антропологами, которые заявляют, что «это не есть конечная цель нашей науки». Сравнение историй развития отдельных племен, по Боасу, «поможет найти общие законы развития человеческой культуры» [5]. В этой же работе он писал: «Мы согласились, что существуют некоторые законы, управляющие развитием человеческой культуры, и нашей задачей является открытие этих законов» [6].

В объяснении развития конкретных обществ Боас в первые годы своей этнологической работы отдал дань теории диффузии. В своей первой опубликованной монографии о культуре северо-западного побережья [7]

[1] Primitive Art, 7.
[2] Ibidem.
[3] В книге «Race, Language and Culture».
[4] The Limitation of the Comparative «Method in Anthropology», 1896, в книге «Race, Language and Culture», стр. 270.
[5] Ibidem.
[6] Ibidem.
[7] «Indianische Sagen von der Nord-Pacifischen Küste Amerikas», 1885.

он останавливается на диффузии фольклора на побережье. Продолжением этой работы был его труд «Tsimshian Mythology». В 1891 г. он иллюстрировал этот метод изучением распространения народных легенд в Северной Америке [1]. Позже он совершенно отверг теорию диффузионизма, говоря, что заимствование культурных черт — один из процессов, который всегда должен учитываться, но который не дает ключа к пониманию культуры [2]. Сам Боас указывал, что он окончательно отошел от теории диффузии около 1910 г. и перешел к проблемам «динамики культуры, интеграции культуры и взаимовлияния между человеком и обществом».

Общим схемам Боас противопоставлял необходимость интенсивного аналитического изучения культуры каждого народа в отдельности. Задачи этнографии им были определены уже в 1888 г. в первой его теоретической работе «Задачи этнологии», в которой он писал: «Первейшей задачей этнологического исследования должен быть критический анализ характерных особенностей каждого народа». Конечной целью этнологического исследования Боас ставил понимание процесса развития каждой человеческой группы.

Определяя таким образом задачи этнографии, Боас указывал, что при исследовании культуры примитивных народов необходимо руководствоваться двумя главными принципами: «первый — это основная схожесть умственных процессов у всех рас и во всех формах культуры и второй — рассмотрение каждого культурного явления как результата исторических событий». «Каждая культура,— писал он,— может быть понята только как историческое явление, определяемое социальной и географической средой, в которой находится каждый народ» [3]. Как видим, Боас в отличие от большинства американских этнологов, изучающих явления метафизически, статически, подходит к изучению культуры народов *исторически*. На этом историзме он настаивает в целом ряде своих работ. «В целях исторического анализа,— писал он,— мы рассматриваем каждую конкретную проблему прежде всего как целое и пытаемся проследить пути ее развития в современную форму» [4]. Если вспомним возражение Боаса Эллиоту Смиту против стабильности первобытной культуры, то мы увидим наряду с историзмом Боаса и признание им того, что изучаемые явления находятся в постоянном движении.

Задачей этнологии Боас считал также «изучение умственной жизни человека», проявляющейся в культурном творчестве и зависящей от социальных условий, в которых живет человек. Еще в 1888 г. Боас писал: «Этнологические данные доказывают, что не только наше знание, но также и наши эмоции являются результатом формы нашей общественной жизни и истории народа, к которому мы принадлежим» [5]. При объяснении ряда конкретных проблем этнографии Боас часто выступал как стихийный материалист. Особенно характерна в этом отношении его работа «Географические названия квакиютль» [6], в которой он доказывает, что характер этих названий у квакиютль определяется образом их

[1] «Dissemination of tales among the natives of North America», J. of Am. Folk-lore, vol. IV.
[2] «The Ethnological Significance of Esoteric Doctrines».
[3] «Primitive Art», 4.
[4] «Primitive Art», 4.
[5] «The Aims of Ethnology».
[6] «Geographical names of the Kwakiutl Indians».

жизни и морфологией их языка. Характерно также его заявление, что «действия человека имеют корни в обществе, в котором он живет» [1].

Останавливаясь на схожести культурных явлений у различных племен, Боас объяснял их аналогичными психическими процессами, но указывал, что аналогичные психические процессы у различных народов имеют место только при господстве у них аналогичных *социальных* условий; однако такие аналогии, по мнению Боаса, очень редки. Поэтому и тотемизм у различных народов он не считал возможным рассматривать как единое явление, объясняемое единым психическим процессом. Отсюда, по Боасу, необходимость изучения тотемизма у каждого народа в отдельности [2].

Исходя из своих методологических установок, Боас считал главной своей задачей документирование и изучение конкретных культур и избегал в своих работах трактовки общих проблем. Интересна в этом отношении его работа «General Anthropology», к участию в которой он привлек своих учеников. В ней даны только конкретные факты, и нет никаких обобщений. Такова же его книга «Primitive Art». Для нашей науки ценны хорошо и добросовестно собранные Боасом и его учениками материалы о конкретных культурах американских индейцев.

Крупнейшим вкладом Боаса в науку языкознания было развитие им описательной лингвистики. Он был основоположником этой науки, и все, кто занимается ею в Америке, являются его учениками или учениками его учеников. Туземные языки Америки изучались многими до Боаса, но только ему удалось подвести под это изучение научную базу. Изучение языка народа Боас считал необходимым условием понимания его культуры и изучения процессов развития этой культуры. Он впервые выдвинул проблему изучения языков американских индейцев не отвлеченно, а в связи с их культурой, говоря, что языковые формы являются выражением культуры народа, употребляющего их.

Боас всемерно содействовал интенсивному изучению языков американских аборигенов и сам изучил 17 индейских языков различных племен (чинук, катламет, цимшиян, квакиютль, тлинкит, кутене, керес, белла-белла, дакотский, эскимосский, ирокезский, чемакум, селиш, понка, нахуатль, четика, цецаут). Результаты лингвистических исследований опубликованы в изданном Боасом монументальном четырехтомном труде «Handbook of American Indian Languages». В предисловии к этому изданию Боас высказал свой взгляд на язык. Здесь он указал, что каждый этнолог должен знать язык изучаемого им племени. Правда, Боас считал это не всегда доступным идеалом и некоторым приближением к нему допускал знание хотя бы нескольких обиходных фраз. Перу Боаса принадлежат несколько общих статей с классификацией языков Америки — вопрос, окончательно не разрешенный до сих пор. Теоретические взгляды на развитие языков индейцев Боас высказал в введении к «Международному журналу американской лингвистики».

Боас высказывался против праязыка, говоря, что языки образовались путем аккультурации и скрещивания. Выше уже указывалось, что курс языков американских индейцев он считал одним из главных своих курсов и вел его в течение всей своей преподавательской деятельности

1 «The Folk-lore of Eskimo».
2 «The origin of Totemism», 1910.

в Колумбийском университете. Много времени и внимания Боас уделял подготовке лингвистов и лингвистической подготовке этнографов. В 1901 г. он был назначен почетным филологом Бюро американской этнологии, что дало ему еще большую возможность содействовать изучению языков индейцев.

Большой вклад сделал Боас также в фольклорную науку Америки. Он не считал себя фольклористом, но изучал фольклор как часть культуры изучаемого им народа. Выше уже указывалось, что им были опубликованы многотомные тексты легенд, мифов и сказаний целого ряда индейских племен и эскимосов. Он написал также несколько общих работ о характере и развитии фольклора американских индейцев [1]. Боас в огромной степени содействовал изучению фольклора американских индейцев и по существу был пионером этого дела в Америке. Он был основателем американского фольклорного общества и редактором трудов этого общества, а также журнала «American Folk-lore».

Нельзя не сказать несколько слов о связи Боаса с археологической наукой Америки. 60 лет тому назад, когда Боас начал свою научную деятельность, американская археология была еще в зачаточном состоянии. Колоссы американистики того времени, Пауэл и Блинтон, почти не интересовались археологией. Боас заинтересовался ею постольку, поскольку она помогала разрешать ту или иную проблему в развитии культуры изучаемого им народа, и в этом плане он определял задачи археологии. Археологические исследования Боас вел в Мексике, затем руководил археологическими раскопками в Порто-Рико. В Мексике и в Порто-Рико кроме археологии он занимался еще антропологией, языком и фольклором населения. Главной заслугой Боаса в области археологии является установление основных элементов последовательности культур в долине Мексики. Его работы явились основой всех дальнейших исследований археологии этой страны. Боас написал одну чисто археологическую работу — «Некоторые проблемы северо-американской археологии», в которой он говорил о связи между археологией и этнографией. Он первый указал, что важнейшей проблемой американской археологии является изучение Берингоморья, районов расселения эскимосов и прилегающих к Америке частей Азии. Частично эта задача была осуществлена Джезуповской экспедицией, когда на Камчатке и на Чукотском полуострове производил изыскания Владимир Иохельсон, а на американском материке Харлам Смит.

И в области антропологии Боас был не менее, если не более выдающимся ученым и новатором, чем в этнографии и лингвистике. Мы уже указывали выше, что антропологией Боас начал заниматься в университете Кларка. Первая его антропологическая работа, напечатанная в 1888 г., была посвящена описанию нескольких черепов из Британской Колумбии. Наиболее выдающимся открытием Боаса в области антропологии является его труд об изменчивости головного указателя под влиянием среды. Это открытие Боаса вызвало ожесточенные споры, не прекращающиеся и доныне.

Такова в общих чертах научная деятельность Боаса, характеризующая его как крупнейшего ученого Америки, совместившего в своем лице выдающегося этнографа, антрополога и лингвиста и посвятившего

[1] «The Growth of Indian Mythologies», 1895; «Mythology and Folk-Tales of the North American Indians», 1914; «The Development of Folk-Tales and Myths», 1916.

весь свой талант делу изучения аборигенов Америки. Во всех областях науки Боас всегда проявлял независимость своей творческой мысли.

Своего рода итогом этой деятельности Боаса является его книга, вышедшая в 1940 г., «Раса, язык и культура»[1]. В ней опубликованы важнейшие статьи и работы автора по антропологии, языку и этнографии, напечатанные им в различное время и характеризующие его взгляды в области этих наук.

Люди, лично знавшие Боаса, подчеркивают его необычайную работоспособность и аккуратность в работе. Эта работоспособность не оставляла его до самой смерти. В возрасте 72 лет он ездил в экспедицию на северо-западное побережье к индейцам квакиютль и с ловкостью, необычайной для его лет, совершал экскурсии по лесам и горам.

Боас не останавливался в своих изысканиях ни перед какими трудностями и проявлял необычайную изобретательность. Например, в Мексике, чтобы сблизиться с местным населением, он стал торговать молоком и с раннего утра занимал место на базаре. К индейцам он относился как к равным, поддерживал с ними дружеские отношения; если его приглашали на потлач, то и он устраивал ответный потлач. Индейцы побережья знали и уважали Боаса. Он знал их нужды и не раз помогал им, обращаясь к правительству. С возмущением писал он о системе колониального рабства, под гнетом которого жили индейцы.

Молодежь, которую учил Боас, горячо любила его; для всех он был «папой Францем», он помогал всем, чем мог, и всячески изыскивал средства, чтобы послать молодежь на полевую работу, в которой он видел главный смысл этнографического исследования.

Все, кто знал Франса Боаса, будут всегда помнить его как лучшего представителя науки, как крупнейшего этнографа, лингвиста и антрополога Америки.

1 «Race, Language and Culture», N. Y., 1940.

ХРОНИКА

ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ АКАДЕМИИ НАУК В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

1941 год был для советских этнографов, как и для всей советской страны, годом тяжелых испытаний. С первых дней войны целый ряд этнографов сражался в рядах Красной Армии и народного ополчения. Многие из них героически погибли на фронтах Отечественной войны. В осажденном врагами Ленинграде осталась группа сотрудников Института этнографии, самоотверженно продолжавшая в условиях города-фронта работу по охране Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого. Эвакуированная из Ленинграда часть сотрудников Института в конце 1942 г. прибыла в Ташкент и образовала Ташкентскую группу Института.

Одной из наиболее неотложных задач, стоявших перед коллективом Института, было восстановление нормальной научной работы, ход которой был нарушен условиями военного времени. Здесь прежде всего дело шло о восстановлении кадров научных работников Института, понесших за время войны огромные потери.

Президиум Академии Наук СССР в своем постановлении от 22 декабря 1942 г. наметил основные мероприятия по восстановлению и перестройке работы Института этнографии. Директором Института был назначен доктор исторических наук профессор С. П. Толстов. Институту было разрешено организовать Московскую группу, широко развернувшую свою работу. Дирекцией Института были приняты энергичные меры к пополнению состава Института квалифицированными специалистами.

К 1 января 1945 г. в штате Института состояло 80 человек, в том числе 56 научных сотрудников, из них два члена-корреспондента АН СССР, 12 докторов и 16 кандидатов наук. В докторской и кандидатской аспирантуре Института обучалось 34 человека. Восстановлены важнейшие секторы (например, секторы Кавказа и антропологии, потерявшие ранее почти всех своих сотрудников).

Почти все научные сотрудники Института работали над кандидатскими и докторскими диссертациями; в результате этой работы профессора М. О. Косвен, В. К. Никольский, заместитель директора Института Н. Н. Степанов и ст. научн. сотр. Д. А. Ольдерогге защитили диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук, ст. научн. сотр. С. М. Абрамзон, мл. научн. сотр. Л. Б. Панек и уч. секр. М. Г. Рабинович защитили кандидатские диссертации.

Наиболее значительными научными проблемами, на которых была сосредоточена работа Института этнографии в 1943—1944 гг., были связаны с изучением этнического состава мира и отдельных стран.

Значительное место в плане работ Института занимала также подготовка большого обобщающего этнографического издания — девятитомника «Народы мира». Это первое советское научное «народоведение», имеющее целью дать марксистское научное описание народов, населяющих весь земной шар. Помимо большого научного значения этого исследования, следует отметить и его культурно-просветительную роль. В 1943—1944 гг. велась авторская и редакционная работа над томами: «Средняя Азия», «Северная Азия» и «Европа», а также подготовительная работа над томами «Кавказ», «Австралия, Океания и Америка», «Африка» и «Восточная Европа».

Особенное научное и практическое значение представляет том «Европа» (Западная, Центральная и Южная), заполняющий огромный пробел, создавшийся в нашей этнографической науке в последние годы вследствие того, что этнографические учреждения почти не занимались вопросами этнографии народов Европы — наших ближайших соседей. В процессе работы над этими темами вырос и сплотился коллектив работников сектора Европы, фактически заново созданного в 1943 г.

Среди подготовленных Институтом в 1944 г. этнографических монографий следует отметить работу Е. М. Шиллинга «Кубачинцы» — образцовое исследование материальной культуры одной из народностей Кавказа. Заслуживает внимания также монография А. А. Попова «Нганасаны», содержащая ряд неизвестных до сего времени данных по материальной культуре этой народности, собранных автором во время его экспедиции на полуостров Таймыр.

В 1943—1944 гг. Институтом был проведен ряд научных сессий, из которых надо отметить: две сессии, проведенные в 1943 г. Ташкентской группой Института — сессия в Ташкенте по проблемам первобытного искусства (4 доклада) и сессия в Самарканде по этнографии Средней Азии (9 докладов) — и две, проведенные в том же году в Москве,—сессия памяти Д. Н. Анучина в связи со столетием со дня его рождения (6 докладов) и сессия, посвященная этногенезу славян (11 докладов). В 1944 г. Ташкентской группой была проведена большая конференция по этнографии и фольклору Средней Азии, на 20 заседаниях которой было заслушано до 50 докладов [1].

Разработка вопросов этногенеза продолжает занимать большое место в работах Института. Из проведенных в 1944 г. работ следует отметить заседания сектора Европы совместно с комиссией по этногенезу, посвященные проблемам происхождения индоевропейцев. Доклады чл.-корр. АН СССР А. Д. Удальцова и проф. С. П. Толстова, сделанные на этих заседаниях, представляют выдающийся научный интерес [2]. Проблемам этногенеза посвящены также работы В. В. Бунака «Памиро-альпийский горный пояс и его роль в древнейшем расселении человечества» и М. Г. Левина «Вопросы этногенеза народов Амура и Охотского побережья в свете данных антропологии».

Из других работ Института следует отметить подготовленный к печати фольклорной комиссией Института сборник «Славянские песни и сказки», под редакцией проф. С. П. Толстова и П. Г. Богатырева. Сборник этот содержит новые публикации переводов славянских песен и сказок, снабженные надлежащим аппаратом и комментариями.

Работа Ленинградской группы Института была сосредоточена в основном на приведении в порядок и реставрации богатейших коллекций Музея антропологии и этнографии.

В 1943—1944 гг. возобновилась экспедиционная работа Института. Ряд экспедиций дал много новых интересных этнографических материалов.

Из этнографических поездок 1943—1944 гг. следует отметить работы Е. Э. Бломквист по изучению старожилого русского населения побережья Аральского моря (так называемых «уральцев»), поездки докторанта В. Г. Мошковой в различные районы Туркмении для изучения коврового искусства у туркмен, длительную поездку докторанта О. В. Ионовой в Якутию для сбора материалов по истории и этнографии якутов и др.

В 1944 г. масштаб экспедиционных работ несколько расширился. Экспедиции были направлены в Дагестан (руковод. Е. М. Шиллинг), на Украину (руковод. Н. Н. Чебоксаров) и в Московскую область (руковод. В. И. Чичеров) для сбора материалов по этнографии и фольклору. Они показали необходимость широкого развертывания полевых этнографических работ. Велась интенсивная работа по подготовке крупных экспедиций 1945 г. Наиболее значительной из них является комплексная чукотская экспедиция по изучению этногенеза народов северо-восточной Азии в связи с этногенезом народов Америки. В Анадырь выехал рекогносцировочный отряд во главе с начальником экспедиции проф. Г. Ф. Дебец [3], успешно начавший там работу.

Кроме того, в 1945 г. направляется целый ряд экспедиций для собирания фольклора Отечественной войны, этнографические экспедиции в Хорезм, Якутию, Молдавию, на Украину и т. д.

Таким образом, коллективу Института этнографии удалось в дни тяжелых испытаний вновь собрать имеющиеся кадры советских этнографов и широко развернуть научную работу, поставив советскую этнографию на службу родине, выполняя ряд важных государственных заданий. Следует особо отметить героическую работу небольшой группы сотрудников (во главе с Р. И. Каплан-Ингель), оставшейся в Ленинграде в дни блокады и сумевшей спасти и сохранить ценнейшие коллекции Музея антропологии и этнографии.

М. Г. Рабинович

[1] Подробную информацию об этих сессиях см. в сбор. «Советская этнография» т. VI—VII и в журнале «Советская этнография», 1946, № 1.

[2] Авторефераты этих докладов см. в настоящем выпуске.

[3] Предварительное сообщение о проделанной работе см. заметку Г. Ф. Дебеца «К антропологии чукчей», стр. 63 настоящего выпуска.

В ИНСТИТУТЕ ЭТНОГРАФИИ АН СССР

(Ленинград)

Даже в самые суровые дни войны и блокады не замирала научная жизнь в Институте этнографии в Ленинграде. Научные работники Института входили в объединенную группу историков, возглавлявшуюся проф. Ю. Ф. Францовым, и принимали участие в работе группы. Один из докладов на группе сделан был сотрудником Института кандидатом наук К. В. Вяткиной. Научным сотрудником В. В. Федоровым подготовлено было несколько статей о палеолитических коллекциях Музея. Все научные сотрудники имели свои темы, которые и разрабатывались в те минуты, которые можно было отдать науке.

Однако главное внимание работников Института в дни блокады было направлено в другую сторону. Перед ними стояла основная задача — охранять богатство Музея, спасти в эти суровые дни его несметные сокровища. Коллекции Музея, несмотря на тяжелые раны, которые были нанесены его зданию, были бережно сохранены и пронесены невредимыми его защитниками через все испытания. Правительство высоко оценило этот труд, наградив орденами и медалями защитников культурных ценностей Музея. Конец блокады поставил перед Институтом новые задачи. В Институт возвратилась значительная группа его сотрудников. Оживилась научная мысль и стала возможной систематическая научная работа.

В 1945 г. Ленинградская группа Института имела значительный научный план. Большой удельный вес заняла в нем сибирская тематика. Идет завершение работы, начатой еще до войны, по подготовке тома «Народы Сибири», в многотомной серии «Народы мира» (редакционная коллегия М. А. Сергеев, А. А. Попов и Н. Н. Степанов). Закончена II часть монографии «Нганасаны» А. А. Попова, посвященная социальному строю и идеологии этого племени. Закончена одна из частей монографии Г. М. Василевич «Материалы этнографии фольклора и языка к проблеме этногенеза тунгусов», посвященная материалам языка. Выполняются и другие работы по отделу Сибири.

Над темой «Этнография и фольклор припамирских иранцев» работает проф. И. И. Зарубин; над темой «Наскальные рисунки Саяно-Алтайского нагорья» — К. В. Вяткина.

По этнографии зарубежных стран работники Института выполнили ряд статей для справочника «Народы мира» (проф. Н. В. Кюнер, К. В. Вяткина). Над темой «Феодальная культура Кореи» работает проф. Н. В. Кюнер. М. В. Степанова заканчивает работу «Эскимосское население Аляски в 30—40-х годах XIX в.» В. В. Гинзбург работает над составлением характеристики краниологического фонда Музея, В. Ф. Федоров — над темой «Рубящие орудия палеолита».

На научных заседаниях Института в конце 1944 г. и начале 1945 г. поставлены были следующие доклады: проф. Н. В. Кюнера «Материалы по корейской культуре и быту манчжурских племен в библиотеках и архивах г. Алма-Ата», Д. А. Ольдерогге «Происхождение системы родства типа Кроу», Г. М. Василевич «Охотничий праздник Иконипко у эвенков», И. И. Огрызко (Омск, Пединститут) «Народы Севера в Великой Отечественной войне».

В Институте созданы Музейная и Библиотечная комиссии. Особенно важные задачи стоят перед первой комиссией, проделавшей большую работу по восстановлению Музея и открытию его экспозиций.

Разворачивается работа по истории Музея и его коллекций. Вышла из печати брошюра безвременно погибшего в дни блокады ленинградского архитектора Липмана, посвященная истории здания Музея — одного из старейших академических зданий, интереснейшего памятника архитектуры XVIII в.

И. Н. Степанов

КРАНИОЛОГИЧЕСКИЕ КОЛЛЕКЦИИ МУЗЕЯ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ ИМЕНИ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Коллекции отдела антропологии этого Музея состоят ныне из 3687 черепов, не считая многих тысяч костей скелета, ибо особенно в последние годы поступали в Музей не отдельные черепа, а целые комплексы погребений.

Из хранящихся в Музее черепов лишь 434 принадлежат населению зарубежных стран, главным образом Индонезии и Океании, собранные Пейчем и Миклухо-Маклаем, Африки, собранные Юнкером, Азии (главным образом Монголии), а также туземному населению Северной и Южной Америки.

Гордость отдела антропологии составляют краниологические коллекции по народам нашего Союза как современным, так и древним. Особенно хорошо краниологически представлено современное население Севера и Востока Сибири. Собранный заботами крупнейших исследователей Сибири, этот материал стал поступать в Музей уже издавна. Здесь хранятся черепа, собранные Мюллером, Шренком, Кастреном, Радловым и др. В более позднее время хорошие коллекции из Восточной Сибири поступили от Гондатти, Ухтомского, Букинича и Липского.

По древнему населению нашей страны большинство коллекций получено уже в послереволюционные годы в связи с широким размахом систематически проводившихся археологических исследований. В Музее сосредоточены богатейшие коллекции, включающие неандертальца (Киик-Коба), нескольких кроманьонцев (Мурзак-Коба, Фатьма-Коба) в прекрасной сохранности и много материалов более позднего времени. В отделе хранится единственная в своем роде большая серия костяков из неолитического могильника на Южном Оленьем острове на Онежском озере, на которой 28 черепов были прекрасно реставрированы Е. В. Жировым. Здесь хранятся многочисленные материалы бронзового и более позднего времени из Западной Сибири (Минусинский край), а также коллекция в семьсот черепов из курганов б. Новгородской губернии. Из других хранящихся в отделе коллекций наиболее крупные серии из Херсонеса-Таврического, из пещерного города Эски-Кермена, из хазарского города Саркел, гуннские погребения из Чуйской долины и многие другие.

Коллекции музея служили предметом антропологического исследования уже с возникновения Кабинета антропологии. Начиная с академика К. М. Бера, уделявшего антропологическим коллекциям много внимания и времени, материалы отдела изучали Шренк, Таренецкий, Фридолин, Мережковский и др.

Однако систематическое изучение материалов отдела началось лишь в последние 10—15 лет, когда широко развернулось всестороннее изучение прошлого нашей родины и этногенеза населяющих ее народов. В этой крупной работе больше всех других принимал участие Г. Ф. Дебец. Кроме него систематически работали над коллекциями Е. В. Жиров, В. В. Гинзбург, А. Н. Юзефович, а также Г. И. Петров, М. Г. Левин, Н. Н. Чебоксаров, Т. А. Трофимова и др. В 1938 г. в отделе антропологии работал известный американский антрополог А. Грдличка.

По материалам отдела написано свыше 50 работ, из них больше половины уже в послеоктябрьский период. Однако многие коллекции отдела остаются до сих пор неизученными. На материалах отдела может быть изучен целый ряд как общих, так и частных вопросов расоведения и этногенеза. Широко развернувшееся перед войной изучение коллекций отдела должно быть продолжено.

В. В. Гинзбург

ЗАЩИТА ДИССЕРТАЦИЙ СОТРУДНИКАМИ ИНСТИТУТА ЭТНОГРАФИИ

За последние два года ряд сотрудников Института защитили докторские и кандидатские диссертации. 2 апреля 1943 г. при Объединенном Ученом совете гуманитарных факультетов Московского государственного университета защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук ст. научн. сотр. Института доц. Н. Н. Чебоксаров на тему «Происхождение народа коми по данным антропологии». Диссертанту присуждена искомая степень.

Заместителем директора по Ленинградскому отделению Института проф. Н. Н. Степановым в 1943 г. защищена в Ученом совете Института истории АН СССР докторская диссертация на тему «Социальные отношения у тунгусов в XVII в.». Монография эта получила высокую оценку со стороны официальных оппонентов — академика Б. Д. Грекова и чл.-корр. АН СССР проф. С. В. Бахрушина, и диссертанту единогласно присуждена искомая степень.

В том же 1943 г. при Среднеазиатском государственном университете ст. научн. сотр. Института С. М. Абрамзон защищена кандидатская диссертация на тему «Очерки культуры киргизского народа».

6 сентября 1943 г. на заседании Совета Московского Государственного университета защищена диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук проф. М. О. Косвен. Тема диссертации: «История проблемы матриархата» (см. автореферат работы в «Известиях АН СССР», серия истории и философии, № 3, 1944, стр. 141—143).

10 ноября 1943 г. при Совете Исторического факультета Московского государственного университета защищена кандидатская диссертация ст. научн. сотр. (в

настоящее время ученым секретарем) Института М. Г. Рабиновичем на тему «Новгородское войско». В своих выступлениях официальные оппоненты проф. Б. А. Рыбаков и проф. В. Н. Бочкарев отметили научное значение монографии, выясняющей состояние военного дела в древней Руси и заполняющей существующий в нашей литературе пробел в разработке военно-исторической тематики.

18 февраля 1944 г. при Совете Исторического факультета Московского государственного университета защищена кандидатская диссертация ст. научн. сотр. Института доц. Е. М. Шиллингом на тему «Кубачинцы и их культура» (краткое изложение работы и отзыв о ней см. «Исторический журнал», 1945, № 1—2, стр. 109—110). Работа получила высокую оценку в выступлениях официальных оппонентов и рецензентов проф. С. П. Толстова, проф. С. А. Токарева, проф. М. О. Косвена, проф. В. Н. Заходера, канд. ист. наук Е. С. Зевакина, отметивших, что монография эта по обширности собранного материала и глубине его разработки значительно превосходит требования, предъявляемые к кандидатской диссертации.

В октябре 1944 г. в Совете Среднеазиатского государственного университета защищена диссертация на степень кандидата мл. научн. сотр. Института Л. Б. Панек на тему «Социальные отношения у мтиулов» (автореферат работы см. стр. 35 настоящего выпуска).

* * *

На основании распоряжения СНК СССР (7063 от 29 марта 1944 г.) Институту этнографии приказом Всесоюзного комитета по делам высшей школы от 6 апреля того же года предоставлено право принимать к защите кандидатские и докторские диссертации, присуждать на основании защиты ученую степень кандидата наук и представлять к ученой степени доктора наук.

30 января 1945 г. на заседании Ученого совета Института этнографии состоялась защита диссертации на соискание степени д-ра ист. наук проф. Н. И. Воробьевым на тему «Казанские татары». Эта работа, представляющая собой этнографическое исследование материальной культуры волжских татар, является, как отмечали официальные оппоненты, первым полным трудом на данную тему, созданным в результате 20-летнего исследовательского опыта. Автор использовал в своем исследовании огромное количество разнообразных источников: результаты своих многолетних полевых наблюдений, собрания музеев Ленинграда и Москвы, описания путешественников, старый иллюстративный материал и т. п. Помещенный в конце работы список использованной литературы включает 612 названий работ на русском, западноевропейских и восточных языках. Как отметил проф. С. П. Толстов, к достоинствам работы нужно отнести не только многообразие использованного материала, но и тщательный историко-аналитический подход к нему. Особенно ценны разделы, посвященные истории материальной культуры татар за последнее столетие, дающие анализ влияния капиталистических отношений на культуру и национальную консолидацию татарского народа.

Но наряду с этим проф. С. П. Толстов отметил и недостатки работы, существеннейшими из которых являются нечеткость и непоследовательность в постановке вопросов, связанных с этногенезом татар и происхождением основных элементов татарской культуры. Если в историческом очерке автор совершенно правильно акцентирует вопрос о местных, доболгарских и болгарских истоках татарской культуры, то в дальнейшем он, противореча себе, апеллирует к несуществующей в действительности «общетюркской культуре», отдавая этим дань устарелым взглядам на этот вопрос. Видя истоки основных элементов материальной культуры татар в культуре тюркских кочевников Средней Азии, Казахстана и Сибири, автор объясняет аналогии в культуре других народов Поволжья заимствованиями татарами у волжских финнов, и обратно. В действительности же, подчеркивает проф. С. П. Толстов, во многих элементах материальной культуры волжских татар отчетливо выступает древняя местная основа, впитавшая в себя вместе с кипчакскими этническими элементами разнообразные влияния культуры кочевых племен среднеазиатских и восточноевропейских степей, дополненные мощным влиянием древних среднеазиатских цивилизаций. Однако этот серьезный дефект, не позволяющий принять многих выводов автора, касающихся генезиса татарской культуры и ранних этапов ее истории, не снижает ценности центральной части работы, посвященной истории татарской культуры XVIII—XX вв.

Проф. С. А. Токарев и проф. А. П. Смирнов, отмечая отдельные недостатки работы проф. Н. И. Воробьева, также дали ей общую высокую оценку, считая ее крупным вкладом в изучение культуры народов Поволжья. Ученый совет Института этнографии присудил диссертанту искомую степень доктора исторических наук.

13 марта 1945 г. состоялась защита диссертации старшим научным сотрудником Института канд. этнографии Д. А. Ольдерогге на степень доктора исторических наук. Тема диссертации озаглавлена «Кольцевая связь родов или трехродовой союз (gens triplex)»[1]. Официальные оппоненты — проф. С. П. Толстов, проф. С. А. Токарев, проф. В. К. Никольский. Работа эта посвящена очень важной проблеме, до сих пор почти не затронутой в этнографической литературе и касающейся вопроса об одной из ранних форм родовой организации.

Трехродовая система была до сих пор известна у гиляков, где она описана Л. Я. Штернбергом. Отдельные факты того же порядка были известны и у других народов, но, не систематизированные и не изученные, они почти не возбуждали внимания исследователей. Д. А. Ольдерогге привлек конкретный материал из всех частей света, начиная с наиболее известной «гиляцкой фратрии», переходя к почти неизвестным в широкой литературе фактам из юго-восточной Азии и Индонезии и, наконец, подвергая подробному исследованию многочисленные данные, касающиеся сложных брачно-родственных отношений у племен южной, восточной, центральной и западной Африки. Главная мысль автора: «Кольцевая связь» родов лежит в основе односторонне-кузенного брака подобно тому, как двусторонне-кузенный брак связан с дуально-родовой организацией: эта форма брака, а следовательно, и «кольцевая связь» родов, распространены чрезвычайно широко: пережитки этой кольцевой связи прослеживаются в разнообразных брачно-семейных обычаях, традиционных связях между родами и семьями, в терминологии родства у многих народов и т. д.

Обсуждение диссертации Д. А. Ольдерогге вызвало оживленные прения. Отмечая большие достоинства работы, несомненно дающие право присудить автору ученую степень доктора наук, проф. С. П. Толстов остановился на ряде спорных и недостаточно обоснованных положений автора, в первую очередь на вопросах происхождения и времени возникновения «кольцевой связи» родов, которое автор относит к ступени, близкой к возникновению дуальной организации. Происхождение этой «кольцевой связи» автор видит в стремлении человека в его борьбе с окружающим миром найти формы для объединения большего количества людей в рамках родовой организации. С точки зрения проф. С. П. Толстова это утверждение неверно и близко подходит к старым, получившим жестокую критику в советской литературе теориям, пытающимся вывести происхождение экзогамии из стремления к экономическому объединению. Формулируя свою точку зрения, проф. С. П. Толстов утверждает, что кольцевая связь родов фиксируется у народов, стоящих на последней ступени родового строя; наоборот, у народов, стоящих на более первобытном этапе, распространена классическая форма дуальной организации. Самая система трехродового союза вырастает из развития экзогамных запретов, из преимущественного брака на дочери брата матери, переходящего затем в запрет брака на дочери сестры отца, откуда выходом является появление третьего рода. Оппонент возражал против положения Д. А. Ольдерогге об универсальности трехродового союза, считая, что хотя эта система и имела широкое распространение, но, повидимому, отдельными очагами, традиция же дуальной организации повсюду живет с гораздо большей силой, чем традиция трехродового союза. В отдельных случаях автор переносит понятия, связанные с системой первобытно-брачных норм, на явления совершенно иного, социального порядка. Так, например, он утверждает существование у батаков трехродового союза, тогда как здесь, с точки зрения оппонента, налицо явления родовой клиентэлы, связанной с процессом социальной дифференциации между двумя группами родов.

Несмотря на спорность отдельных положений автора и некоторую недоработку вопроса, оппоненты в своих выступлениях подчеркнули большую ценность представленной работы, в которой автор осветил совершенно неразработанную в науке проблему, свел в систему отдельные разрозненные факты, дав им совершенно новое объяснение. Диссертанту присуждена искомая степень.

О. А. Корбе

ДАГЕСТАНСКАЯ ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ 1944 г.

Экспедиция была организована Институтом этнографии АН СССР и Историческим факультетом Московского университета. Были приняты также отдельные задания от других учреждений — Института художественной промышленности, управления по делам искусств, Музея истории религий, Музея восточных культур.

[1] Тезисы диссертации см. стр. 23 настоящего выпуска

Состав экспедиции: руководитель Е. М. Шиллинг; участники — питомцы Исторического факультета: аспирантка при кафедре этнографии З. Никольская, окончившие курс по специальности — «Этнография Кавказа» О. Плужникова и Т. Пригоникер, студентка 5-го курса (специализирующаяся по этнографии Кавказа) Л. Зверева и семь студенток 3-го и 4-го курсов (большинство которых также избрало своей специальностью кавказскую этнографию): К. Козлова, Ю. Иванова, Д. Лурье, Г. Табунова, Л. Трещенкова, В. Попова и И. Гроздова. В качестве художницы при экспедиции работала ученица Московской художественной школы Е. Шиллинг. К экспедиции был прикомандирован заместитель директора Дагестанского научно-исследовательского института истории, языка и литературы, кандидат филологических наук М. Сандов, который вместе с экспедицией проделал полный маршрут и тщательно проверил все наши терминологические записи, сделанные на аварском языке.

Экспедиция работала 48 дней. Маршрут: Махач-Кала — Тарки — Буйнакск — Дербент; Гунибский район (Гуниб, Чох, Сугратль), Хунзахский район (Хунзах, Хини, Байтль, Батлаич, Накитль, Тануси, Гоцатль, Сиух, Итля, Гонох, Обода), Кахибский район (Урада, Тлях, Тидиб, Хотода).

По окончании рейса сотрудники вернулись в Москву, а Е. М. Шиллинг совершил выезд в Маджалис и Кубачи.

Экспедиция имела три основных задачи: а) монографическое изучение, с точки зрения этнографии, одного из аварских нагорных районов; б) изучение художественной культуры дагестанских горцев; в) установление связи с местными работниками.

Для выполнения первой задачи был избран Хунзахский район, как база, и дополнительно некоторые пункты смежных с ним районов — Гунибского (Чох, Сугратль) и Кахибского (Гидатль). Необходимо отметить, что во всех этих районах среди наших информаторов (местных жителей, от которых записывались этнографические сведения) были старики и старухи в возрасте свыше 100 лет. За немногими исключениями все они бодрые, здоровые и даже трудоспособные. Долголетие здесь, как обнаружилось, явление весьма частое. По моим наблюдениям горная Авария в этом отношении оставляет за собой позади даже прославленную страну долголетних — Абхазию. Мы не раз беседовали с людьми, лично видавшими Шамиля. В Чохе старик 106 лет бьет из ружья без промаха птицу налету. 115-летняя Зада Эльдарова в Хунзахе утомила нас своими рассказами о третьем имаме, с которым неоднократно встречалась. 100-летний старик в Снухе познакомил членов экспедиции со своей невестой, женщиной 40 лет. Помимо этнографических записей, сделанных от таких осведомителей, экспедиция собрала некоторые материалы и относительно фактов долголетия.

Более или менее стационарную работу (25 дней) удалось провести в Хунзахе и в ряде основных поселений Хунзахского плато.

Здесь были собраны материалы по годовому сельскохозяйственному кругу. Примитивное легкое пахотное орудие («пуруц») с дугообразной планкой в задней части пяты, распространенное в Хунзахском, Гунибском, Гергебильском районах, а также в Гидатле, представляет собой своеобразный вид, примыкающий, однако, к «общекавказскому» типу, который, как показал Г. С. Читая, восходит к древнемесопотамскому «плугу-мотыге». Комплекс чабанского обихода на Хунзахском плато оказался менее архаичным, чем это имеет место, например, на территории Даргинского нагорья.

Из домашних и кустарных производств была изучена обработка кожи, шерсти, конопли, шелка, камня, дерева и металла. Ткацкий стан во всех случаях (при тканье шерсти, конопли и шелка) представляет собой одну и ту же, так сказать, «ковровую» конструкцию, более простую, чем ткацкий стан западной половины Северного Кавказа. Здесь это рама в наклонном положении с основой, которая, будучи целиком заткана, режется и дает ткань, длина коей равна удвоенной высоте рамы; челнока нет; бердо заменяется пребнем; зев образуется ручным передвижением планки.

Большое внимание было уделено изучению построек. Экспедиция осмотрела до 100 дворов и детально описала и обмерила до 30 дворов. Добытый материал позволяет разбить постройки на три основных типа: 1) дома-дворцы Чоха; тут, мне кажется, пережиточно сохранилась та самая традиция каменного зодчества, остатки которой в с. Кубачи представлены так называемыми «албанскими» рельефами, но которая в самом селении Кубачи уже утратилась; 2) сакли Хунзахского плато, в основном примыкающие к «общедагестанскому» типу; по сравнению с даргинским домом они менее архаичны, но так же, как у даргинцев, сохраняют следы поздней дифференциации первичного однокомнатного жилища с очагом; 3) башни и старинные дома Гидатля; эти последние с историко-этнографической точки зрения представляют исключительный интерес. При сравнении их можно поставить в один ряд

с постройками Верхней Сванетии или с домами хевсур. Самые предания о них носят черты чрезвычайной давности (стены цементировались ржаной мукой, замешанной на крови пленников).

Гидатлинский дом в его исконном виде имеет одну комнату (продолговатый в плане зал, с площадью до 150 кв. м) со срединным очагом, расположенным, однако, не в центре, и массивным деревянным амбаром вдоль стены, расположенной против окон. Под амбаром подземелье, снабженное врытыми в землю большими глиняными кувшинами. По лицевой стороне амбара идут колоссальные деревянные столбы, покрытые резьбой и служащие оригинальным украшением внутренности жилища. В планировке этого дома, мебели и утвари, в его оборонительных приспособлениях и бытовых чертах сказывается устойчивая традиция, вскрывающая картину пережитков древнего тухумного строя.

Значительные материалы собрала экспедиция по темам «пища» и «одежда». В отношении одежды необходимо сделать несколько замечаний: а) общий аварский женский национальный костюм (платье-рубаха туникообразного покроя) в Хунзахском районе подвергся известным влияниям, шедшим, как мне кажется, со стороны шамхальства Тарковского и знаменовавшим аваро-кумыкские связи; б) некоторые особенности представляет собой гидатлинский вариант аварского женского костюма (серебряные, круглые, небольшого размера, височные бляхи филигранной техники; тяжелые ременные пояса, густо усеянные оловянными шляпками); в) выяснилось, что в прошлом при текстильном голоде (при недостатке в Нагорном Дагестане своих растительных тканей) для одежды употреблялась самодельная конопляная материя; г) среди одеяний культового характера нами был тщательно описан, измерен и сфотографирован целиком и в деталях хранящийся в Хунзахе полотняный халат, приписываемый Абу-Муслиму. Он весь испещрен арабскими надписями и набойчатым орнаментом. Это весьма древний и уникальный предмет. Надписи халата, по моей просьбе, скопировал М. Сандов, а небольшой кусочек ткани был взят в Москву для технологического анализа.

Все темы по материальной культуре разрабатывались нами комплексным методом. Собирая материалы по жилищу, одежде, пище и т. п., каждый участник экспедиции записывал, кроме того, относящиеся к теме сведения и из области обычаев, адатов, общественных установлений. Таким образом были собраны сведения по семейному быту, свадьбе, родильным и похоронным обрядам, воспитанию детей, положению женщины, правилам поведения и другим бытовым адатам, кровной мести, обычаям гостеприимства, пережиткам родового строя, следам матриархата (обычай возвращения в дом матери при рождении ребенка; дарение бабкой по матери люльки первому внуку), военному быту и т. д.

Особо была выделена тема по религиозным верованиям. Сюда вошли записи по местному варианту ислама, космогоническим воззрениям, почитаемым местам, обрядам для вызова дождя, обычаю весенней обрядовой запашки, гаданию, знахарству, приметам и амулетной магии. Приобретено до 20 амулетов (от «сглаза», оспы, желтухи, от «семи болезней», от укуса змей, амулет родильницы, приворотный талисман, амулет на маслобойку, на подойник, амулеты на женский головной убор и др.).

Среди записанных экспедицией преданий исторического характера особенно интересны легенды о происхождении аулов и хунзахская версия о трех имамах (Кази-Магомете, Гамзате, Шамиле) и Хаджи-Мурате. До настоящего времени у хунзахцев сохранилось оппозиционное отношение к имамам. Могила Гамзата в Хунзахе почитается лишь пришельцами из других районов, хунзахцы к ней относятся равнодушно (были даже с их стороны случаи поругания).

Все собранные экспедицией материалы дают возможность составить этнографическую монографию, посвященную аварцам хунзахского плато, с привлечением сравнительных и дополнительных данных по быту аварцев соседних районов. Естественно, бóльшее внимание нам пришлось уделить изучению сторон материальной культуры, менее освещенных существующей литературой, которая, как известно, в большинстве случаев уделяла внимание описанию обычаев, адатов, юридических норм и других явлений из области так называемой «духовной культуры».

По второй основной задаче экспедиции (собиранию материалов по художественной культуре дагестанских горцев и художественным производствам) проделана была следующая работа.

К у б а ч и. Обследовано современное положение артели. В связи с постановлением Совнаркома РСФСР об организации в с. Кубачи музея и школы ФЗУ мной была проведена здесь значительная работа. Были произведены также опыты по гравировке на целлулоиде. Собрано до 100 эстампажей с кубачинских резных камней. Приобретена небольшая коллекция по резному дереву и резному камню. Собраны дополнительные материалы по истории общественного строя с. Кубачи.

Все перечисленное является в значительной мере лишь дополнением к моим предыдущим работам в с. Кубачи. В отчетную экспедицию я обратил внимание на терминологию имеющихся в кубачинских жилищах «антиков». Выяснилась довольно развитая традиция по местной классификации «древностей» не кубачинского происхождения, которыми кубачинцы раньше торговали и часть которых (как, например, вещи из Ирана или Месопотамии) оказывали влияние на творчество кубачинских мастеров.

Унцукуль. С унцукульскими мастерами, приехавшими в Махач-Кала, я провел работу по анализу орнамента унцукульской насечки и установил кроме известных мне ранее пяти типов орнамента еще девять. Ко всем типам орнамента записана терминология. В беседах с унцукульскими мастерами я выяснил ряд вопросов о современном состоянии унцукульской артели.

Балхар. Проведена работа с балхарскими мастерицами-гончарками, работающими в одной из артелей в Махач-Кала. Мариан Чупанова и Хамис Ибрагимова сделали акварельными красками на бумаге до 60 оригинальных рисунков керамического орнамента. При этом они обнаружили большие композиционные способности как в отношении крупных композиций, так и в отношении миниатюр, и быстро и удачно освоились с многокрасочностью (при росписи своей керамики они применяют лишь два тона, а в данном случае пользовались полным набором акварельных красок). С ними же я выяснил наличие в балхарском орнаменте 12 основных элементов. Была записана терминология этих элементов. Среди элементов орнамента имеются мотивы животного стиля — птица, крыло и др. Теперь можно бы поставить вопрос о создании в ауле Балхар художественной керамической артели.

Кази-Кумух. С имеющимися в Махач-Кала казикумухцами-серебряниками я изучил технику лакского златокузнечества и лакский ювелирный орнамент. Записаны термины как технических приемов, так и видов орнамента. Все это представляет большой интерес для сравнения с искусством кубачинских златокузнецов. В лакском мастерстве имеются, оказывается, черты сходства с кубачинским, но имеется много оригинального. Зафиксировано 8 типов орнамента, к ним записана терминология. Из технических приемов особенно интересна техника «ровров» — своеобразная линейно-волнистая обработка серебра, не встречающаяся в таком виде у кубачинцев. По моему заказу изготовлено было 4 таблицы орнамента. Я собрал также сведения о лучших современных казикумухских мастерах, живущих в Казикумухе, а также рассеянных по городам. Своевременно поставить вопрос о возрождении казикумухского златокузнечества и организации артели.

Чохско-Сугратлинские скульпторы. В Чохе и Сугратле изучено творчество местных скульпторов — Омара Мусалалиева, Магомеда Муртазалиева и др. Собраны сведения об их творческих работах (монументальные скульптуры), на которые, как оказывается, имеется большой спрос в нагорных колхозах Дагестана. По заказу колхозов эти мастера выполнили ряд крупных скульптур (фигуры Ленина, Сталина, Кирова и др.), которые сейчас красуются в Гунибе, Ури, Мегебе, Сугратле, Чохе и др. Можно поставить вопрос о поддержке этих творческих работ и об обучении мастерами местных подростков. Традиция скульптурных работ по камню в Чохе и Сугратле имелась и в прошлом.

Гоцатль. В аварском ауле Гоцатль Хунзахского района нами было обнаружено неизвестное в литературе значительное гнездо производства медночеканной орнаментированной утвари. Часть гоцатлинских мастеров работает также в аулах Батлаич и Уздал-Росо. Экспедиция зарегистрировала всех мастеров (до 10 человек), записала их биографии. Кроме того, изучена была техника самого производства, описаны мастерские. Основной вид этой техники — холодная ковка на передвижных наковальнях, распространенная и в других местах Кавказа. Безусловно оригинальным является гоцатлинский орнамент. Нами установлены нормы местного художественного канона (орнаментации кувшинов). Стиль узора распадается на две разновидности: а) растительная орнаментация гравировкой и чеканкой, б) другой вид орнамента более архаичного типа, имеющий, может быть, связи с древнеаварской петрографикой. Собран богатый материал по гоцатлинскому орнаменту (до 200 эстампажей), позволяющий произвести анализ художественных приемов. Приобретено несколько образцов изделий (орнаментированные кувшины). Здесь также можно поставить вопрос о создании артели.

Хунзахские ковры. На Хунзахском плато обнаружен весьма мощный и самобытный очаг производства прекрасных ковров. Кроме изучения техники ткачества, экспедиция собрала большой материал по ковровому орнаменту с фиксацией его основных элементов. В изобразительных мотивах этого ковроткачества значительную роль играют изображения животных. Записана терминология орнамента. Создание ковровой артели и здесь дело вполне возможное.

Гидатлинское серебро. В гидатлинском ауле Тлях обнаружен неболь-

шой очаг художественной обработки серебра (гравировка, чернь, скань). Здесь производятся женские височные бляхи, браслеты, серебряные украшения на головной убор и др. Приобретено до 10 образцов тляхских серебряных изделий; изучена техника производства. Помимо местных оригинальных черт прослеживаются далекие кубачинские влияния.

Куяда. Эта группа аулов Гунибского р-на (не посещенная экспедицией) является очагом распространения по всему Хунзахскому плато резной деревянной утвари с оригинальным орнаментом растительного и геометрического стилей. Экспедиция приобрела небольшую коллекцию образцов этой утвари.

Резные камни Гидатля. В Гидатлинских аулах нами было обнаружено неисчерпаемое богатство резьбы по камню (в стенах и на фасадах построек). Орнаментика и изобразительные мотивы этой резьбы представляют большой научный интерес. Здесь проявляется очень архаичное и древнее по происхождению искусство. Экспедиция сделала до 50 зарисовок. Более детальное и углубленное изучение этой петрографики — дело будущего. Среди изображений преобладают различного вида спирали, ряд вариантов так называемого критского лабиринта, изображения руки с начертанным в ней крестом, разнообразные изображения крестов и т. д. По технике резьба в большинстве случаев примитивная — линейная или точечная. Часть этих изображений носит следы христианства. Кстати заметим, что сравнительно недалеко от Гидатля находится древний христианский храм, так называемая Датунская часовня.

Все материалы по художественной культуре дагестанских горцев, собранные экспедицией, дают возможность составить на эту тему специальный очерк, со значительным количеством иллюстраций. Из этой работы вытекает и ряд выводов практического характера, о которых мы говорили выше. Следует добавить, что в сверхплановом порядке экспедиция провела некоторую работу по делу охраны памятников старины. Так, описан, измерен и сфотографирован Датунский храм; установлена сохранность знаменитых резных деревянных дверей в ныне необитаемом ауле Кала-Корейш. Приняты меры, чтобы эти двери были перевезены в с. Кубачи.

По третьему заданию экспедиции — установлению связи с местными работниками экспедиция проработала ряд проблем, связанных с подготовкой Институтом этнографии к печати справочника «Народы мира» (по разделу «Народы Дагестана»). Удалось договориться с местными авторами, которые согласились дать статьи к готовящемуся III тому — «Народы Кавказа». В этом деле большое содействие оказал Дагестанский научно-исследовательский институт, сотрудниками которого является большинство авторов. В архиве Института я сделал выборки из ряда рукописей, в частности из интересной рукописи Башира Далгата «Бытовые адаты даргинцев».

Большую помощь экспедиции оказало правительство Дагестанской Автономной ССР.

Е. М. Шиллинг

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ РАБОТА ИНСТИТУТА ЭТНОГРАФИИ

В 1944 г. Институтом после трехлетнего перерыва возобновлено его основное издание — «Советская этнография». В течение года сдан в Редакционно-издательский совет АН СССР том VI—VII, ввиду большого объема — 40 авторских листов — данный сдвоенным номером. Сборник содержит в основном статьи и материалы по этногенезу славян и этногенезу народов Средней Азии, представляющие собой обработку докладов, сделанных на сессиях Института в Москве и Ташкенте в 1943 г. Сборник включает также ряд исследований по этнографии и антропологии СССР и зарубежных стран, среди которых следует отметить статьи академика В. В. Струве, академика Н. С. Державина и работы двух австралийских ученых Джоли и Роз, посвященные разработке учения Моргана на материале Австралии. Значительное место в сборнике уделено советской и зарубежной хронике, а также критике и библиографии.

Этим томом заканчивается серия сборников «Советская этнография». С 1946 г. возобновляется журнал «Советская этнография», не выходивший с 1938 г. Журнал утвержден к выпуску 4 раза в год по 15 печатных листов в каждом номере. В редколлегию журнала входят: ответственный редактор — проф. С. П. Толстов, заместитель ответ. редактора — М. Г. Левин, члены редколлегии: чл.-корр. АН СССР А. Д. Удальцов, Н. А. Кисляков, М. О. Косвен, П. И. Кушнер, Н. Н. Степанов.

Институтом подготовлен и сдан в печать очередной выпуск сборника Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого. Возобновление этого издания, завоевавшего заслуженное признание со стороны как советских, так и зарубежных этно-

графов и прерванного годами войны, несомненно, будет встречено с большим удовлетворением научными кругами. За годы перерыва, несмотря на исключительно тяжелые условия, в которых находился Музей во время блокады Ленинграда, накопился большой и ценный научный материал, требующий скорейшего опубликования.

Сданы в печать два тома Трудов института этнографии, объемом по 25 авторских листов каждый. Один из этих томов посвящен памяти умерших в 1943 г. крупнейших американских ученых: этнографа и лингвиста Франса Боаса и антрополога Алеша Грдлички, которым в настоящем выпуске «Кратких сообщений» также отведены специальные статьи. Материалы, помещенные в этом томе Трудов института, относятся к тематике работ покойных ученых: это проблемы этнических и антропологических связей Северной Азии и Северной Америки, проблема становления современного человека, общие и частные вопросы этнографии и антропологии Северной Азии.

Другой том Трудов института этнографии посвящается памяти одного из зачинателей русской антропологии, географии и этнографии Д. Н. Анучина. Сборник включает статьи и материалы, связанные с тематикой работ этого выдающегося русского ученого как по этнографии и антропологии, так отчасти и по археологии [1].

В той же серии Трудов Института этнографии печатаются еще две работы, представляющие большой интерес. Одна из них — работа проф. Г. Ф. Дебеца «Палеоантропология СССР» — представляет собой первую и единственную сводку палеоантропологического материала на территории нашей страны. Автор, известный своими исследованиями по краниологии древнего населения, дает в этой работе итог своих многолетних трудов.

Вторая из упомянутых работ — I часть монографии А. А. Попова «Нганасаны», первого этнографического описания нганасанов, основанного на материалах, собранных автором во время его двухлетней экспедиции на Таймырский полуостров в 1936—1938 гг. (см. автореферат работы, стр. 37 настоящего выпуска «Кратких сообщений»).

В портфеле Института имеется ряд готовых работ отдельных авторов — Н. Н. Степанова, И. И. Зарубина и др. Укажем еще на подготовленный к печати труд академика В. Ф. Зуева «Описание живущих в Сибирской губернии в Березовском уезде иноверческих народов остяков и самоедов», являющийся одной из классических русских этнографических работ XVIII в.

СОДЕРЖАНИЕ СДАННЫХ В ПЕЧАТЬ СБОРНИКОВ ТРУДОВ ИНСТИТУТА ЭТНОГРАФИИ

1. СБОРНИК «СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ», Т. VI—VII

I. Проблемы этногенеза

А. Д. Удальцов. Основные вопросы этногенеза славян.
Т. С. Пассек. К вопросу о древнейшем населении Днепровско-Днестровского бассейна.
С. П. Толстов. Из предистории Руси.
М. Н. Тихомиров. Происхождение названий «Русь» и «Русская земля».
Б. А. Рыбаков. Поляне и северяне.
Н. С. Державин. Кралевич Марко и Илья Муромец.
В. В. Струве. Арийская проблема.
Л. А. Мацулевич. Аланская проблема и этногенез Средней Азии.
А. Н. Бернштам. Древнейшие тюркские элементы в этногенезе Средней Азии.

II. Материалы и исследования по этнографии и антропологии СССР

В. Н. Чернецов. К истории родового строя у обских угров.
М. Г. Левин. О деформации головы у туркмен.

III. Материалы и исследования по этнографии и антропологии зарубежных стран

П. Джоли и Ф. Роз. Место туземцев Австралии в эволюции общества.
Они же. Значение табу в первобытном обществе.
М. Левин. К антропологии эскимосов.

IV. Из истории русской этнографии

А. И. Андреев. Вновь открытая рукопись А. Н. Радищева по этнографии Сибири.

V. Справочный отдел

Л. Э. Каруновская. Этнографический очерк Индонезии.
Д. А. Ольдерогге. Северная Африка.

VI. Заметки

М. Левин. Роды «карындаш» у алтайцев.

---

[1] Содержание перечисленных сборников см. ниже.

VII. Критика и библиография

Д. К. Зеленин. Обзор рукописных материалов ученого архива Всесоюзного Географического общества о народах Прибалтики (литовцы, латыши, эсты).
Е. Р. Бинкевич. Лужичане (материал к библиографии).
М. Левин. Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры, т. IX,
С. Киселев. Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры, т. X.
М. Левин. Е. В. Жиров. Разновидности брахикефалии.
Я. Я. Рогинский. Н. Н. Миклуха-Маклай. Путешествия.
И. Ильин. С. Забелло, В. Иванов, П. Максимов. Русское деревянное зодчество.
А. Н. Бернштам. К. Рахматулин. Великий патриот — легендарный Манас.
С. А. Токарев. А. П. Окладников. Исторический путь народов Якутии.
М. Левин. М. Косвен. Матриархат.
М. Косвен. Robert Redfield. The folk culture of Yukatan.

VIII. Хроника

ПО СОВЕТСКОМУ СОЮЗУ

Елена Николаевна Елеонская (к 70-летию со дня рождения).
Сессия по этногенезу Средней Азии.
Е. М. Пещерова. Отчет о поездке в Карши, Шахрисябз и Китаб.
А. Быковская. Государственный музей этнографии в дни Отечественной войны.
А. Н. Бернштам. Этнографическая работа в Киргизии.
И. Такоева. На освобожденной земле.
Сессия, посвященная 100-летию со дня рождения *Д. Н. Анучина.*
А. Н. Максимов (некролог).

ЗАРУБЕЖНАЯ ХРОНИКА

М. Г. Левин. Второй международный съезд антропологов.
В. Никольский. Открытие в Северной Бразилии неизвестного индейского племени дулуди.

2. ТРУДЫ ИНСТИТУТА ЭТНОГРАФИИ

Сборник памяти А. Грдлички и Ф. Боаса

Содержание

От редакции. Памяти А. Грдлички и Ф. Боаса.
Я. Я. Рогинский. Некоторые проблемы позднейшего этапа эволюции человека в современной антропологии.
Н. Н. Чебоксаров. Основные направления расовой дифференциации в Восточной Азии.
М. Г. Левин. Антропологические типы Охотского побережья.
Г. Ф. Дебец. Селькупы. Антропологический очерк.
В. В. Гинзбург. Об увеличении размеров тела человека в периоде возмужалости
Ю. П. Аверкиева. Пережитки материнского рода у индейцев квакиютль.
А. И. Блинов. Партнерство (к вопросу о ранних формах экономического обмена)
Н. Ф. Яковлев. Древние языковые связи Евразии и Америки.
Г. М. Василевич. Древнейшие языковые связи современных народов Азии и Европы.
С. И. Руденко. Древние наконечники гарпунов азиатских эскимосов
А. В. Збруева. Луговской могильник.
А. А. Попов. Получение шаманского дара у якутов бывшего Вилюйского округа.
М. В. Степанова. И. Вениаминов как этнограф.

3. ТРУДЫ ИНСТИТУТА ЭТНОГРАФИИ

Сборник памяти Д. Н. Анучина

Содержание

М. Г. Левин. Д. Н. Анучин.
С. И. Толстов. Д. Н. Анучин — этнограф.
С. В. Киселев. Д. Н. Анучин — археолог.
А. В. Збруева. Идеология населения Прикамья в Ананьинскую эпоху.
А. В. Арциховский. Лыжи на Руси.
М. Г. Рабинович. Вооружение новгородского войска в X—XV вв.
В. В. Федоров. Роговая рукоять кремневого орудия из Мезинской палеолитической стоянки.
В. Н. Чернецов. К вопросу о проникновении восточного серебра в Приобье.
С. А. Токарев. Пережитки родового культа у алтайцев.
К. В. Кудрявцев. Местоположение центров половецких кочевий в Северном Причерноморье в XII в.
Л. П. Потапов. Обряд оживления шаманского бубна у тюркоязычных племен Алтая.
В. Н. Белицер. К вопросу о происхождении бесермян (по материалам одежды).
Т. А. Трофимова. Антропология сибирских татар.
М. С. Акимова. Население фатьяновской культуры по антропологическим данным.
Я. Я. Рогинский. Закономерности пространственного распределения групп крови у человека
Н. Н. Чебоксаров. Ильменское поозерье.

4. СБОРНИК МУЗЕЯ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ имени ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Н. П. Дыренкова. Телеутские бубны в коллекциях МАЭ.
В. В. Антропова. Старинные камчадальские сани.
Г. М. Василевич. Корытообразная парта сымских эвенков.
А. А. Попов. Старинная якутская берестяная юрта.
В. Н. Чернецов. Рисунки Николая Шахова, изображающие быт остяков и вогулов.
Н. Ф. Прыткова. Металлическая культовая посуда у югров.
В. В. Ёкимова. Среднеазиатские кувшины для растительного масла.
А. Н. Юзефович. Население Ладоги в XI и XVII вв.
В. В. Гинзбург. Е. В. Жиров. Антропологические материалы из Кенкольмского катакомбного могильника в долине р. Талас Киргизской ССР.
Е. В. Жиров. Костяки из каменных ящиков Крыма.
Е. В. Жиров. Черепа из Зороастрийских погребений в Средней Азии.
В. В. Гинзбург. Черепа из Зороастрийского кладбища XIII в. в Фринкенте.
В. В. Гинзбург. Антропологические материалы из раскопок на р. Маныч.
М. Г. Левин. Краниологические типы чукчей и эскимосов (в связи с вопросами этногенеза северо-восточной Азии).
А. Н. Юзефович. К антропологии турок.
А. Н. Юзефович. К краниологии долган.

О. К.

ВЫСТАВКА «РУССКАЯ НАРОДНАЯ ОДЕЖДА»

В Музее народов СССР функционирует выставка «Русская народная одежда». Выставка является первым выходом Музея из состояния консервации. Задачи Музея в настоящее время: показ в экспозиции культуры и быта народов СССР на основе этнографических коллекций, хранящихся в Музее начиная с этнографической выставка 1867 г.

В небольшом введении характеризуются основные этнографические группы русских: деление на северных, южных и средних великоруссов на основании диалектологических и бытовых особенностей.

В первом зале выставки собран материал, дающий представление об одежде северных великоруссов (Костромской, Ивановской, Калининской, Ярославской, Новгородской, Архангельской, Вологодской, Молотовской областей).

На образцах крестьянской северновеликорусской одежды, состоящей из рубашки с прямыми поликами, сарафана и кокошника, можно видеть семейные, возрастные, социальные различия, которые отражались в народной одежде. Одежда городских слоев дана здесь в старинных образцах, относящихся к купеческому быту конца XVIII — начала XIX вв. и поражающих богатством шелковых и парчевых тканей и головных уборов, украшенных жемчугом и золотошвейной работой; по своей форме эта одежда, однако, мало чем отличается от крестьянской одежды северовеликорусских областей. Подобная одежда — рубашка, сарафан и кокошник — была распространена в аристократических слоях Московского государства XVI—XVII вв. и является русской национальной одеждой.

На материале первого зала можно видеть различные формы русского сарафана: 1) Псковский «шушун» — одна из наиболее старых форм косоклинного сарафана из красного домотканного сукна с широкими проймами и фальшивыми рукавами. 2) «Китаешники» и «кумачи» — косоклинные сарафаны из синей или красной бумажной материи с широкими или узкими проймами и застежкой спереди из ряда оловянных или медных пуговиц. 3) «Круглый» сарафан прямого покроя из набойчатого холста или шелковой ткани.

Богата коллекция головных уборов: «повязки», «ленты», «коруны», «венцы» — представляют серию девичьих головных уборов; женские головные уборы представлены «сороками» (с «позатыльником») Калининской, Новгородской и других областей, «самшурой» (из б. Пермской губ.), большими кокошниками из северо-восточных областей (Костромская, Ярославская, Горьковская области), новгородской «кикой», псковским «кокошником», украшенным шишкообразными выступами, выложенными перламутром повойниками, богато орнаментированными вышивкой золотом, и др.

Во втором зале выставки продолжен показ северовеликорусских областей. Затем даны средние великорусские области и своеобразные русские этнографические группы. Здесь размещены материалы Горьковской, Саратовской, Московской и Смоленской областей. Московская область представлена комплексом женского праздничного костюма конца XIX в. (из б. Верейского у. Московской губ.), соединяющего черты покроя одежды северных и южных великоруссов. Смоленская область характеризуется элементами, имеющими много общего с бытом белоруссов (головной убор «наметка» и др.).

В центре зала помещена одежда уральских казаков, которую носили в начале XIX в., но надевали и значительно позднее как парадную одежду. В основном это северовеликорусский комплекс с некоторыми локальными особенностями (например, своеобразная форма женского головного убора). В мужском костюме (состоящем из рубахи, широких штанов, «бешмета» и «чекменя» — верхней суконной одежды) наряду с русскими много восточных элементов.

Своеобразна одежда одной из групп русских поселенцев, живущих на Алтае, потомков беглых старообрядцев, поселившихся там в XVIII в. Как женская, так и мужская одежда этой группы отличаются богатством орнаментации.

В этом же зале начинается показ одежды южных великоруссов (Брянской, Калужской областей): женской одежды, состоящей из рубашки с косыми поликами, клетчатой поневы и рогатого головного убора; мужской одежды, состоящей из рубахи, штанов русского покроя, верхней одежды из серого домотканного сукна и шапки-валенки. Коллекция самодельных кукол Калужской области отражает народную одежду этой местности.

Третий зал посвящен южновеликоруссам Рязанской, Тамбовской, Пензенской, Воронежской, Орловской, Тульской областей. Одежда этих мест отличается яркостью красок и обилием вышитых, тканых и бисерных украшений.

Хорошо представлена Рязанская область: 1) костюм однодворческих групп южных районов области, состоящий из рубашки с отложным воротником, сарафана (или полосатой шерстяной юбки, аналогичной белорусскому «андараку») и кокошника. 2) Праздничный женский костюм «Богословщины», Михайловского района, характеризуется рогатой «кичкой» и «желтиком» — одним из видов женской южновеликорусской домашней одежды туникообразного покроя. 3) Северные районы Рязанской области, населенные «русской мещерой», представлены комплексом одежды невесты из села Мелихово. Богато представлена одежда «русской мещеры» Пензенской области. Типична для этих групп тяжелая полосатая или синяя понева. Одежда Орловской и Воронежской областей при сохранении старинных элементов в покрое отражает влияние городской культуры (замена вышивки аппликацией из лент, использование фабричного материала яркой расцветки, употребление покупного кружева, шнура, пуговиц в качестве украшений, замена бисера стеклярусом и даже бусами елочных украшений). В витринах расположены коллекции южновеликорусских уборов: «сороки» с рогатыми или лопатообразными кичками, большими бисерными позатыльниками и украшениями в виде селезневых и павлиньих перышков, «пушков» — шариков из гусиного пуха и т. д.

Заключительной темой выставки представлено русское народное художественное творчество, связанное с украшением одежды и тканей. Здесь даны старинные кружева из золотой и серебряной нити; образцы «русских» кружев из льняных ниток, плетеных при помощи «коклюшек» (вологодские и елецкие кружева). Вышивка севера РСФСР представляет богатый мир животных, птиц, людей, растений. Южновеликорусская вышивка дает разнообразные виды геометрического орнамента. Наряду со старинными образцами дана вышивка современных строчевых артелей, где используются старинные приемы вышивания (по счету нитей холста, без канвы), народные орнаментальные мотивы и вновь созданные. В значительном количестве представлены русские золотошвейные работы: вышитые очелья «сорок», «позатыльники», платки, косынки и пр. Наряду с вышивкой ремесленных, промысловых центров (например, Торжка Калининской области) представлены работы русских крестьянок, покрывавших золотой нитью фигурки коней, птиц на праздничных или свадебных одеждах.

Русское узорное ткачество с его «браной» и «закладной» техникой демонстрируется образцами поясов, узорных концов полотенец и частей одежды.

Искусство окраски тканей иллюстрируют образцы русской народной набойки и набойные доски.

Кроме текстильных образцов на выставке даны предметы русского изобразительного искусства из дерева, кости, глины. Сюжеты их перекликаются с орнаментикой вышивки: изображения коней, всадников, женских фигур, растений, фантастических животных и птиц имеются в образцах домовой резьбы, в резьбе на деревянной русской утвари, в образцах прялок, гребней и донцев, в росписи по дереву, в берестяных туесах и лубяных изделиях, в скульптуре, глиняной русской игрушке и т. д.

Выставка является основой, на которой в дальнейшем должен быть создан русский отдел Музея, имеющий целью всесторонний показ русской народной культуры.

Г. С. Маслова

BOAS FRANZ. RACE, LANGUAGE AND CULTURE. NEW YORK, 1940

Книга представляет собой как бы сводку научной деятельности крупнейшего американского этнолога, ныне покойного Франса Боаса. В ней он выступает как антрополог, лингвист и этнограф. В книге опубликованы статьи, написанные автором в различные периоды его жизни и характеризующие его общетеоретические взгляды в указанных трех областях знания. В связи с этим в книге опубликованы только те работы Боаса, в которых он высказывал свои методологические установки.

Книга состоит из трех почти равных частей, озаглавленных «Раса», «Язык», «Культура». В первой части опубликован ряд работ Боаса по антропологии и антропометрии. Таковы статьи: «Раса и характер» (1932), «Связь между физической и социальной антропологией» (1936), «Влияние наследственности и среды на рост» (1913), «Раса и прогресс» (1931) и др. Во второй части книги автор дал свои лингвистические статьи, как то: «Классификация языков американских индейцев» (1929), вводную статью к «Международному журналу американской лингвистики» (1917), «Классификация американских языков» (1920). В этих статьях Боасом высказаны его теоретические взгляды и общие принципы изучения и классификации языков Америки. В конце второй части книги помещены статьи, характеризующие конкретное применение этих принципов при изучении индейских языков. Таковы «Некоторые черты языка Дакота» (1937) и «Метафорические выражения в языке квакиютль».

Третья часть книги, «Культура», состоит из статей, трактующих вопросы методологии этнографии. Таковы статьи: «Цели антропологического исследования» (1932) (причем антропология понимается здесь в широком смысле, в нее включены кроме физической антропологии и этнография и языковедение); «Некоторые вопросы методологии общественной науки» (1930), «Метод этнологии» (1920), «Эволюция или диффузия» (1924), «Происхождение тотемизма» (1910) и др. В этой же части помещена весьма интересная для нас статья «Связь между северо-западной Америкой и северо-восточной Азией», написанная Боасом в 1933 г. и помещенная в книге «American Aborigines, their origin and antiquity», вышедшей в Торонто в 1933 г. под редакцией канадского ученого D. Jenness. В этой статье автор писал об азиатском происхождении американского человека и сделал попытку определить время его переселения и уровень его культуры в этот период. В этой части книги Боас выступил и как ученый-фольклорист, положивший начало изучению фольклора американских индейцев. В рецензируемой книге опубликовано несколько его статей по этому вопросу: «Развитие легенд и мифов» (1916), «Развитие индейских мифологий» (1895), «Распространение сказок среди туземцев Северной Америки (1891) и др.

Ю. Аверкиева

НОВАЯ ЛИТЕРАТУРА ПО ЭТНОГРАФИИ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Simpson Lesley Byrd. Many Mexicos. N. Y. 1941, стр. 336.

Книга представляет собой плод двенадцатилетних исследований профессора Калифорнийского университета Simpson'a по истории завоевания и освоения Мексики. Автор использовал материалы архивов Мексики и Гватемалы, освещающие ранний период Испанской Мексики. В книге описывается и современное состояние Мексики. Написана она живым, литературным языком.

Parr Mc Kew Charles. Over and above our Pacific. N. Y. 1942. Стр. 274.

В книге даны впечатления от посещения Гавайи, Гуама, Филиппин и других

островов Тихого океана во время путешествия автора из Сан-Франциско в Гонконг незадолго до нападения Японии на Пирл-Харбор.

Автор — американец-делец, и его интересует главным образом экономическая и общественная жизнь, а также политическая атмосфера тихоокеанских колоний. Попутно он дает описание социальных отношений, быта и нравов и общего положения населения посещенных стран.

Книга снабжена многочисленными фотоиллюстрациями.

Adams James Truslow. Altas of American History. N. Y. 1943. Стр. 359.

Автор дал атлас — собрание карт, демонстрирующих открытия, военные действия, освоение территорий, расселение, пути сообщения Соединенных Штатов на протяжении всей их истории. Порядок расположения хронологический. Около 40 карт посвящены открытию, завоеванию и колонизации Америки XV—XVII вв. Имеется карта расселения индейских племен в XVII—XVIII вв. Ряд карт показывают пути торговли и колонизации в это время. Несколько карт посвящено войне 1812 г. и особенно гражданской войне 60-х годов XIX в. Детально картографированы пути сообщения США в XX в. Всего в атласе 147 карт, с подробным указателем.

Caldwell Erskine. North of the Danube. With Photographs by Margaret Bourke — White. N. Y. 1939. Стр. 128.

Книга известного американского журналиста Эрскина Колдуэлла дает картину положения в Богемии, Словакии, Моравии и Закарпатской Украине накануне нападения гитлеровцев на Чехословакию. Автор дает серию ярких очерков жизни, занятий, обычаев и нравов городского и главным образом сельского населения посещенных им четырех провинций Чехословакии. Многочисленные превосходные фотоиллюстрации Маргариты Бурк-Уайт представляют самостоятельный художественный и этнографический интерес.

Morton H. V. Middle East. A record of travel in the Countries of Egypt, Palestine, Iraq, Turkey and Greece. N. Y. 1943. 374 стр., 16 иллюстраций, 6 карт.

Мортон, известный американский журналист, автор нескольких книг о странах Востока, а также о современной Англии, дает очерк современного состояния, быта и нравов Египта, Палестины, Ирака, Турции и Греции на основании личных впечатлений во время своих путешествий (накануне второй мировой войны).

Интерес этой книги для этнографов ослабляется ее поверхностным характером, религиозной тенденциозностью и приверженностью автора к ненаучным выводам.

Keesing Felix M. The South Seas in the Moderne World. N. Y. 1942. Стр. 391.

Феликс Кисинг, профессор антропологии Гавайского университета, издал ряд трудов о Маори, Самоа, Филиппинах, а также об индейцах Северной Америки. Родившийся в Малайе и выросший в Новой Зеландии, где он окончил университет, Кисинг основательно изучил языки и жизнь населения островов Тихого океана. Его труд дает богатый материал по политическому и социальному устройству, экономике, общественной и семейной жизни, религии, воспитанию, физическому состоянию и уровню жизни населения Микронезии, Меланезии и Полинезии. Книга снабжена картой, указателем и библиографическим справочником.

Б. Шаревская

НОВЫЕ КНИГИ ОБ ИНДЕЙЦАХ СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ

1

«The Indians of the Western Great Lakes». 1615—1760. By W. Vernon Kinietz (Occasional Contributions from the Museum of Anthropology of the University of Michigan, № 10). Ann. Arbor, University of Michigan Press. 1940.

Автор поставил своей задачей опубликование новых архивных материалов об индейских племенах, некогда населявших нынешний штат Мичиган и район Больших озер. Для этого автор использовал архивы Оттавы, Монреаля, Квебека, Чикаго, Детройта, Анн-Арбор и Вашингтона.

Хронологические границы своего исследования он определяет начиная с первой встречи европейцев с индейскими племенами указанного района, а именно с 1615 г.,

когда Шамплен встретился с племенем оттава, и кончая 1760 г.— годом перехода Канады к англичанам.

Основная часть документов, использованных в книге, составлена в указанный период французскими миссионерами, торговцами и представителями администрации [1].

В книге собран этнографический материал о гуронах, миами, потаватоми и оттава. Половина книги посвящена гуронам, контакт которых с белыми начинается с 1535 г. Первое описание их дано было Шампленом. Автор прослеживает переселения гуронов под давлением ирокезов, устанавливает численность гуронов, приводит высказывания Шамплена, Сагарда, Брессани и других о физическом типе этого племени. Далее приводятся обстоятельные описания занятий гуронов: земледелия, способов охоты, рыбной ловли и обрядов, связанных с ними описания приготовления пищи и устройства жилищ. С наибольшей полнотой даны сведения об одежде и украшениях гуронов. Раздел, посвященный социальной организации, основан главным образом на сообщениях Бребефа, который подробно останавливается на правах и обязанностях гуронских вождей. Приведены также сведения Сагарда о делении гуронов на «три провинции». Сведения же о родовой организации гуронов, к сожалению, чрезвычайно скудны. Подробные сведения даются о плясках гуронов, обычаях, связанных с родами, воспитанием детей; много интересных материалов о брачных нормах гуронов. Полно описаны Шампленом и Бребефом погребальные обряды.

В разделе «Астрономия» автор пишет о космологических представлениях гуронов, об их календаре. Много интересных материалов о религии гуронов; их шаманах и колдунах.

Материалов об оттава, потаватоми, чиппевеях и миами значительно меньше, но они также ценны, так как до сих пор не использовались в трудах об этих племенах.

Ценность всей книги в новых архивных материалах, относящихся к начальному периоду колонизации Северной Америки, когда культура индейцев еще не была затронута влиянием европейской цивилизации.

2

Harmon George Dewey. Sixty years of Indian Affairs (Politic, Economic and Diplomatic). 1789—1850. Chapel Hill, The University of North Carolina Press, 1941.

Книга повествует о колониальной политике правительства США, применяемой к туземному населению Америки за 60 лет, с 1789 по 1850 гг. В ней на основании политических, экономических и дипломатических документов рассказывается история захвата белыми индейских земель и пауперизации индейцев. На обложке книги читаем: «Как непреодолимая волна, белый человек устремился на Запад. Купец, пионер, земельный спекулянт — все хотели владений краснокожего. Индеец же оказался плохим продавцом, он продал богатейший в мире континент дешевле, чем по 10 центов за акр. Книга рассказывает как раз об этом». Индеец «продавал» свои земли до тех пор, пока «последняя могила его отцов не была включена во владения белых». В предисловии автор пишет: «Задачей этого труда является анализ различных сторон федеральной индейской политики с точки зрения ее финансовой, политической и дипломатической значимости. Главным моментом этой политики было признание законного права индейцев на землю и переход этого права в руки белых и их правительства».

Книга состоит из трех частей. Первая, озаглавленная «The formative period», т. е. созидательный период, охватывает 1789—1825 гг.— период формирования США. Это было время нащупывания способов разрешения уже тогда остро стоявшего индейского вопроса. Одной из главных задач в этот период была борьба с Испанией и Англией за влияние на индейцев. С этой целью создавались на государственные средства фактории — торговые пункты, которые должны были захватывать исключительно в свои руки торговлю с индейцами и препятствовать общению последних с представителями других государств. Принимались также меры против объединения отдельных индейских племен в конфедерации и против усиления индейцев. Вторым моментом, характеризующим этот период, была борьба между федеральным правительством и отдельными штатами за право разрешения индейской проблемы

[1] Автор не высоко ставит труды Шарневуа и Лафито, доказывая, что они заимствовали большую часть опубликованных ими материалов из более ранних описаний без ссылок на них. По его мнению пользоваться материалами этих авторов допустимо только в тех случаях, когда можно установить оригиналы, с которых они списывали.

Автор показывает изменение индейской политики федерального правительства по годам: с 1789 по 1796, с 1796 по 1812 и с 1812 по 1825 г., а также осуществление этой политики в отношении Нью-Йорка, северо-западных индейцев, южных племен. Специальная глава посвящена вопросу о факториях и государственном субсидировании их.

Вторая часть посвящена периоду с 1825 по 1850 гг., названному автором «Coersive period», т. е. период принуждения. После войны 1812 г. правительство США было уже более сильным и в индейском вопросе вступило на путь более решительных мер. Это были наиболее черные годы в истории индейцев, годы насильственного захвата их земель и переселения индейцев все далее и далее на запад, в безводные прерии и на бесплодные плоскогория.

В третьей части, озаглавленной «Федеральное правительство как опекун индейцев», автор анализирует действия правительства в отношении индейцев после того, как все их земли были захвачены, сами индейцы поселены в резервации и правительство взяло на себя опеку над обездоленным народом.

Книга хорошо документирована ссылками и цитатами из официальных документов рассматриваемого автором периода и снабжена прекрасной библиографией. Она является весьма ценным вкладом в изучение этого еще мало освещенного периода в истории Америки.

3

«The Changing Indian». Edited by Oliver La Farge., University of Oklahoma Press. 1942.

В этой книге о современных индейцах приняли участие антропологи, представители бюро по индейским делам, службы общественного здравоохранения США и государственного департамента земледелия.

Во введении John Collier дает сводку всех последних законодательств, касающихся индейцев. Последняя глава книги, написанная ее редактором, озаглавлена: «New Concepts in Indian Affairs».

В книге освещаются три главных момента: 1) вопрос о существовании индейцев; 2) индейская аграрная проблема; 3) прогресс в деле просвещения индейцев. Авторы на статистическом материале рождений, смертей и смешений рас пытаются доказать, что индейское население США увеличивается.

Ю. Аверкиева

«Dictionary of American History». James Truslow Adams (Editor in chief). New York—London. 1940.

Словарь американской истории, в шести томах, вышел в Нью-Йорке под редакцией известного американского историка James Truslow Adams. Этот труд представляет большой интерес не только для историков, но и для этнографов. В составлении словаря приняли участие многие ученые Америки (в том числе и этнографы), а также научные общества. Словарь состоит из 6425 коротких статей и заметок об отдельных фактах и событиях, имевших значение в истории США; среди них много статей об индейцах Америки. Ценной стороной труда является то, что история США дается с учетом индейского населения североамериканского континента.

В «Словаре» помещен ряд этнографических очерков общего характера: «Индейцы», «Индейское искусство», «Индейцы и лошадь», «Индейцы и огнестрельное оружие», «Индейский совет», «Индейское селение», «Индейские погребения» и др., написанных известным этнографом Кларком Висслером. О таких индейских племенах, как ирокезы, гуроны, апачи, сиу, пима, хопи и др., приведены краткие справки с ссылкой на «Handbook of American Indian». Они ценны в качестве справочного материала, легко доступного для широких кругов читающей публики.

Наибольший интерес представляют статьи о судьбах индейцев в период колонизации Америки и после него. Этот момент совершенно не нашел своего отражения в американской этнографической литературе, недостаточно он освещен и в трудах по истории Америки. В этих статьях речь идет о методах колониальной политики в Америке европейских держав, а затем правительства США. Таковы очерки: «Индейская политика колониального периода», «Индейская политика национальная». Здесь

кратко охарактеризованы методы этой политики и изменение их на различных этапах развития США.

Обширный очерк, посвященный истории захвата индейских земель, озаглавлен «Indian Land Cession». В нем приведены различные законодательства по этому вопросу и указана библиография.

Большая статья, озаглавленная «Indian Removal», рисует историю индейских переселений. Это переселение обезземеленных индейцев вписало немало кровавых страниц в историю Америки. Небольшая заметка посвящена истории создания индейских резерваций. Описана также практика заключения договоров с индейскими племенами и группами племен на предмет «передачи» последними своих исконных земель белым. «Индейская комиссия», «Бюро по индейским делам», «Индейские агентства», «Индейский агент» — все эти материалы дают представление об учреждениях, посредством которых правительство США осуществляло свою колониальную политику в отношении индейцев. Специальные очерки посвящены участию индейцев в гражданской войне в США и «индейской бригаде», созданной в период этой войны. Интересны статьи «Индейская страна», «Индейское пограничное государство», в которых речь идет об идее создания нейтральной индейской территории на границе между английскими и французскими владениями в первый период колонизации Америки. Статьи «Индейская торговля и торговцы», «Индейцы и спиртные напитки» и др. характеризуют положение индейцев этого периода, обман и ограбление их торговцами, гибельное влияние на них спиртных напитков.

Ряд очерков характеризует жизнь индейцев в резервациях. Таковы, например, «Indian Oil Lands» — об эксплоатации месторождений нефти, открытых в резервациях; «Indian Tribal Courts» — о создании индейских судов в резервациях; «Indian citizenship» — о правовом положении индейцев в резервациях и др. Сведения об участи индейцев в период колонизации приводятся также в истории развития отдельных штатов.

Все эти статьи снабжены библиографией и ценны тем, что в них сведен воедино чрезвычайно разбросанный в литературе материал о судьбах индейцев в период колонизации североамериканского материка.

Ю. А.

СОДЕРЖАНИЕ

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

С. П. Толстов. Проблема происхождения индоевропейцев и современная этнография и этнографическая лингвистика 3
А. Д. Удальцов. К вопросу о происхождении индоевропейцев 14
М. О. Косвен. К проблеме группового брака 19
Д. А. Ольдерогге. Кольцевая связь родов или трехродовой союз (Gens triplex) . 23
Ю. П. Аверкиева. К вопросу о потлаче у индейцев Северо-западной Америки 26
М. О. Косвен. Обычай возвращения домой (из истории брака) 30
Е. М. Шиллинг. Из истории одного дагестанского земледельческого культа 32
Л. Б. Панек. Социальные отношения мтиулов 35
А. А. Попов. Нганасаны 37
Л. П. Потапов. Религиозные и магические функции шаманских бубнов (рукопись И. Т. Савенкова) 41
Г. М. Василевич. Материалы языка к проблеме этногенеза тунгусов 46
В. В. Бунак. Краниологические типы западноевропейского неолита 51
Н. Н. Чебоксаров. Этническая антропология Германии 55
Г. Ф. Дебец. К антропологии чукчей 63
М. Г. Левин. Антропологические типы Амура и Охотского побережья . . . 65
М. Г. Рабинович. Московские гончары XVI—XVIII вв. 69
В. И. Чичеров. Эпическая традиция Кенозера и школа Сивцева-Поромского . 74
В. Ю. Крупянская. Фронтовая песня 77
Н. В. Кюнер. Корейские литературные памятники и манчжурские архивные документы Алма-Ата как этнографические источники 80
Е. О. Зевакин. Западный Кавказ в известиях европейских путешественников и писателей XIII—XVIII вв. 83
М. Г. Левин. Т. Н. Грановский и русская антропология 85

ДОКЛАДЫ НА ЗАСЕДАНИИ УЧЕНОГО СОВЕТА ИНСТИТУТА ЭТНОГРАФИИ АН СССР, ПОСВЯЩЕННОМ ПАМЯТИ А. ГРДЛИЧКИ и Ф. БОАСА

М. Г. Левин. Алеш Грдличка (Жизнь и деятельность) 88
Ю. П. Аверкиева. Франц Боас 101

ХРОНИКА

М. Г. Рабинович. Институт этнографии Академии Наук в годы Великой Отечественной войны 112
Н. Н. Степанов. В Институте этнографии АН СССР (Ленинград) 114
В. В. Гинзбург. Хронологические коллекции Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого 114
О. А. Корбе. Защита диссертаций сотрудниками Института этнографии . . 115
Е. М. Шиллинг. Дагестанская этнографическая экспедиция 1944 г. 117
О. К. Редакционно-издательская работа Института этнографии 121
Г. С. Маслова. Выставка «Русская народная одежда» 124

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Ю. Аверкиева. Boas Franz. Race, Language and Culture 126
Б. Шаревская. Новая литература по этнографии зарубежных стран 126
Ю. Аверкиева. Новые книги об индейцах Северной Америки 127
Ю. А. «Dictionary of American History» 129

Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета АН СССР

Редактор издательства *С. М. Розеноер* Технический редактор *О. Залышкина*

РИСО АН СССР № 2341. А055464. Изд. № 750. Тип. заказ № 128. Подписано к печати 26.VII 1946 г.
Формат бумаги 70 × 108 1/16. Печ. л. 8 1/4 + вклейки. Уч.-издат. л. 12,75. Тираж 2000 экз.

2-я типография Издательства Академии Наук СССР. Москва, Шубинский пер., 10

Цена 10 руб.